

Фрэнк Герберт

ДЮНА

Фрэнк Герберт

Дюна

«Издательство АСТ»

1965

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Герберт Ф.

Дюна / Ф. Герберт — «Издательство АСТ», 1965

ISBN 978-5-17-089781-0

Фрэнк Герберт (1920–1986) успел написать много, но в истории остался прежде всего как автор эпопеи «Дюна». Возможно, самой прославленной фантастической саги двадцатого столетия, саги, переведенной на десятки языков и завоевавшей по всему миру миллионы поклонников. Самый авторитетный журнал научной фантастики «Локус» признал «Дюну», первый роман эпопеи о песчаной планете, лучшим научно-фантастическим романом всех времен и народов. В «Дюне» Фрэнку Герберту удалось совершить невозможное – создать своеобразную «хронику далекого будущего». И не было за всю историю мировой фантастики картины грядущего более яркой, более зримой, более мощной и оригинальной. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-089781-0

© Герберт Ф., 1965

© Издательство АСТ, 1965

Содержание

Книга первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Фрэнк Герберт

Дюна

© Frank Herbert, 1965

© Перевод. П. Вязников, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Книга первая

Дюна

Начало есть время, когда следует позаботиться о том, чтобы все было отмерено и уравновешено. Это знает каждая сестра Бене Гессерит. Итак, приступая к изучению жизни Муад'Диба, прежде всего правильно представьте время его: рожден в пятьдесят седьмой год правления Падишах-Императора Шаддама IV. И с особым вниманием отнеситесь к его месту в пространстве: планете Арракис. Пусть не смутит вас то, что родился он на Каладане и первые пятнадцать лет своей жизни провел на этой планете: Арракис, часто называемой также Дюной, – вот место Муад'Диба, вовеки. (Из учебника «Жизнь Муад'Диба» принцессы Ирулан)

За неделю до отлета на Арракис, когда суeta приготовлений и сборов достигла апогея, превратившись в настоящее безумие, какая-то сморщенная старуха пришла к матери Пауля.

Над замком Каладан стояла теплая ночь, но из древних каменных стен, двадцать шесть поколений служивших роду Атрейдесов, как всегда перед сменой погоды, выступил тонкий, прохладный налет влаги.

Старуху впустили через боковую дверь, провели сводчатым коридором мимо комнаты Пауля, и она, заглянув в нее, увидела лежащего в постели юного наследника.

В тусклом свете плавающей лампы, притушенной и висящей в силовом поле у самого пола, проснувшийся мальчик увидел в дверях грузную женщину – та стояла на шаг впереди его матери. Старуха походила на ведьму: свалывшаяся паутина волос, подобно капюшону, затеняла лицо, на котором ярко сверкали глаза.

– Не маловат ли он для своих лет, Джессика? – спросила старуха. У нее была одышка, а резкий, дребезжащий голос звучал как расстроенный балисет.

Мать Пауля ответила своим мягким контральто:

– Все Атрейдесы взрослеют поздно, Преподобная.

– Слыхала, – проскрипела старуха. – Но ему уже пятнадцать.

– Да, Преподобная.

– Ага, он проснулся и слушает! – Старуха всмотрелась в лицо мальчика. – Притворяется, маленький хитрец! Ну, да для правителя хитрость не порок... А если он и впрямь Квисатц Хадерах – тогда... впрочем, посмотрим.

Пауль, укрывшись в тени своего ложа, смотрел на нее сквозь прикрытые веки. Ему казалось, что два сверкающих овала – глаза старухи – увеличились и засияли внутренним светом, встретившись с его взглядом.

– Спи, спи пока спокойно, притворщик, – проговорила старуха. – Выпись как следует: завтра тебе понадобятся все силы, какие у тебя есть... чтобы встретить мой гом джаббар...

С этим она и удалилась, вытеснив мать Пауля в коридор, и захлопнула дверь.

Пауль лежал и думал. Что такое гом джаббар?

Старуха была самым странным из всего, что он видел за эти дни перемен и суеты сборов. Преподобная...

Эта «Преподобная» называла его мать просто «Джессика», словно простую служанку. А ведь его мать – Бене Гессерит, леди, наложница герцога Лето Атрейдиса, родившая ему наследника!

Но гом джаббар... что это? Нечто связанное с Арракисом? Что-то, что он должен узнать до того, как отправиться туда?

Он беззвучно повторил эти странные слова: «гом джаббар», «Квисатц Хадерах»...

Предстояло узнать столько нового! Арракис так отличался от Каладана, что голова Пауля шла кругом от обилия новых сведений.

Арракис – Дюна – Планета Пустыни.

Суфир Хават, старший мастер-асассин при дворе его отца, объяснял ему, что Харконнены, смертельные враги дома Атрейдес, восемьдесят лет властвовали над Арракисом – он был их квазиленным владением по контракту на добычу легендарного гериатрического снадобья, Пряности Пряности, меланжи – контракту, заключенному с Харконненами компанией КООАМ. Теперь Харконнены уходили, а на их место, но уже с полным леном, приходили Атрейдесы – и бесспорность победы герцога Лето Атрейдеса была очевидна. Хотя... Хават еще говорил, что в такой очевидности таится смертельная угроза, ибо герцог Лето слишком популярен в Ландсрааде Великих Правящих Домов. «А чужая слава – основа зависти владык», – сказал тогда Хават.

Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пауль спал. Ему снилась какая-то пещера на Арракисе, молчаливые люди, скользкие в неясном свете плавающих в воздухе ламп. И тишина – торжественная тишина храма, нарушаемая только отчетливо отдающимися под сводами звуками часто падающих капель: кап-кап-кап... Пауль даже в забытии чувствовал, что не забудет это видение – пробуждаясь, он всегда помнил сны, содержащие предсказание...

Видение становилось все более зыбким и наконец растаяло.

Пауль лежал в полудреме и думал. Замок Каладан, в котором он не знал игр со сверстниками, пожалуй, вовсе не заслуживал грусти при расставании. Доктор Юйэ, его учитель, намекал, что на Арракисе классовые рамки кодекса Фафрелах не соблюдаются так строго, как здесь. Люди там живут в пустыне, где нет кайдов и башаров Императора, чтобы командовать ими. Люди, подчиняющиеся лишь Воле Пустыни, фримены, «Свободные» – не внесенные в имперские переписи...

Арракис – Дюна – Планета Пустыни...

Пауль почувствовал охватившее его напряжение и применил один из приемов подчинения духа и тела, которым научила его мать. Три быстрых коротких вдоха – и привычная реакция: он словно поплыл, концентрируя при этом свое внутреннее «я»: *...аорта расширяется... сознание сфокусировано... сознание контролируется полностью: я могу управлять сознанием, включать и выключать по собственному желанию... моя кровь насыщается кислородом и омывает им перегруженные участки... невозможно получить пищу, безопасность и свободу, пользуясь одним лишь инстинктом... разуму животного не дано выйти за пределы момента или осознать, что оно само может уничтожить свою добычу... животное разрушает, а не создает... удовольствия животного остаются на уровне чувственного восприятия, не возвышаясь до осознания... человек нуждается в системе координат для восприятия мира... концентрируя сознание, я создаю такую систему... единство тела следует за работой нервной и кровеносной систем – согласно нуждам самих клеток... все сущее, все предметы, все живое – все непостоянно... необходимо стремиться к постоянству изменчивости внутри себя...*

Снова и снова повторялся этот урок в плывущем сознании Пауля.

Когда же сквозь шторы проник желтый свет утра, Пауль почувствовал его сквозь сомкнутые веки, открыл глаза и услышал, что в замке возобновилась суэта. Увидел над собой знакомую резьбу потолочных балок...

Отворилась дверь, и в спальню заглянула мать: волосы цвета темной бронзы перевиты черной лентой, черты лица неподвижны и зеленые глаза торжественно-строги.

– Проснулся? – спросила она. – Хорошо выспался?

– Да.

Пауль пристально смотрел на нее, пока мать выбирала одежду, примечая непривычную суровость, напряженные плечи... Никто другой не разглядел бы этого, но Джессика сама обучала его тайнам Бене Гессерит, заставляла обращать внимание на мельчайшие детали.

Она повернулась, держа в руках полуофициальную куртку с красным соколом – гербом дома Атрейдес – на нагрудном кармане.

– Одевайся быстрее. Преподобная Мать ждет тебя.

– Когда-то, давно, она приснилась мне... Кто она такая?

– Моя бывшая наставница в школе Бене Гессерит. Сейчас она – личная Правдовидица Императора. И, Пауль... – мать на мгновение умолкла, – Пауль, ты должен рассказать ей о своих снах.

– Хорошо. Мы получили Арракис благодаря ей?

– Мы еще не получили его. Он не наш... – Джессика стряхнула пылинки с одежды и повесила брюки вместе с курткой на стойку у постели. – Не заставляй Преподобную дожидаться тебя...

Пауль сел, обхватил колени.

– А что такое гом джаббар?

И снова материнская наука позволила Паулю заметить ту неуловимую, чуть заметную дрожь, которую он мог истолковать только как страх.

Джессика подошла к окну, раздвинула шторы и посмотрела туда, где за приречными садами возвышалась гора Сиуби.

– Ты узнаешь, что такое... гом джаббар... очень скоро.

В ее голосе он отчетливо услышал нотки страха и изумился вновь.

Не оборачиваясь, Джессика произнесла:

– Преподобная Мать ждет тебя в моей утренней приемной. Поторопись.

Преподобная Мать Гайя-Елена Мохийам сидела в обитом гобеленовой тканью кресле, разглядывая подходивших к ней женщину и ее сына. Из окон по обе стороны кресла открывался великолепный вид на южную излучину реки и зеленые поля владений Атрейдесов, но Преподобная не обращала на эту красоту никакого внимания. Утром она особенно сильно чувствовала свой возраст и оттого была раздражительна. В дурном самочувствии она винила космический перелет и общение с проклятой Гильдией Космогации. Ох уж эта Гильдия с ее тайными интригами!.. Но здесь ее ждало дело, требующее личного внимания Бене Гессерит с Проникающим взором. Даже личная Правдовидица Падишах-Императора не может отказаться исполнить свой долг.

«Проклятие этой Джессике! – думала Преподобная Мать. – Если бы только она родила нам не сына, а дочь, как мы приказывали ей!..»

Джессика остановилась в трех шагах от кресла и присела в легком реверансе – левая рука изящно скользнула вдоль юбки. Пауль коротко поклонился: по этикету – «приветствие того, в чьем статусе не уверен».

Преподобная Мать не преминула отметить это.

– А он осторожен, Джессика, – промолвила она.

Ладонь Джессики, лежавшая на плече сына, сжалась. На мгновение, за которое сердце сделало один удар, он почувствовал, как тонкие пальцы ее дрогнули – от страха. Затем она вновь овладела собой.

– Так его учили, Преподобная.

«Чего она боится?» – в который раз подумал Пауль.

Короткое мгновение глаза старухи изучали его: овал лица – как у Джессики, но мальчик пошире в кости... волосы отцовские, черные как вороново крыло, но их линия надо лбом напоминает о деде по матери, имя которого нельзя называть... а этот тонкий надменный нос,

разрез прямо смотрящих зеленых глаз – наследство Старого Герцога, деда по отцовской линии. *Этот* дед уже умер.

«Да, вот был человек, который даже в смерти знал цену и силу храбрости!» – подумала Преподобная.

– Одно дело учение, – сказала она, – совсем иное – основа... Посмотрим.

Старуха метнула на Джессика короткий взгляд.

– Оставь нас. Налагаю на тебя урок. Ступай, совершенствуйся в умиротворяющей медитации, укрепляй спокойствие духа.

Джессика сняла руку с плеча Пауля.

– Преподобная, я...

– Ты знаешь, Джессика, что *это* необходимо.

Пауль озадаченно посмотрел на мать.

Та выпрямилась.

– Да... конечно...

Мальчик снова обернулся к Преподобной. Покорность и очевидный страх, которые его мать испытывала перед старухой, призывали к осторожности. Но он чувствовал также исходящие от матери гнев и опасение.

– Пауль, – Джессика глубоко вздохнула, – испытание, которое тебе предстоит... Оно очень много значит для меня.

– Испытание?

– Помни, что ты – сын герцога, – сказала Джессика, резко повернулась и вышла из залы, прошелестев тканью юбок. Дверь плотно затворилась.

Пауль, сдерживая гнев, спросил:

– Можно ли отсылать леди Джессика как простую служанку?

Улыбка тронула уголки сморщенных губ.

– А леди Джессика и была моей служанкой, мальчик, все четырнадцать лет в нашей школе. – Старуха покивала. – И кстати, неплохой служанкой. Теперь подойди ко мне!

Приказ прозвучал как удар бича, и Пауль повиновался прежде, чем понял, что делает.

«Она использует Голос», – подумал он и остановился по жесту старухи у самых ее ног.

– Ты видишь это? – сказала она, извлекая откуда-то из складок облачения куб из зеленоватого металла, со стороной сантиметров в пятнадцать. Она повернула куб, и Пауль увидел, что одна из граней открыта – внутри была странно пугающая темнота, казалось, полностью поглощавшая свет.

– Вложи сюда руку, – приказала старуха.

Почувствовав внезапный укол страха, Пауль отшатнулся, но старуха остановила его:

– Так-то ты слушаешься свою мать?

Он взглянул в ее блестящие, как у птицы, глаза. Медленно, ощущая давление чужой воли, но не в силах противостоять ей, вложил руку в ящичек. Темнота поглотила ее, и Пауль почувствовал холодок, затем гладкий металл под пальцами и какое-то покалывание, будто ладонь затекла и теперь отходила.

На лице старухи появилось хищное выражение. Она подняла правую руку с коробки и положила на его плечо, рядом с шеей. Пауль заметил уголком глаза блеск металла и начал было поворачивать голову...

– Стой! – каркнула она.

Снова она использует Голос!.. Взгляд Пауля вернулся к лицу старухи.

– У твоей шеи я держу гом джаббар, – отчетливо произнесла она. – Гом джаббар, враг высокомерия. Это игла с каплей яда на острие. А! Не отдергивай руку, не то испытаешь его на себе.

Пауль попытался сглотнуть, но горло пересохло, и он не мог оторвать взгляд от изборожденного морщинами лица – сверкающие глаза, бледные десны и серебристые металлические зубы, поблескивающие, когда она говорила...

– Сын герцога должен кое-что знать о ядах, – сказала старуха. – В такие уж времена мы живем, верно? Муски в кубке, аумас на блюде... Быстрые, медленные, и те, что посредине. Этот яд – новый для тебя, гом джаббар: он убивает только животных.

Гордость оказалась сильнее страха.

– Ты смеешь предполагать, что сын герцога – животное?! – гневно спросил Пауль.

– Скажем так: я допускаю, что ты можешь оказаться человеком, – усмехнулась она. – Спокойно! Не пытайся уклониться. Я, конечно, стара, но моя рука всадит эту иглу в твою шею раньше, чем ты успеешь отпрянуть...

– Кто ты? – прошептал Пауль. – Какой хитростью сумела вынудить мать оставить меня наедине с тобой? Ты служишь Харконненам?

– Харконненам?! Еще чего не хватало! Ну довольно, молчи. – Сухой палец прикоснулся к его шее, но мальчик сумел сдержать невольное желание отпрянуть.

– Недурно, – сказала она. – Первое испытание ты, будем считать, выдержал. А вот что будет теперь: если только ты выдернешь руку из ящика, ты умрешь. Это единственное правило. Держишь руку внутри – живешь. Выдергиваешь – умираешь.

Пауль глубоко вдохнул, умиряя дрожь.

– Если я закричу, через несколько секунд тут будут слуги. И тогда умрешь ты.

– Слугам не войти сюда: твоя мать стоит на страже у дверей. Поверь мне. Когда-то твоя мать выдержала это испытание; теперь твоя очередь. Ты можешь гордиться: нечасто мы допускаем к этому испытанию мальчиков...

Любопытство было слишком сильно, оно помогло преодолеть страх, довести его до терпимого уровня. Старуха говорила правду, сомневаться не приходилось: Пауль судил по ее интонации. Если мать действительно сторожит дверь... если это действительно лишь испытание... Как бы то ни было, он попался, и старческая рука крепко держит его. Гом джаббар. Он мысленно произнес формулу-заклинание против страха из ритуала Бене Гессерит, которому научила его мать.

Я не боюсь, я не должен бояться. Ибо страх убивает разум. Страх есть малая смерть, влекущая за собой полное уничтожение. Я встречу свой страх и приму его. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет через меня, я обращу свой внутренний взор на его путь; и там, где был страх, не останется ничего. Останусь лишь я, я сам.

Пауль почувствовал, как вместе со знакомыми словами спокойствие вернулось к нему.

– Начинай, старуха, – надменно сказал он.

– Старуха! – каркнула она. – А ты храбрец, в этом тебе не откажешь. Н-ну что ж, посмотрим... – Она наклонилась ближе и понизила голос до шепота: – Сейчас твоей руке станет больно. Очень больно. Но помни! Чуть только ты отдернешь ее – я коснусь твоей шеи гом джаббаром. Смерть будет быстрой, как топор палача. Вынешь руку – и тотчас гом джаббар убьет тебя. Ты хорошо понял?

– Что в этом ящике?

– Боль.

Он почувствовал, что покалывание в ладони усилилось, и сжал губы. *Что можно испытать таким образом?* Покалывание переросло в сильный зуд.

Старуха заговорила:

– Ты слышал, как животные отгрызают себе лапу, зажатую капканом? Это типичная реакция животного. Человек же на их месте остался бы в капкане, преодолев боль, и, прикинувшись мертвым, дождался бы того, кто поставил капкан, чтобы убить его и этим отвести угрозу от своих собратьев!

Зуд превратился в слабое жжение.

– Зачем ты делаешь это? – спросил Пауль.

– Чтобы определить, человек ли ты. Молчи.

Пауль сжал левую руку в кулак: жжение в правой усиливалось все больше, все росло... жар внутри куба нарастал... нарастал... Он попробовал сжать пальцы правой руки, но не мог пошевелить ими.

– Жжет, – прошептал он.

– Молчи.

Боль пульсировала в его ладони. На лбу выступил пот. Все тело кричало, приказывая немедленно выдернуть руку из этой жаровни... но... гом джаббар. Не поворачивая головы, Пауль скосил глаза, пытаясь увидеть страшную иглу возле своей шеи. Он вдруг обнаружил, что дышит, судорожно хватая ртом воздух, попытался успокоить дыхание – и не смог.

Какая боль!

Из его вселенной исчезло все, осталась лишь погруженная в боль рука и древнее лицо совсем рядом... изучающий взгляд...

Губы так высохли, что он едва смог разлепить их.

Какая боль!

Казалось, он видел, как кожа на его истязуемой руке чернеет и трескается, плоть обугливается и отпадает с обгоревших костей...

И тут все кончилось.

Боль исчезла, словно повернули выключатель (так оно и было).

Пауль ощутил, что его правая рука дрожит, а все тело мокро от пота.

– Довольно, – пробормотала старуха. – Кул вахад! Ни одна из девочек никогда не выдерживала такого. Я, наверно, хотела, чтобы не выдержал и ты... – Она откинулась в кресле, убрала иглу с ядом от шеи мальчика. – Ну что же, вынь руку, *человек*... и посмотри на нее.

Борясь с болезненной дрожью, Пауль взгляделся в черный провал, где его рука, казалось, оставалась по собственной воле, независимо от него. Рассудок упрямо твердил, что, вытащив ладонь, он увидит обугленную культю...

– Ну же! – прикрикнула старуха.

Пауль рывком выдернул руку и изумленно посмотрел на нее. Никаких следов! Он пошевелил пальцами.

– Боль вызывается невроиндукцией, – объяснила старуха. – Нельзя же в самом деле калечить тех, кто может оказаться Человеком. Да, некоторые дорого заплатили бы за секрет этой штучки... – Она убрала коробочку обратно в складки мантии.

– Но боль... – начал Пауль.

– Боль! – фыркнула Преподобная. – Человек способен управлять любым нервом своего тела!

Пауль почувствовал боль в левой руке, с трудом разжал сведенный кулак, посмотрел на четыре кровавые отметины там, где в ладонь вонзились ногти. Уронил руку и перевел взгляд на старуху.

– Ты и с моей матерью это проделывала?

– Видел, как просеивают песок сквозь сито? – спросила она в ответ.

Тон вопроса подхлестнул его внимание. *Песок сквозь сито*... Он кивнул.

– А мы, Бене Гессерит, просеиваем людей, отделяя их от животных.

Он снова поднял руку, воскрешая воспоминание о боли.

– И все, что вам для этого надо, – боль? Это единственный критерий?

– Нет. Я наблюдала не за болью – за тобой в боли. Боль, мальчик, – это лишь ось всего испытания. Твоя мать рассказывала тебе о наших методах наблюдения, не так ли? Я вижу в тебе признаки учения. А наше испытание – это кризис и наблюдение.

Ее голос подтвердил, что она не лжет. Пауль кивнул:

– Ты говоришь правду.

Она уставилась на мальчика. Он чувствует правду! Неужели это... Неужели... Она подавила волнение, напомним себе: «Надежда мешает вниманию».

– Ты видишь, когда люди верят в то, что говорят!

– Вижу.

В его голосе она слышала способности, неоднократно проверенные на практике. И, слыша их, произнесла:

– Возможно... возможно, ты и в самом деле Квисатц Хадерах... Сядь возле моих ног, маленький брат.

– Предпочитаю стоять.

– А твоя мать сидела когда-то у моих ног...

– Я – не она.

– Хм, похоже, особой любви я тебе не внушила, а? – Старуха посмотрела на закрытую дверь, позвала: – Джессика!

Дверь распахнулась. На пороге стояла Джессика; в ее глазах было невероятное напряжение. Увидев Пауля, она чуть-чуть успокоилась. Ей даже удалось слабо улыбнуться.

– Джессика, ответь, ты по-прежнему ненавидишь меня? – спросила старуха.

– Я люблю и ненавижу одновременно, – откликнулась Джессика. – Ненависть – это причиненные тобой страдания. А любовь...

– А любовь – суть, только и всего, – сказала старуха, но голос ее смягчился, став почти ласковым. – Ты можешь войти, но молчи, не говори ничего. Закрой дверь и следи, чтобы нам не помешали...

Джессика закрыла дверь и устало прислонилась к ней. «Мой сын жив, – думала она. – Мой сын жив – и он... человек. Я знала, что он человек, но он... жив. Значит, и я могу жить...» Дверь за спиной была такой твердой и – реальной... Все в комнате просто-таки давило на нее.

Мой сын жив.

Пауль посмотрел на мать. «Старуха не соврала», – решил он. Хотелось уйти и побыть одному, обдумать случившееся, но он знал, что не сможет уйти без позволения. У старухи была над ним власть... Они обе говорили правду. Мать тоже прошла через это испытание, у которого должна быть очень важная цель... такая сильная боль и... страх... Пауль чувствовал за всем этим какую-то огромную и пугающую цель. Они действовали вопреки вероятности. И сами устанавливали свою цель, сами решали, что необходимо... Мальчик чувствовал, что и он заразился той же пугающей необходимостью и отныне движется к той же огромной и страшной цели. Но что это за цель, он еще не знал.

– Может быть, настанет день, – произнесла старуха, – и тебе, мальчик, точно так же придется стоять за дверью и ждать, как сегодня твоей матери. Это нелегко...

Пауль снова всмотрелся в свою правую руку, а затем поднял взгляд на Преподобную. Ее голос отличался от любого слышанного им ранее. Слова, казалось, были очерчены яркими, сияющими линиями, каждое из них имело острое лезвие... Пауль чувствовал, что любой заданный им вопрос может повлечь за собой ответ, который поднимет его над этим зримосуществующим и увлечет куда-то выше...

– Но зачем вы испытываете людей?

– Чтобы освободить их.

– Освободить?

– Когда-то человечество изобретало машины – в надежде, что они сделают людей свободными. Но это лишь позволило одним людям закабалить других с помощью этих самых машин...

– «Да не построишь машины, наделенной подобием разума людского», – процитировал Пауль.

– Верно, так заповедовано со времен Великого Джихада. Так записана эта заповедь в Экуменической Библии. Но только не так бы надо записать ее, а по-иному: «Да не построишь машины, наделенной подобием разума *человеческого*». Ты изучал ментата, который служит вашему Дому?

– Яучился вместе с Суфиром Хаватом.

– Великий Джихад лишил человечество костылей, – промолвила она. – Это заставило людей развивать свой мозг. И тогда появились школы, развивающие способности человека – именно человеческие способности.

– Ты говоришь о школах Бене Гессерит?

Она кивнула.

– От школ того времени сохранились две: Бене Гессерит и Гильдия Космогации. Гильдия, по нашим сведениям, занимается в основном чистой математикой. Бене Гессерит интересуется нечем другим...

– Политика, – утвердительно сказал Пауль.

– *Кул вахад!* – воскликнула изумленная старуха, бросив жесткий взгляд на Джессику.

– Я не говорила ему этого, Преподобная!

Преподобная Мать снова повернулась к Паулю.

– Ты сумел понять это по очень немногим косвенным данным... – проворчала она. – Действительно, можно сказать и так. Изначально учение Бене Гессерит было заложено теми, кто видел необходимость преемственности в жизни человечества. Они понимали также, что такая преемственность невозможна без разделения людей и животных – для наших евгенических программ.

...Внезапно слова старухи потеряли для Пауля свою сверкающую остроту. Он почувствовал: здесь нарушено то, что мать называла его «инстинктивным ощущением правды». Нет, Преподобная Мать не лгала ему. Совершенно очевидно, что она верит в сказанное. Тут было что-то, спрятанное гораздо глубже... нечто, связанное с той пугающей целью...

Он негромко заметил:

– Но моя мать говорила, что многие из Бене Гессерит не знают, от кого они происходят...

– Однако их генетические линии занесены в наши книги, – ответила старуха. – Твоей матери известно, что она либо происходит от Бене Гессерит, либо ее генетический код нас удовлетворил.

– Почему же тогда ей нельзя знать, кто ее родители?

– Некоторые из нас знают своих родителей, другие – многие! – нет. Допустим, мы можем планировать рождение ею ребенка от кого-то из близких родственников, чтобы закрепить доминанту в генетической линии. Могут быть и другие причины, множество причин...

И снова Пауль почувствовал нарушение истинности, снова сработало его «чувство правды».

– Много же вы на себя берете, – проговорил он.

Преподобная Мать пристально посмотрела на подростка. В его голосе прозвучала критика – она не ослышалась?

– У нас тяжелая ноша, – ответила она.

Пауль чувствовал, что совсем оправился от шока испытания гом джаббаром. Он испытующе взглянул на Преподобную:

– Ты говоришь, что я, возможно... Квисатц Хадерах. Что это такое? Человек – гом джаббар?

– Пауль, – остерегла его Джессика, – ты не должен разговаривать таким тоном с...

– Я сама разберусь, Джессика, – оборвала ее старуха. – Теперь следующее, молодой человек: что ты знаешь о Снадобье Правдовидиц?

– Его принимают для усиления способности распознавать обман, – отвечал Пауль. – Мать рассказывала мне о нем.

– А Транс Правды ты видел?

Он потряс головой:

– Никогда.

– Снадобье – опасный наркотик, но он дает проницательность, и... Когда Правдовидица принимает его, она может заглянуть одновременно во множество разных мест, скрытых в памяти ее тела. Мы видим множество путей прошлого... но лишь прошлого женщин. – В ее голосе прозвучала печаль. – И есть одно место, в которое не способна заглянуть ни одна из Бене Гессерит. Оно пугает и отталкивает нас. Было предсказание, что однажды появится мужчина, который, приняв дар Снадобья, сумеет открыть свое внутреннее око. И увидит то, что нам недоступно, сумеет заглянуть в прошлое и по мужской, и по женской линии своей генетической памяти...

– Это и будет тот, кого вы называете Квисатц Хадерах?

– Да – тот, кто может быть одновременно во множестве мест, Сокращающий путь, – Квисатц Хадерах. Немало мужчин рискнули попробовать Снадобье... да, немало. Но ни одна попытка не увенчалась успехом.

– Неужели все мужчины, принимавшие Снадобье, оказались не способны к правдовидению?

– Нет. Все мужчины, принявшие его, умерли.

Пытаться понять Муад'Дибя без того, чтобы понять его смертельных врагов – Харконненов, – это то же самое, что пытаться понять Истину, не поняв, что такое Ложь. Это – попытка познать Свет, не познав Тьмы. Это – невозможно.

(Принцесса Ирилан, «Жизнь Муад'Дибя»)

Наполовину скрытый тенью рельефный глобус, раскрученный пухлой, униженной перстнями рукой, вращался на причудливой формы подставке у стены кабинета. Окон в помещении не было, и три другие стены походили на пестрое лоскутное одеяло – они были сплошь заставлены разноцветными свитками, книгофильмами, лентами и роликами. По комнате разливали свет плавающие в подвижном силовом поле золотистые шары.

Центр кабинета занимал овальный стол с узорчатой – розовое с зеленым – крышкой из окаменевшего элаккового дерева. Его окружали кресла на силовой подвеске, приспособляющиеся к форме тела сидящего, два кресла были заняты: в одном сидел круглолицый темно-волосый юноша лет шестнадцати с угрюмыми глазами, а второе занимал изящный, хрупкий невысокий мужчина с женоподобным лицом.

Оба они внимательно смотрели на глобус и того, кто вращал его, стоя в тени.

Оттуда, из сумрака, донесся смешок, и густой бас прогудел:

– Полюбуйся, Питер: вот самая большая ловушка из всех, какие ставились на человека за всю историю. И наш герцог направляется прямо в нее. Поистине я, барон Владимир Харконнен, творю вещи изумительные!

– Вне всякого сомнения, мой барон, – ответил старший из двоих. У него оказался приятный, музыкально звучащий тенор; может быть, чуть слишком сладкий.

Жирная ладонь опустилась на глобус и остановила его. Теперь было хорошо видно, что это очень дорогая вещица: из тех, что изготавливались для богатых коллекционеров и назначенных Империей правителей планет. На нем лежала неповторимая печать ручной работы масте-

ров метрополии: параллели и меридианы были обозначены тончайшей платиновой проволокой, полярные шапки инкрустированы отборными молочно-белыми бриллиантами.

Жирная рука поползла по шару, отмечая детали рельефа.

– Прошу сосредоточиться, – пророкотал бас. – И ты, Питер, и ты, мой милый Фейд-Раута, смотрите! От шестидесятой параллели на севере и до семидесятой на юге – все заполняет эта изысканная волнистая рябь, этот чудесный узор. Не правда ли, цвет напоминает о лакомой карамели?.. И нигде его нежность не нарушается голубизной рек, озер или морей. А эти сверкающие полярные шапочки, такие крохотные и изящные!.. Можно ли спутать с чем-либо подобный мир? Это – Арракис, и ничто иное... Он воистину уникален. Прекрасная декорация для не менее прекрасной победы.

По губам Питера скользнула улыбка.

– И подумать только, мой барон: Падишах-Император полагает, что он отдал герцогу вашу планету, планету Пряности. Забавно, не правда ли?

– Не говори ерунду, – пробурчал барон. – Ты же напоминаешь об этом нарочно, чтобы смутить и запутать Фейд-Рауту, но смущать моего племянника сейчас вовсе не обязательно.

Угрюмый юноша зашевелился в кресле, разглаживая невидимые складки своих черных, в обтяжку, брюк, и лениво выпрямился, услышав осторожный стук в находившуюся за его спиной дверь.

Питер выскользнул из кресла, прошел к двери и приоткрыл ровно настолько, чтобы можно было просунуть почтовую капсулу. Взял ее, защелкнул замок и развернул послание. Хмыкнул. Вчитавшись, хмыкнул опять.

– Ну, что там? – нетерпеливо окликнул барон.

– Глупец ответил нам, мой барон!

– А когда это Атрейдесы упускали возможность сделать красивый жест?.. – сказал барон. – Ну и что же он пишет?

– Он в высшей степени нелюбезен, мой барон. Обращается к вам просто «Харконнен» – ни «Сир и дражайший кузэн», ни титула – ничего!

– Харконнен – достаточно хорошее имя, – проворчал барон. В его голосе слышалось нетерпение. – Что же изволит сообщить дорогой Лето?

– Он пишет: «Ваше предложение о встрече отклоняется. Я уже много раз сталкивался с вашим известным всем вероломством».

– Это все?

– «Старинное искусство канли имеет еще поклонников в Империи». Подписано: «Лето, герцог Арракиса». – Питер засмеялся. – Подумать только: герцог Арракиса! Это уже, пожалуй, чересчур!

– Замолчи, Питер, – спокойно сказал барон, и смех оборвался, словно от поворота выключателя. – Так, значит, канли? Вендетта? И ведь использовал старое доброе слово, напоминающее о древних традициях, – специально, чтобы я понял, насколько он серьезен. Хм...

– Вы сделали попытку к примирению, – заметил Питер, – таким образом, приличия соблюдены.

– Ты излишне болтлив для ментата, Питер, – одернул барон, подумав: «Скоро придется избавиться от него. Пожалуй, он почти пережил свою полезность».

Взгляд барона пересек комнату, задержавшись на той черте своего ментата-асассина, которую сразу же замечали все, впервые встречающиеся с Питером: глаза – темные щели синего на синем, без единого мазка белого цвета.

Ухмылка прорезала лицо Питера – под этими похожими на пустые отверстия глазами она напоминала театральную маску.

– Простите, мой барон, я не мог сдержаться. Свет не видел еще столь великолепной мести. Какое изящнейшее предательство, какая изысканнейшая интрига – заставить Лето сме-

нить Каладан на Дюну, не оставив ему никакого выбора; ведь это – приказ самого Императора! Какая великолепная шутка!

– У тебя словесное недержание, Питер, – холодно сказал барон.

– Я просто доволен сделанным, мой барон, очень доволен. А вот вы – вы ревнуете.

– Питер! – рявкнул барон.

– Ахх-ах, барон! Какая жалость, что это не вы разработали столь изящную схему, не правда ли?

– В один прекрасный день я велю тебя удавить.

– Разумеется, мой барон, разумеется. Enfin!¹ Так сказать, ни одно доброе дело без награды не останется!

– Чего ты наглотался, Питер, верите или семуты?

– Барон удивлен, когда правду говорят без страха. – Лицо Питера изобразило карикатурно-хмурую маску. – Ах-ха... Но видите ли, мой барон, я – ментат и заранее почувствую, когда вы наконец соберетесь прислать ко мне палача. И пока я вам нужен, вы будете сдерживаться. Преждевременная расправа была бы расточительностью, ибо я вам все еще весьма полезен. Я-то хорошо знаю тот главный урок, который вы усвоили на благословенной Дюне: не расточай!

Барон молча смотрел на Питера.

Фейд-Раута поудобней устроился в кресле. Спорщики и глупцы! Дядюшка не может общаться со своим ментатом без споров. Они что, считают – мне больше нечего делать, кроме как выслушивать их пререкания?

– Фейд, – внезапно окликнул барон, – я велел тебе слушать и мотать на ус. Извлек ты какую-нибудь пользу из нашей беседы?

– Конечно, дядя. – Фейд-Раута постарался изобразить в голосе подобострастие.

– Питер иногда поражает меня, – заметил барон. – Временами мне приходится причинять страдания – по необходимости, но он... могу поклясться, что он наслаждается чужой болью. Сам я, признаться, даже жалею бедного герцога Лето. Доктор Юйэ нанесет свой удар, и это будет концом Дома Атрейдес. Но Лето обязательно узнает, чья рука направляла послушного доктора... и это знание будет для него ужасным.

– Но почему бы вам тогда не приказать доктору попросту всадить герцогу кинжал под ребро? – поинтересовался Питер. – Тихо, просто и эффективно. Вы рассуждаете о жалости, а...

– Ну нет! Герцог должен *увидеть*, как я стану воплощением его судьбы! – воскликнул барон. – И остальные Великие Дома должны получить урок. Это приведет их в замешательство, и у меня будет большая свобода маневра. Необходимость моих действий очевидна – но это вовсе не значит, что я получаю от них удовольствие...

– Свободу маневра? – насмешливо переспросил Питер. – Император и так излишне пристально следит за вами, мой барон. Вы действуете чересчур смело. В один прекрасный день Император пришлет сюда, на Джеди Прим, парочку легионов своих сардаукаров – и это будет концом барона Владимира Харконнена.

– Тебе бы это понравилось, а, Питер? – усмехнулся барон. – Ты был бы счастлив видеть, как Корпус сардаукаров разоряет мои города и грабит мой замок. Да, ты бы радовался...

– Стоит ли об этом спрашивать, мой барон?... – прошептал Питер.

– Тебе бы быть башаром в Корпусе, – процедил барон. – Тебе слишком нравятся кровь и боль. Пожалуй, я поторопился с обещаниями насчет трофеев с Арракиса...

Питер сделал пять странно семенящих шагов и остановился за спиной Фейд-Рауты. В воздухе повисло напряжение... Юноша, настороженно нахмурившись, обернулся на ментата.

¹ В конце концов! (фр.)

– Не надо шутить с Питером, барон, – негромко сказал Питер. – Вы обещали мне леди Джессики. Вы мне ее *обещали!*

– А зачем она тебе, Питер? – пробасил барон. – Упиться ее страданиями?

Питер пристально глядел на него. Молчание затягивалось.

Фейд-Раута развернул качнувшееся на силовой подвеске кресло.

– Дядя, наверное, мне можно уйти? Ты говорил, что...

– Мой дорогой Фейд-Раута начинает терять терпение, – отметил барон, и его фигура пошевелилась в окутывающих ее тенях. – Потерпи еще немного, Фейд.

Барон вновь обратился к ментату:

– А как насчет герцогова отпрыска, дружок? Юного Пауля?

– Наша ловушка добудет для вас и мальчишку, мой барон, – пробормотал Питер.

– Я о другом, – нахмурился барон. – Или ты забыл, что предсказал когда-то: эта ведьма из Бене Гессерит родит герцогу дочь? Итак, мой ментат ошибся?

– Я ошибаюсь нечасто, мой барон, – ответил Питер, и впервые в его голосе проскользнул страх. – Этого по крайней мере вы отрицать не можете – я ошибаюсь очень нечасто. Да вы и сами знаете, что Бене Гессерит рожают чаще всего именно девочек. Даже супруга Императора не принесла ему ни единого мальчика.

– Дядя, – вмешался Фейд-Раута, – ты говорил, что здесь будет сказано нечто важное для меня...

– А, вы только поглядите на моего драгоценного племянничка, – поднял брови барон. – Мечтает править моим баронством, а сам до сих пор не научился управлять даже собой.

Барон повернулся – темная тень среди теней.

– Н-ну что же, Фейд-Раута Харконнен. Я пригласил тебя в надежде, что ты почерпнешь сегодня немного мудрости. Наблюдал ли ты сейчас за нашим добрым ментатом? Ты мог бы кое-что усвоить из моей беседы с ним.

– Но, дядя...

– Ага! Вот именно: «но»! Но он потребляет слишком много Пряности. Ест ее точно конфеты. Ты посмотри только на его глаза! Его можно принять за рабочего из арракинских котловин. Он эффективен, да, – но слишком эмоционален и подвержен порывам страстей. Эффективен, но – все же способен ошибаться.

Питер тихо, угрюмо спросил:

– Мой барон, вы пригласили меня сюда, чтобы критикой подорвать мою эффективность?

– Подорвать твою эффективность? Ну что ты, Питер, ты же знаешь меня... Я всего лишь хочу показать своему племяннику, что ментаты тоже не вполне совершенны и у них есть свои ограничения.

– Вы уже подыскали мне замену? – поинтересовался Питер.

– Замену – тебе? Право, Питер, где же я найду другого ментата, обладающего твоими хитростью, коварством и злобностью?

– Там же, где вы нашли меня, мой барон!

– Хм, возможно, мне стоит подумать об этом, – спокойно сказал барон. – В последнее время ты стал терять равновесие. А то количество Пряности, которое ты потребляешь!..

– Надо ли понимать это так, что мои маленькие удовольствия обходятся вам слишком дорого? Вы возражаете против них?

– Напротив, Питер! Именно эти твои удовольствия так тесно привязывают тебя ко мне. Зачем же я буду возражать? Я только хочу, чтобы мой племянник обратил внимание и на это обстоятельство...

– Что же, вот он я, выставлен на ваше обозрение, любуйтесь! – воскликнул Питер. – Может, мне станцевать? Или продемонстрировать прочие мои способности уважаемому Фейд-Рау...

– Вот именно, – кивнул барон. – Именно на наше обозрение. А теперь помолчи.

Он перевел взгляд на Фейд-Рауту, скользнув глазами по пухлым губам – родовой черте Харконненов; сейчас эти губы кривились в легкой усмешке. Юноша наконец счел представление забавным.

– Итак, Фейд, перед нами ментат. Он... вернее даже сказать, «оно» – устройство, подготовленное и обученное для исполнения определенных функций. Но нельзя забывать тот факт, что данное устройство заключено в человеческое тело. А это – весьма существенный недостаток. Право, я иногда думаю, что Древние набрали на недурную мысль с этими их думающими машинами...

– Их машины по сравнению со мной были не более чем простыми игрушками! – огрызнулся Питер. – Даже вы, барон, могли бы обставить *те* машины...

– Возможно, – махнул рукой барон. – Ну хорошо. А теперь... – Он сделал глубокий вдох и рыгнул. – А теперь, Питер, обрисуй в общих чертах моему племяннику план нашей кампании против Дома Атрейдес. Вот, кстати, тебе возможность продемонстрировать функции и способности ментата.

– Но, мой барон, я уже предупреждал вас: не следует доверять эту информацию столь молодому человеку. По моим наблюдениям...

– Предоставь решать это мне, – оборвал барон. – Я приказываю, ментат, – а ты подчиняйся и доказывай нам свое умение.

– Как будет угодно, – пожал плечами Питер. Он выпрямился, приняв странно-напыщенную позу, словно это была еще одна маска, но на этот раз надетая на все тело. – Итак: через несколько стандартных дней герцог Лето со всей семьей и двором взойдет на борт лайнера Гильдии Космогации, направляющегося на Арракис. Гильдия высадит их, вероятнее всего, в Арракине, а не в нашей столице Карфаг. Ментат герцога, Суфир Хават, вне всякого сомнения, заключил, и совершенно справедливо, что оборонять Арракин несравнимо проще.

– Слушай внимательно, Фейд, – поднял палец барон. – Отметь себе, как внутри одних планов помещаются другие, а в тех – третьи.

Фейд-Раута кивнул, думая при этом: «Вот это мне больше нравится. Старое чудовище наконец-то допускает меня к одному из своих секретов. Кажется, он все-таки всерьез намерен сделать меня наследником».

– Имеются, однако, и иные возможности, – продолжал Питер. – Я сказал, Дом Атрейдес отправится на Арракис. Но было бы неразумно не учитывать и вероятность того, что герцог мог договориться с Гильдией, чтобы она переправила его в безопасное место за пределами Системы. Известно: некоторые Дома в подобных обстоятельствах нередко забирали фамильные ядерные арсеналы, силовые щиты и скрывались за пределы Империи, становясь Отступническими Домами...

– Герцог слишком горд для этого, – возразил барон.

– Но тем не менее такая вероятность существует, – ответил Питер. – Впрочем, в конечном счете результат для вас был бы тот же: Дом Атрейдес исчезнет.

– Нет! – проревел барон. – Я должен быть уверен в том, что герцог мертв и род Атрейдесов погиб!

– Вероятность этого весьма высока, – кивнул Питер. – Если Правящий Дом намеревается изменить, об этом можно догадаться по некоторым признакам. Герцог же не совершил ничего из того, что можно счесть этими признаками.

– Ну хорошо, – вздохнул барон. – Продолжай, Питер, да не тяни.

– В Арракине, – отчеканил Питер, – герцог и его двор займут Резиденцию – прежде там проживали граф и леди Фенринг.

– Посол Е.И.В. к контрабандистам, – хохотнул барон.

– К кому? – удивился Фейд-Раута.

– Ваш дядя шутит, – объяснил Питер. – Он называет графа Фенринга послом к контрабандистам, намекая на заинтересованность Падишах-Императора в контрабандных операциях на Арракисе.

Фейд-Раута озадаченно уставился на барона:

– Но почему?

– Не будь глупее, чем ты есть, Фейд, – нетерпеливо сказал барон. – Пока Гильдия вне контроля Императора, по-другому быть и не может. Как иначе можно перевозить шпионов, асасинов и прочих?

Рот Фейд-Рауты округлился в беззвучное «о-о-о...».

– В Резиденции, – продолжал Питер, – нами запланирован отвлекающий маневр. В частности, будет совершено покушение на жизнь наследника герцога Атрейдеса – кстати, оно может оказаться и успешным.

– Питер! – взорвался барон. – Ты утверждал...

– Я всегда утверждал, что в любом деле возможны случайности, – ответил Питер. – Покушение должно выглядеть правдоподобным и хорошо подготовленным.

– Ах-ха... но у этого мальчика такое прекрасное юное тело... – пробормотал барон. – Разумеется, потенциально он даже опаснее отца... с этой своей матерью-ведьмой, которая его учит. Проклятая баба! Ах-ха... Впрочем, продолжай, Питер.

– Разумеется, Хават поймет, что при дворе действует наш агент, – сказал Питер. – Очевидно, что прежде всего подозрение пало бы на доктора Юйэ – и он действительно наш агент. Пало бы – но Хават уже провел расследование и достоверно установил, что наш доктор – выпускник Суккской Школы, прошедший имперское кондиционирование, то есть ему по определению без опаски можно доверить жизнь самого Императора... Все слишком верят в имперское кондиционирование, так как предполагается, что предельное кондиционирование нельзя снять, не убив человека. Тем не менее еще в древности некто заметил, что, имея точку опоры, можно сдвинуть планету. И мы нашли такую точку и у доктора!

– Как? – жадно спросил Фейд-Раута. Это и впрямь было удивительно, ибо каждый знал, что обойти имперское кондиционирование невозможно.

– Об этом как-нибудь в другой раз, – оборвал барон. – Продолжай, Питер.

– Итак, Юйэ отпадает, а вместо него мы подставим Хавату другой, весьма интересный объект. Самая дерзость этого объекта – и дерзость такого предположения, – несомненно, обратит на нее внимание Хавата.

– На нее? – переспросил Фейд-Раута.

– Речь идет о самой леди Джессике, – усмехнулся барон.

– Ну разве не ловко, не изысканно? – спросил Питер. – Хават будет разбираться с этой возможностью, и это повлияет на его деятельность в качестве придворного ментата. Возможно, он даже попытается убить ее. – Питер нахмурился и добавил: – Но не думаю, что ему это удастся.

– Тебе бы очень не хотелось, чтобы он ее убил, а? – осведомился барон.

– Не сбивайте меня, – сказал Питер. – Пока Хават будет заниматься своей госпожой, мы еще более отвлечем его внимание: организуем, например, беспорядки в нескольких гарнизонах и прочее в том же духе. Их, разумеется, подавят: герцог должен верить, что держит ситуацию под контролем. И, наконец, когда настанет время, мы подадим сигнал Юйэ и высадимся на Арракисе с нашими основными силами... Э-э...

– Ничего, ты можешь рассказать ему все, – кивнул барон.

– И мы будем усилены двумя легионами сардаукаров в мундирах Дома Харконнен!

– Сардаукары?! – выдохнул Фейд-Раута. Он вспомнил все, что знал о наводящих ужас императорских солдатах, беспощадных убийцах, воинах-фанатиках Падишах-Императора...

– Вот видишь, Фейд, как я тебе доверяю, – сказал барон. – Разумеется, другие Великие Дома не должны даже краем уха прослышать об этом. В противном случае Ландсраад может объединиться против Императорского Дома – и начнется хаос.

– Главное тут вот что, – пояснил Питер, – поскольку Император использует Дом Харконнен для грязной работы, мы получаем кое-какие преимущества. Преимущества небезопасные, бесспорно. Но если мы будем использовать их осторожно, Дом Харконнен станет богаче любого другого Дома Империи.

– Ты просто не представляешь, Фейд, о каком богатстве идет речь, – проговорил барон. – Самой твоей безудержной фантазии не хватит, чтобы вообразить такое. Только для начала – постоянные права на директорство в КООАМ.

Фейд-Раута кивнул. Богатство! КООАМ действительно была ключом к богатству. Правящие Дома наживали фантастические состояния, пока их представители входили в Директорат КООАМ. Директорское кресло было очевидным свидетельством политического могущества, и оно переходило от Дома к Дому по мере изменения сил в Ландсрааде. Сам же Ландсраад постоянно находился в борьбе с влиянием Императора и его сторонников.

– Герцог Лето, – сказал Питер, – может попытаться скрыться в окраинных районах Пустыни, среди фрименского отродья. Или попытаться спрятать там свою семью, надеясь, что у фрименов она будет в безопасности. Но этот путь заблокирован одним из агентов Его Величества, Экологом Планеты. Возможно, вы его помните. Его имя Кинес.

– Фейд его помнит, – нетерпеливо сказал барон. – Дальше.

– Вы не очень-то любезны, мой барон, – заметил Питер.

– Я сказал – дальше! – проревел барон.

Питер пожал плечами.

– Если все пойдет так, как мы запланировали, – сказал он, – через один стандартный год или даже раньше Дом Харконнен получит сублен на Арракис. Распоряжаться им будет ваш дядя. А на Арракисе будет править его личный представитель.

– И прибыли возрастут, – кивнул Фейд-Раута.

– Разумеется, – сказал барон и подумал: «Это будет только справедливо. Это мы укротили Арракис. Мы были первыми... не считая фрименских ублюдков, копошащихся на окраинах Пустыни... и прирученных контрабандистов, привязанных к планете почти так же прочно, как и местные рабочие из поселков...»

– И все Великие Дома узнают, что это барон уничтожил Дом Атрейдес, – сказал Питер. – Они узнают.

– Они узнают, – тихо повторил барон.

– И восхитительнее всего, что это узнает и герцог, – сказал Питер. – Он уже знает. Он чувствует западню.

– Это так, он знает, – проговорил барон, и в его голосе прозвучала печальная нотка. – Он не может не знать... и мне жаль его.

Барон вышел из-за глобуса Арракиса. Теперь, когда он покинул тень, было видно, как он огромен и чудовищно жирен. Небольшие выпуклости под складками темных одежд выдавали, что тучное тело барона поддерживали портативные генераторы силового поля на специальной портупее, так что, хотя барон должен был весить не меньше двухсот килограммов, его мышцам приходилось нести всего пятьдесят.

– Я проголодался, – пророкотал барон, отер пухлые губы унизированной перстнями рукой и повернул к Фейд-Рауте заплывшие жиром глаза. – Распорядись, чтобы подавали, Фейд. Поедим на сон грядущий.

Так сказано святой Алией, Девой Ножа: «Преподобная Мать должна сочетать в себе соблазнительность куртизанки с величественной недоступностью девственной богини, под-

держивая обе стороны в напряжении, пока она сохраняет силы своей молодости. Ибо когда молодость и красота уйдут, она увидит, что место между названными дарами, которое ранее было занято напряжением, стало ныне источником хитрости и находчивости».

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

– Ну, Джессика, что ты можешь сказать в свое оправдание? – спросила Преподобная Мать.

Солнце клонилось к горизонту. Прошло уже несколько часов после испытания Пауля. Женщины остались вдвоем в утренней приемной Джессики, а Пауль ожидал в соседней комнате – звуконепроницаемом Зале Медитаций.

Джессика стояла лицом к выходившим на юг окнам, смотрела на приглушенные вечерние краски реки и луга, но не замечала их. Она слышала вопрос Преподобной Матери – и не слышала его.

Джессика вспомнила другое испытание – так много лет назад. Худая девочка с бронзовыми волосами и телом, терзаемым взрослением, пришла тогда к Преподобной Матери Гайе-Елене Мохийам, Старшему Проктору школы Бене Гессерит на Валлахе IX. Джессика взглянула на свою правую руку, согнула пальцы, вспоминая боль, страх и гнев...

– Бедный Пауль, – прошептала она.

– Я задала тебе вопрос, Джессика! – Голос старухи звучал требовательно-раздраженно.

– Что?.. О... – Джессика оторвалась от своих воспоминаний и вернулась к Преподобной Матери, сидевшей в простенке меж двух западных окон. – О чем ты спрашиваешь?

– О чем я тебя спрашиваю?! О чем я спрашиваю! – раздраженно передразнила старуха.

– Да, я родила сына. Так что же? – вспыхнула Джессика и тут только поняла, что старуха нарочно хочет вызвать ее гнев.

– Разве не приказали тебе рожать герцогу Атрейдесу дочерей – и только дочерей?

– Но для него так важно было иметь сына. – Джессика опять пыталась оправдаться.

– И ты в своей гордыне решила, будто можешь произвести на свет Квисатц Хадераха!..

Джессика вскинула голову.

– Я чувствовала, что это возможно!

– Ты думала только о том, что твой герцог хочет сына! – резко возразила старуха. – А его желания здесь ни при чем! Дочь герцога Атрейдеса можно было бы выдать за наследника барона Харконнена и тем завершить нашу работу. А ты все безнадежно запутала! Теперь мы можем потерять обе генетические линии.

– Вы все тоже не так уж непогрешимы и можете ошибаться, – сказала Джессика и смело встретила жесткий взгляд Преподобной Матери.

Через несколько мгновений та проворчала:

– А... Что сделано, то сделано.

– Я поклялась никогда не сожалеть о своем решении, – твердо сказала Джессика.

– Ах, как это благородно! – глумливо проскрипела Преподобная. – Она не сожалеет! Что ж, посмотрим, что ты запоешь, когда будешь убегать и скрываться, когда за твою голову назначат награду и всякий готов будет убить и тебя, и твоего сына!

Джессика побледнела.

– Неужели другого пути нет?

– И об этом спрашивает сестра Бене Гессерит?

– Я спрашиваю лишь о том, что ты видишь в будущем – ведь твои способности больше моих.

– В будущем я вижу то же, что видела в прошлом. Тебе известно, что, зачем и почему мы делаем. Род людской знает, что смертен, и боится вырождения. Поэтому инстинктивное

стремление смешивать – безо всякого плана – свои гены у человечества в крови. Империя, КООАМ, все Великие Дома – все они лишь щепки в потоке.

– КООАМ, – пробормотала Джессика. – Полагаю, они уже перераспределили доходы и трофеи с Арракиса...

– КООАМ! Что такое КООАМ? Флюгер! – ответила старуха. – Император и его приспешники сейчас контролируют пятьдесят девять целых и шестьдесят пять сотых процента голосов в Директорате КООАМ. Разумеется, они видят, какое задумано прибыльное дельце, а когда и другие увидят это, у Императора прибавится голосов. Вот как делается история, девочка.

– Лекции о механизмах истории мне только и не хватало, – горько усмехнулась Джессика.

– Напрасно шутишь! Ты не хуже меня понимаешь, какие силы вовлечены в события. Наша цивилизация покоится на трех китах, трех силах: императорская семья противостоит Объединенным Великим Домам Ландсраада, а между ними стоит Гильдия с ее проклятой монополией на межзвездные перевозки. В политике, в отличие от механики, треножник – самая неустойчивая конструкция. Она достаточно плоха даже сама по себе, без феодально-торговой структуры, отвергающей почти всю науку...

Джессика с тоской произнесла:

– Щепки в потоке! Вот одна из них – герцог Лето, и вот другая – его сын, и вот...

– Ах, замолчи, девочка! Ты вступила в игру, прекрасно зная, по какой опасной дороге придется идти.

– *«Я – Бене Гессерит. Я живу лишь для служения»*, – процитировала Джессика.

– Именно, – сказала старуха. – И все, на что мы теперь можем надеяться, – это попытка избежать большой войны... и спасти, что удастся, из выпестованных нами ключевых генетических линий.

Джессика опустила веки, чувствуя, как в глазах закипают слезы. Она справилась с внутренней и внешней дрожью, успокоила дыхание, пульс, заставила ладони не потеть. Наконец, проговорила:

– Я заплачу за свою ошибку.

– Но вместе с тобой заплатит твой сын.

– Я буду защищать его всеми силами.

– Защищать! – воскликнула старуха. – Ты сама знаешь опасность защиты: если ты станешь защищать его слишком усердно, он не вырастет достаточно сильным. У него не хватит сил для исполнения своего предназначения – каким бы оно ни было...

Джессика отвернулась, посмотрела в сгущающиеся за окном сумерки.

– Эта планета – Арракис – в самом деле так ужасна?

– Там достаточно скверно, но нельзя сказать, что уж совсем безнадежно. Миссионеры Протектива неплохо на ней поработали и смягчили нравы ее обитателей... в какой-то степени. – Преподобная Мать тяжело поднялась, расправила складку облачения. – Позови сюда мальчика. Я скоро должна уходить.

– Должна? Уже?

Голос старой женщины стал мягче:

– Джессика, девочка... как бы я хотела поменяться с тобой и принять все твои испытания на себя! Но у каждой из нас – свой путь.

– Я знаю.

– Ты дорога мне, как любая из моих дочерей... но долг есть долг.

– Я понимаю... долг. Необходимость...

– Мы обе знаем, что и почему ты сделала. Но я хочу тебе сказать – я желаю тебе добра, Джессика! – что у твоего сына мало шансов стать Тем, кого ждет Бене Гессерит. Не обольщай себя чрезмерной надеждой...

Джессика сердито смахнула слезинку.

– Снова ты делаешь из меня маленькую девочку – заставляешь повторять мой первый урок: «Человек не должен покоряться животному», – выдавила Джессика и вздрогнула от рыдания без слез... – Я была так одинока...

– Надо бы сделать это одним из наших тестов, – сказала старуха. – Настоящие люди почти всегда одиноки. А теперь позови сына. Ему сегодня выпал тяжелый и страшный день. Но у него было время подумать и вспомнить, а я должна спросить его про эти сны...

Джессика кивнула, подошла к дверям Зала Медитаций:

– Пауль, зайди.

Пауль не спеша вошел в комнату с упрямым выражением на лице, взглянул на мать как на совершенно незнакомого человека. На Преподобную он посмотрел с некоторой опаской, но на этот раз кивнул ей уже как равной. Мать закрыла за ним дверь.

– Ну, молодой человек, – проговорила старуха, – вернемся к твоим снам.

– Что ты хочешь знать?

– Ты видишь сны каждую ночь?

– Не каждую – если говорить о снах, которые стоят того, чтобы их запомнить. Я могу запомнить любой сон, но некоторые стоят этого, а другие – нет.

– А откуда ты знаешь, какой сон ты видел – пустой или достойный запоминания?

– Просто – знаю.

Старуха быстро взглянула на Джессику, потом опять обратилась к Паулю:

– А какой сон ты видел этой ночью? Его стоило запомнить?

– Да. – Пауль прикрыл глаза. – Мне снились пещера... и вода... и девочка, очень худая, с огромными глазами. Глаза – такие... сплошь синие, совсем без белизны. Я говорю с ней о тебе... рассказываю ей, как встречался с Преподобной Матерью на Каладане... – Пауль открыл глаза.

– То, что ты рассказывал этой девушке обо мне... сегодня это сбылось?

Пауль подумал.

– Да. Я сказал ей, что ты отметила меня печатью необычности.

– Печатью необычности, – беззвучно прошептала старуха и вновь бросила короткий взгляд на Джессику. – Ответь мне правду, Пауль: часто ли сбываются твои сны в точности так, как ты их видел?

– Да. И эта девочка мне уже снилась раньше.

– Вот как? Ты ее знаешь?

– Узнаю. Когда-нибудь мы встретимся.

– Расскажи мне о ней.

Пауль снова закрыл глаза.

– Мы в каком-то маленьком укрытии в скалах. Уже почти ночь, но очень жарко, и через просветы в скалах виден песок. Мы... чего-то ждем... я должен куда-то пойти, с кем-то встретиться... Она боится, но пытается не показывать мне свой страх, а я волнуюсь. Она говорит: «Расскажи мне о водах твоей родной планеты, Усул». – Пауль открыл глаза. – Правда, странно? Моя родная планета – Каладан, про планету Усул я даже не слышал никогда.

– Это все? Или ты видел еще что-нибудь?

– Видел. Но... может быть, это она меня называла – Усул? – проговорил Пауль. – Мне это только сейчас пришло в голову.

Он снова опустил веки.

– Девочка просит меня рассказать ей о водах – о морях... Я беру ее за руку и говорю, что прочитаю ей стихи. И я читаю ей стихи, только мне приходится объяснять ей некоторые слова – «берег», «прибой», «морская трава», «чайки»...

– Что это за стихи? – спросила Преподобная Мать.

Пауль открыл глаза.

– Просто одно из сочинений Гурни Халлека. Тональный стих, «Песня настроения для грустного времени».

Джессика, стоя за спиной Пауля, начала негромко декламировать:

Я помню дым соленый костра на берегу,
И тени – под соснами тени —
Недвижные, чистые, ясные.
И чайки сели на краю воды —
Белые на зеленом.
И ветер прилетел сквозь сосны к нам,
Чтоб тени раскачать под ними;
И чайки крылья распахнули,
Взлетают
И наполняют криком воздух.
И слышу ветер я,
Летающий над пляжем,
И шум прибоя,
И вижу я, что наш костер
Спалил траву морскую.

– Это самое, – подтвердил Пауль.

Старуха некоторое время молча смотрела на Пауля, потом сказала:

– Я, как Проктор Бене Гессерит, ищу Квисатц Хадераха – мужчину, который мог бы стать одним из нас. Твоя мать полагает, что ты можешь оказаться им; но она смотрит глазами матери. Такую возможность, впрочем, вижу и я; возможность – но не более.

Она замолчала. Пауль понял, что она ждет, чтобы он что-то сказал, но тоже молчал – хотел, чтобы она продолжила. Наконец старуха произнесла:

– Как хочешь... Что ж, что-то в тебе есть наверняка.

– Можно мне теперь уйти? – спросил он.

– Разве ты не хочешь послушать, что Преподобная Мать может рассказать тебе о Квисатц Хадерахе? – спросила Джессика.

– Она уже сказала, что все, кто пытался стать им, погибли.

– Но я могла бы помочь тебе кое-какими намеками относительно того, почему их постигла неудача, – сказала Преподобная Мать.

«Она говорит – намеки, – подумал Пауль. – На самом деле она ничего толком не знает об этом».

– Я слушаю, – сказал он. – Намекни.

– И быть проклятой? – Она криво усмехнулась – маска из морщин... – Хорошо же... Итак: «Кто умеет подчиниться – тот правит».

Пауль изумился: она говорила о таких элементарных вещах, как «напряжение внутри значения»... Она что, думает, что мать его вообще ничему не учила?

– Это и есть твой намек? – спросил он.

– Мы здесь не затем, чтобы играть словами и их значениями, – сказала старуха. – Ива покоряется ветру и растет, растет до тех пор, пока не вырастает вокруг нее целая роща ив – стена на пути ветра. Это – предназначение ивы и ее цель.

Пауль взглянул в лицо Преподобной. Она сказала «*предназначение*» – и это слово словно ударило его, напомнив о таинственном и пугающем предназначении... Неожиданно он рассердился: глупая старая ведьма, важно изрекающая банальности!..

– Ты думаешь, что я могу быть этим вашим Квисатц Хадерахом, – проговорил он. – Ты говоришь обо мне, но ни слова не сказала о том, как помочь моему отцу. Я слышал, как ты говорила с матерью – словно он уже мертв. Но он жив!

– Если бы можно было что-то для него сделать, мы бы это сделали, – огрызнулась старуха. – Может, нам удастся спасти *тебя*. Сомнительно, но – возможно. Но твоего отца не спасет ничто. Когда ты сможешь принять это как факт – ты усвоишь подлинный урок Бене Гессерит.

Пауль увидел, как эти слова потрясли его мать. Он гневно посмотрел на старуху. Как смела она сказать такое о его отце?! Почему так в этом уверена? Он кипел от негодования.

Преподобная Мать взглянула на Джессику.

– Ты учила его Пути – это видно. На твоём месте я сделала бы то же самое – и пусть бы черт побрал этот Устав!

Джессика кивнула.

– Но я должна предупредить тебя: следует изменить обычный порядок обучения. Для своей безопасности он должен уметь пользоваться Голосом. Кое-что у него уже есть, и он неплохо начал. Но мы-то знаем, сколько он еще должен узнать и изучить – и следует поторопиться! – Она приблизилась к Паулю и пристально взглядела в него: – Прощай, юный человек. Надеюсь, ты сумеешь... Но если и нет – мы еще добьемся своего.

Снова она посмотрела на Джессику. Между ними мелькнуло понимание. Потом старуха развернулась и, не оглядываясь, вышла из зала, шурша одеяниями. Зал и те, кто в нем оставался, словно бы уже покинули ее мысли.

Но Джессика успела увидеть слезы на лице Преподобной Матери, когда та отворачивалась. И эти слезы встревожили ее больше, чем любые слова и знаки, прошедшие между ними в тот день...

Вы прочли уже, что на Каладане у Муад'Дибя не было товарищей-сверстников. Слишком много опасностей окружало его. Но друзья у Муад'Дибя были – замечательные друзья-наставники. Например, трубадур и воин Гурни Халлек. В этой книге вы найдете несколько песен Гурни и сможете спеть их. Был среди его друзей и старый ментат Суфир Хават, мастер-ассасин, внушавший страх самому Падишах-Императору. Был Дункан Айдахо, учитель фехтования из Дома Гинац; доктор Веллингтон Юйэ – это имя человека больших знаний и мудрости, но и имя, запятнанное изменой; леди Джессика, которая вела своего сына по Пути Бене Гессерит, и – разумеется – сам герцог Лето; к сожалению, раньше мало кто задумывался над тем, что герцог был и прекрасным отцом.

(Принцесса Ирулан, «История Муад'Дибя для детей»)

Суфир Хават скользнул в зал для занятий замка Каладан, мягко прикрыв дверь. Постоял неподвижно, ощутив вдруг себя старым, усталым и потрепанным бесчисленными бурями. Болела левая нога, некогда рассеченная еще на службе Старому Герцогу, отцу нынешнего.

«Я служу уже третьему их поколению», – подумал он.

Он взглянул через зал, ярко освещенный полуденным солнечным светом, льющимся через стеклянные панели в потолок, и увидел, что мальчик сидит спиной к дверям, углубившись в разложенные на Г-образном столе карты и бумаги.

«Сколько раз мне ему повторять, чтобы он никогда не садился спиной к дверям!» – Хават кашлянул.

Пауль не пошевелился.

Облако прошло над световыми люками – комнату пересекла тень. Хават кашлянул еще раз.

Пауль выпрямился и, не оборачиваясь, сказал:

– Я знаю. Я сел спиной к двери.

Хават подавил улыбку, подошел к воспитаннику.

Пауль поднял глаза на немолодого седого человека, остановившегося у стола, взглянул в умные внимательные глаза на изрезанном морщинами лице.

– Я слышал твои шаги в коридоре, – сказал Пауль. – И слышал, как ты открыл дверь. Я тебя узнал.

– Эти звуки можно и скопировать.

– Я бы заметил разницу.

«Очень даже может быть, – подумал Хават. – Эта его колдунья-мать кое-чему научила мальчика. Интересно, что думает ее драгоценная Школа Бене Гессерит по этому поводу. Может, они затем и засылали сюда старуху прокторшу – призвать леди Джессику к порядку...»

Хават подвинул кресло, сел напротив Пауля – подчеркнуто лицом к двери, – откинулся на спинку. Внезапно зал показался ему чужим и незнакомым – почти все оборудование уже было отправлено на Арракис. Тренировочный стенд остался, осталось фехтовальное зеркало с неподвижно замершими призмами, рядом с ним – латаный-перелатаный спарринг-манекен, похожий на израненного и покалеченного в боях древнего пехотинца.

«Совсем как я», – подумал Хават.

– Суфир, о чем ты думаешь? – спросил Пауль.

Хават посмотрел на подростка.

– Я думал о том, что скоро мы все уедем отсюда и вряд ли снова увидим это место.

– Это тебя печалит?

– Печалит? Чепуха! Грустно расставаться с друзьями, а место – это всего лишь место. – Он тронул разложенные на столе карты. – И Арракис – это просто другое место, и только.

– Отец прислал тебя проэкзаменовать меня?

Хават покосился на мальчика – даже чересчур наблюдателен! Он кивнул:

– Конечно, ты предпочел бы, чтобы он пришел сам, но ты же знаешь, как он занят. Он придет позже.

– Я сейчас читал о бурях на Арракисе.

– Бури. Да...

– Похоже, эти бури – довольно-таки скверная штука.

– Скверная – не то слово. Мягко сказано! Фронт этих ураганов не менее шести-семи тысяч километров, они питаются всем, что может добавить им мощи: кориолисовыми силами, другими бурями – всем, в чем есть хоть капля энергии. Они набирают скорость до семисот километров в час, прихватывая с собой все, что подвернется, – пыль, песок и прочее. Они срывают мясо с костей и расщепляют сами кости...

– Почему там нет службы погодного контроля?

– Тут у Арракиса свои специфические проблемы: стоимость контроля выше, а к ней добавляются высокие эксплуатационные расходы и прочее. Гильдия заломила безумную цену за систему контрольных спутников, ну а Дом твоего отца – не из самых богатых, ты и сам знаешь.

– Суфир, а тебе приходилось видеть фрименов?

«Мальчику есть о чем подумать сегодня», – решил Хават.

– Очень может быть, что я их и видел, но дело в том, что на вид их трудно отличить от населения впадин и грабенов. Они все носят эти их длинные хламиды, и все невыносимо воняют, особенно если находятся в закрытом помещении. Это из-за дистикомбов, которые они носят не снимая. Дистикомб – «дистилляторный комбинезон», костюм – перегонный куб, который собирает и утилизирует выделяемую телом влагу.

Пауль сглотнул, внезапно ощутил влагу во рту и вспомнил сон о жажде. Мысль, что люди могут так страдать от нехватки воды, что им приходится собирать влагу собственных выделений, поразила его. Пауль вдруг ощутил горькое чувство одиночества и пустоты.

– Вода там – драгоценность, – вслух подумал он.

Хават кивнул: «Возможно, мне понемногу удастся внушить ему, что Арракис – его враг. Там необходимо все время быть настороже, и нельзя отправляться туда, не будучи к этому готовым».

Пауль взглянул вверх, на световые люки, и увидел, что начался дождь. По сероватому метастеклу струилась вода.

– Вода... – сказал он.

– Ты еще научишься ценить воду, – пообещал Хават. – Конечно, у тебя недостатка в ней не будет, ты – сын герцога, но повсюду тебя будет окружать жажда...

Пауль провел языком по пересохшим вдруг губам, вспомнив, как неделю назад, в день испытания, Преподобная Мать тоже говорила что-то о водяном голоде...

– Ты узнаешь о Мертвых равнинах, – сказала тогда она, – дикой пустыне, где нет ничего живого – лишь Пряность и песчаные черви. Тебе придется окрасить глаза, чтобы смягчить беспощадный свет солнца. Слово «убежище» будет означать для тебя просто любое место, укрытое от ветра и чужого взгляда. Ты научишься ходить на своих двоих – без орнитоптера, без мобиля и даже не в седле.

И ее тон – она говорила нараспев особым вибрирующим голосом – сказал ему больше, чем слова.

– На Арракисе, – говорила она, – *кхала!* – земля пустынна, луны – твои друзья, а солнце – враг.

В тот момент Пауль почувствовал за спиной мать – она подошла, оставив свой пост у дверей.

– Так ты не видишь никакой надежды, Преподобная? – спросила она.

– Для его отца – нет. – Старая женщина жестом приказала Джессике молчать. Взглянула на Пауля. – Запомни, мальчик: мир держится на четырех столпах... – Она подняла четыре узловатых пальца. – Это – познания мудрых, справедливость сильных, молитвы праведных и доблесть храбрых. Но все четыре – ничто... – она сжала пальцы в кулак, – ...без правителя, владеющего искусством управления. И пусть это будет навечно высечено в твоей памяти!..

С того дня прошла уже неделя. И только сейчас он начал полностью сознавать значение ее слов. Сейчас, сидя в тренировочном зале рядом с Суфиром Хаватом, Пауль ощутил внезапный и едкий укол страха. Он взглянул на озадаченно-хмурое лицо ментата.

– Где ты сейчас витал? – спросил Хават.

– Ты видел Преподобную Мать?

– Императорскую ведьму-Правдовидицу? – В глазах Хавата зажегся интерес. – Видел.

– Она... – Пауль запнулся, обнаружив, что не может рассказать Хавату об испытании. Запрет проник глубоко.

– Что она?

Пауль сделал два глубоких вдоха.

– Она сказала одну вещь... – Он закрыл глаза, вызывая в памяти точные ее слова, и когда заговорил, его голос невольно приобрел что-то от голоса Преподобной Матери. – «Ты, Пауль Атрейдес, – потомок королей, сын герцога, ты должен научиться править. Это то, чему, увы, не научился ни один из твоих предков». – Пауль открыл глаза. – Это меня возмутило. Я сказал, что мой отец правит целой планетой. А она сказала: «Он ее теряет». А я сказал, что отец получает гораздо более богатую планету. А она сказала: «Он потеряет и ее». И я хотел бежать, предупредить отца, но она сказала, что его уже предупреждали, и не раз – ты, мать и многие другие...

– В общем, все верно, – пробормотал Хават.

– Тогда зачем мы летим туда? – сердито спросил Пауль.

– Потому что так приказал Император. И потому, что надежда все-таки есть, что бы ни говорила эта ведьма-шпионка. Ну а что еще изверг сей фонтан мудрости?

Пауль опустил взгляд на свою руку, сжатую в кулак под столом. С трудом, но все же он заставил мускулы расслабиться. *Она наложила на меня некий запрет. Но как?*

– Она спросила меня, что, по-моему, значит править, – ответил он. – И я сказал, что это значит командовать. А она на это сказала, что мне надо кое-чему разучиться.

«А старуха-то, в общем, дело сказала», – подумал Хават и кивком сделал Паулю знак продолжать.

– Она сказала, что правитель должен научиться убеждать, а не принуждать. И что тот, кто хочет собрать лучших людей, должен сложить лучший очаг и готовить лучший кофе.

– Интересно, а как, она думала, сумел твой отец привлечь к себе таких людей, как Дункан и Гурни? – спросил Хават.

Пауль пожал плечами.

– Еще она говорила, что хороший правитель должен овладеть языком своего мира, ведь на каждой планете – свой язык. Я решил, что она имеет в виду то, что на Арракисе не говорят на галакте, но она сказала, что речь совсем не об этом. Она сказала, что говорит о языке скал, растений и животных, языке, который невозможно услышать одними только ушами. И я сказал: это, наверное, то, что доктор Юйэ называет Таинством Жизни.

Хават засмеялся:

– И как ей это понравилось?

– Мне показалось, она просто взъерилась. Сказала, что таинство жизни – это не проблема, подлежащая решению, а только испытываемая реальность. Тогда я процитировал ей Первый Закон ментата: «Процесс нельзя понять посредством его прекращения. Понимание должно двигаться вместе с процессом, слиться с его потоком и течь вместе с ним». Это, похоже, ее удовлетворило – более или менее.

«Кажется, он с этим справится, – думал Хават, – но старая ведьма его напугала. Зачем она это сделала?»

– Суфир, – спросил Пауль, – на Арракисе в самом деле будет так плохо, как она сказала?

– Так плохо не будет, пожалуй, – ответил Хават, вымучивая улыбку. – Взять, к примеру, этих фрименов, непокорный народ Пустыни; поверь, их куда больше, чем могут предположить в Империи, это я тебе могу сказать на основе даже самого грубого, в первом приближении, анализа. Там живут люди, мальчик, великое множество людей! И... – Хават приложил жилистый палец к уголку глаза, – и они ненавидят Харконненов лютой ненавистью. Но учти, ни слова об этом, мой мальчик. Я рассказал тебе это лишь потому, что считаю тебя помощником и опорой твоего отца...

– Отец мне рассказывал о Салусе Секундус, – проговорил Пауль. – Знаешь, Суфир... она, по-моему, похожа на Арракис... может, Салуса не так ужасна, но в целом – в целом звучит похоже.

– Положим, о Салусе Секундус в наши дни никто и ничего толком не знает, – возразил Хават. – Только то, что было давным-давно... больше почти ничего. Но в отношении того, что все-таки известно, ты попал прямо в точку.

– Как ты думаешь, фримены нам помогут?

– Возможно. – Хават поднялся. – Сегодня я отбываю на Арракис. А ты, пожалуйста, будь осторожнее... ради старика, который тебя любит, а? Для начала будь умницей – сядь по другую сторону стола, лицом к двери. Не то чтобы я подозревал, что в замке небезопасно: я просто хочу, чтобы у тебя формировались правильные привычки.

Пауль тоже встал, обошел стол.

– Ты летишь сегодня?

– Я – сегодня, ты – завтра. В следующий раз мы встретимся уже на земле твоего нового мира. – Он сжал правую руку Пауля выше локтя. – Держи правую руку свободной – чтобы успеть выхватить нож, и не забывай подзаряжать щит. – Он отпустил руку, потрепал Пауля по плечу, повернулся и быстрыми шагами пошел к двери.

– Суфир! – окликнул его Пауль.

Хават оглянулся.

– Не садись спиной к дверям, – сказал Пауль.

Изрезанное морщинами лицо расплылось в улыбке.

– Не сяду, мальчик. Можешь на меня положиться.

И он вышел, мягко закрыв за собой дверь.

Пауль сел туда, где только что сидел его наставник, и поправил свои бумаги.

«Еще только один день здесь, – подумал он, обводя взглядом зал. – Уезжаем. Мы уезжаем». Мысль об отъезде вдруг встала перед ним так реально, как никогда раньше. Он вспомнил еще одну вещь, которую сказала старуха: мир – это сумма многих вещей: людей, почвы, растений и животных, лун, приливов, солнц; и эта неизвестная сумма называлась природой – неопределенная, лишенная чувства «теперь», чувства настоящего момента совокупность. А что такое – «теперь»? – спросил он себя.

Дверь напротив Пауля с шумом распахнулась, и в комнату ввалился уродливый, глыбоподобный человек с целой охапкой оружия в руках.

– А, Гурни Халлек! Ты что, новый учитель фехтования? – спросил Пауль.

Халлек пинком захлопнул дверь.

– Ты бы, конечно, предпочел, чтобы я пришел с тобой в игры играть, ясное дело, – сказал он, окидывая зал взглядом и убеждаясь, что люди Хавата уже осмотрели его и убедились, что тут нет ничего представляющего опасность для наследника герцога: всюду остались едва заметные кодовые знаки «проверено».

Пауль смотрел, как уродливый человек прокатился к тренировочному столу со своей грудой оружия, увидел на плече Гурни девятиструнный балисет с мультиплектром, вставленным между струн у головки грифа.

Халлек сбросил оружие на стол и разложил его по порядку – рапиры, стилеты, кинжалы, станнеры с низкой начальной скоростью выстрела, поясные щиты. Шрам от чернильной лозы, пересекавший подбородок Халлека, знакомо искривился, когда, обернувшись, тот улыбнулся мальчику.

– Итак, чертенок, у тебя не нашлось для меня даже «доброго утра»! – воскликнул он. – Кстати, а каким шилом ты Хавата ткнул? Он промчался мимо меня так, словно спешил на похороны любимого врага!

Пауль ухмыльнулся. Из всех людей своего отца он больше всех любил Гурни Халлека, ему нравились его выходки, причуды и остроты, и он считал воина-трубадура скорее другом, чем слугой-наемником.

Халлек сдернул с плеча балисет и принялся настраивать его.

– Не хочешь говорить со мной – и не надо, – заявил он.

Пауль встал, пересек зал и, подходя к Халлеку, указал на его инструмент:

– Что, Гурни, решил вместо боевых искусств побренчать немного?

– Это, кажется, теперь называется уважением к старшим, – скорбно отозвался тот. Потом взял для пробы аккорд на своем инструменте и удовлетворенно кивнул.

– А где Дункан Айдахо? – спросил Пауль. – Он разве больше не будет учить меня боевым искусствам?

– Дункан повел вторую волну наших переселенцев на Арракис, – объяснил Халлек. – Так что все, что у тебя осталось, – это бедняга Гурни, никудышный вояка и портач в музыке... – Он снова ударил по струнам, прислушался к звуку и улыбнулся. – Короче, на совете решили:

раз уж тебе не дается искусство боя, лучше поучить тебя музыке. Чтобы ты не потратил свою жизнь совсем уж напрасно.

– Тогда, может, споешь мне балладу? – предложил Пауль. – Я хочу иметь хороший образец того, как этого не надо делать.

– Ах-ха-ха! – рассмеялся Гурни и тут же затянул «Девочек Галактики», с такой быстротой перебирая струны мультиплектром, что за ним было трудно уследить:

Ах, девочки Галактики
Дадут за жемчуга тебе,
А арракинку за воду возьмешь!
Но если хочешь жаркую,
Как пламя, страстно-яркую,
То лучше каладанки не найдешь!

– Не так уж плохо для такого жалкого бренчалы, – сказал Пауль, – но если бы мать услышала, что за похабщину ты тут, в замке, распевашь, она бы велела прибить твои уши на внешней стене в качестве украшения.

Гурни дернул себя за левое ухо.

– Украшение из них вышло бы тоже довольно убогое – они слишком повреждены подслушиванием у замочной скважины за довольно-таки странными песенками, которые частенько наигрывает на своем балисете один мой знакомый мальчик.

– Забыл, значит, как приятно спать в постели, хорошенько посыпанной песком, – сказал Пауль, сдергивая со стола щит-пояс и защелкивая его на талии. – Тогда сразимся!

Глаза Халлека широко раскрылись в притворном удивлении:

– Так, стало быть, вот чья преступная рука это учинила? Ну ладно же! Защищайся, юный корифей, защищайся как следует!

Он схватил рапиру и рассек ею воздух:

– Месть моя будет страшна!

Пауль выбрал парную рапиру, согнул ее в руках и встал в позицию, вынеся одну ногу вперед. Он придавал своим движениям комическую напыщенность, утрируя манеры доктора Юйэ.

– Какого болвана отец прислал мне для занятий фехтованием, – нараспев произнес Пауль. – Недотепа Гурни Халлек позабыл первую заповедь боя с силовыми щитами. – Пауль щелкнул кнопкой на поясе и ощутил легкое покалывание на коже и характерное изменение внешних звуков, приглушенных силовым полем. – «В бою с использованием силовых щитов надо быть быстрым в обороне, но медленным в нападении, – продекламировал Пауль. – Атака имеет единственную цель – заставить противника сделать неверное движение, заставить открыться. Щит отвращает быстрый удар клинка, но пропустит неспешный взмах кинжала!» – Пауль перехватил рапиру, сделал быстрый выпад и мгновенно вернул клинок для способного пройти сквозь бездумную завесу силового щита замедленного удара.

Халлек спокойно проследил за его приемом и увернулся в последний момент, пропустив притупленный клинок мимо своей груди.

– Со скоростью удара все в порядке, – отметил он. – Но ты полностью открылся для удара слиптипом снизу.

Пауль с досадой отступил.

– Мне бы надо высечь тебя за такую небрежность, – продолжал Халлек. Он поднял со стола обнаженный кинжал. – Вот эта штука в руках врага уже убила бы тебя! Ты способный ученик, лучше некуда, но я тебе говорил, и не раз, что, даже забавляясь, ты не должен никого пропускать сквозь защиту, ибо небрежность здесь может стоить жизни.

– Просто я сегодня не в настроении, – буркнул Пауль.

– Не в настроении?! – Даже сквозь силовое поле щитов голос Халлека выдал его возмущение. – А при чем тут твоё настроение? Сражаются тогда, когда это необходимо, невзирая на настроение! Настроение – это для животных сойдет, или в любви, или в игре на балисете. Но не в сражении!

– Извини, Гурни. Я не прав.

– Что-то я не вижу должного раскаяния!

Халлек активировал свой щит, полуприсел с выставленным в левой руке кинжалом и рапирой в правой. Рапиру он держал чуть приподнятой вверх.

– А теперь – защищайся по-настоящему!

Он высоко подпрыгнул вбок, потом вперед, яростно атакуя.

Пауль парировал и отступил. Он услышал, как затрещали, соприкоснувшись, силовые поля, ощутил легкие электрические уколы на своей коже. «Что это нашло на Гурни? – удивился он. – Он всерьез атакует!» Пауль тряхнул левой рукой – из наручных ножен в его ладонь скользнул небольшой кинжал.

– Что, одной рапирой не управиться? – хмыкнул Гурни. – То-то!

«Неужели предательство?! – спросил себя Пауль. – Нет, только не Гурни – он на это не способен!»

Они кружили по залу – выпад и парирование, выпад и контрвыпад. Воздух внутри окружавших их силовых полей стал спёртым – воздухообмен на границе поля был слишком замедлен. Однако с каждым новым столкновением щитов и с каждым отраженным полем ударом клинка усиливался запах озона.

Пауль продолжал отступать, но, отступая, он постепенно вел Гурни к тренировочному столу.

«Если я сумею заманить его к столу, я покажу ему один фокус, – подумал Пауль. – Ну, Гурни, ещё один шаг...»

Халлек сделал этот шаг.

Пауль отбил удар Гурни книзу, резко повернулся и увидел, что рапира соперника, как и было задумано, задела край стола. Пауль прыгнул вбок, сделал рапирой выпад вверх и одновременно ввел в защитное поле кинжал, целя в шею. Острие замерло в дюйме от яремной вены Халлека.

– Ты этого хотел? – прошептал он.

– Посмотри вниз, мальчик, – проговорил сквозь одышку Халлек.

Пауль опустил глаза и увидел, что кинжал Халлека прошел под углом стола – он почти касался паха Пауля.

– Мы, так сказать, слились бы в смерти, – сказал Халлек. – Но надо признать, ты можешь драться немного лучше, если тебя прижать. Полагаю, мне удалось привести тебя в настроение. – И он осклабился по-волчьи, отчего свекольный шрам на его лице искривился.

– Ты так набросился на меня... – Пауль взглянул Халлеку в глаза. – Ты в самом деле хотел пустить мне кровь?

Халлек убрал кинжал и выпрямился.

– Дерись ты хоть немного хуже того, на что способен, я бы оставил на тебе хар-рошую отметину – шрам, который ты бы долго помнил. Потому что мне бы не хотелось, чтобы моего любимого ученика заколол первый встречный харконненский бродяга.

Пауль отключил щит и оперся на стол, восстанавливая дыхание.

– Я это заслужил, Гурни. Вот только боюсь, отцу бы не очень понравилось, если бы ты меня ранил. А я бы не хотел, чтобы тебя наказывали за мои неудачи.

– Ну, что до этого, – возразил Халлек, – то это была бы и моя неудача. А потом, нечего волноваться из-за одного-двух шрамов, полученных на тренировке. Тебе еще повезло, что у тебя их так мало... А что касается твоего отца – герцог накажет меня только в том случае, если

я не сумею сделать из тебя первоклассного бойца. И я бы не сумел, если бы не разъяснил тебе вовремя твои заблуждения относительно «настроения». Ишь чего придумал!

Пауль выпрямился и вернул кинжал в ножны на запястье.

– То, чем мы здесь занимаемся, это совсем не игра, – добавил Халлек.

Пауль кивнул. Он был удивлен необычной для Халлека серьезностью и какой-то особой собранностью. Взглянув на лиловый шрам на лице своего взрослого друга, Пауль вспомнил, что его нанес Зверь Раббан в рабских копиях на Джеди Прим. И внезапно ощутил стыд оттого, что хотя бы на мгновение усомнился в Халлеке. И тут же ему пришло в голову, что Халлеку, наверно, было больно тогда, – может, так же больно, как самому Паулю во время испытания, которому подвергла его Преподобная Мать. Но он прогнал эту мысль: она делала мир слишком неудобным...

– Наверно, я и в самом деле настроился на игру, – признал Пауль. – А то в последнее время все слишком серьезны.

Халлек отвернулся, чтобы скрыть свои чувства. Он ощущал жжение в глазах. Внутри него жила боль, словно какой-то нарыв, – все, что осталось в нем от некоего утраченного Вчера, которое Время безжалостно отсекло от него.

Как скоро этому ребенку придется стать мужчиной, подумал Халлек. Как скоро придется ему составить мысленно этот контракт, призывающий к жесточайшей осторожности, и внести в этот лист строку: «Кто ваш ближайший родственник?»²

Не оборачиваясь, Халлек сказал:

– Я чувствовал, что тебе хочется поиграть, и ничего мне так не хотелось, как поиграть с тобой. Но игры кончились. Завтра мы летим на Арракис. Арракис – это не игра, это реальность. Харконнены – тоже реальность.

Пауль, подняв вверх рапиру, коснулся клинком лба.

Халлек обернулся, увидел салют и ответил кивком. Показал на спарринг-манекен.

– А теперь займемся твоей координацией. Покажи, как ты справляешься с этой злой шуткой. Я буду управлять ею отсюда – здесь мне будет лучше видно. И предупреждаю – сегодня я применю новые контрудары. Враг тебя об этом предупреждать не станет.

Пауль приподнялся на носках, чтобы расслабить мускулы. Он вдруг со всей серьезностью понял, что его жизнь начала резко меняться. Он подошел к тренажеру, ткнул острием рапиры выключатель на груди куклы и почувствовал, как силовое поле оттолкнуло клинок.

– Ан гард!³ – скомандовал Халлек, и манекен начал атаку.

Пауль включил щит, парировал и контратаковал.

Халлек, управляя куклой, внимательно следил за ним. Его сознание словно разделилось: одна часть напряженно контролировала ход поединка, а другая блуждала где-то вдалеке.

«Я – словно хорошо сформированное садовником плодородное дерево. Дерево, полное хорошо развитых способностей и чувств, и все они привиты на меня – все они вызревали для кого-то другого...»

Почему-то он вспомнил свою младшую сестру – ее миниатюрное, напоминающее о сказочных эльфах лицо ясно встало перед его глазами. Но сестра давно была мертва – умерла в солдатском борделе у Харконненов. Она любила анютины глазки... или маргаритки? Он уже не помнил. И то, что он не мог вспомнить этого, огорчило его.

Пауль отбил медленный рубящий удар куклы и с левой руки провел антре-тиссе⁴.

² Вопрос формулируется так в документах, связанных с наследованием.

³ Внимание! (фр., фехт.)

⁴ Букв.: «вплетение» (фр., фехт.).

«Вот ловкий чертенок! – подумал Халлек, теперь полностью поглощенный ловкими движениями Пауля. – Он тренировался самостоятельно. Это не похоже на стиль Дункана, и уж определенно не то, чему учил его я!»

Эта мысль только усилила печаль Халлека.

Это его «настроение» заразило и меня, подумал он и спросил себя, приходилось ли этому мальчику по ночам в страхе вжиматься в подушку, слушая отдающийся в ней собственный пульс?..

– «Если бы желания были рыбами, мы бы все забрасывали сети...» – пробормотал он.

Эту пословицу часто повторяла его мать, и он вспоминал ее всякий раз, когда мрак будущего окутывал его мысли.

Потом он подумал, как странно с такой поговоркой отправляться на планету, которая никогда не знала ни морей, ни рыб.

ЮйЭ (произносится как «ю-э»), Веллингтон (Станд. 10082 – 10191). Доктор медицины, выпускник Суккской школы (оконч. в Станд. 10112). Жена: Уанна Маркус, Б.Г. (Станд. 10092 – 10186?). В осн. изв. как предатель герцога Лето Атрейдеса (см.: Библиография, Приложение VII [Кондиционирование Имперское] и: Предательство, Великое (Предательство ЮйЭ).

(Энциклопедический словарь по Муад'Дибу, сост. принцесса Ирулан)

Хотя Пауль услышал, как в зал вошел доктор ЮйЭ, и обратил внимание на то, что его шаги как-то напряженно-медлительны и осторожны, он продолжал лежать лицом вниз на столе, куда его уложил ушедший уже массажист. Приятно было расслабиться после выматывающей тренировки с Гурни Халлеком.

– Вы удобно устроились, – сказал ЮйЭ своим спокойным высоким голосом.

Пауль поднял голову и окинул взглядом длинную худую фигуру в нескольких шагах от стола: помятая черная одежда, массивная голова с квадратным лицом, украшенным длинными свисающими усами, пурпурными губами и вытатуированным на лбу черным ромбом Имперского кондиционирования; длинные черные волосы схвачены над левым плечом серебряным кольцом Школы Сукк.

– Я вас порадую: сегодня у нас нет времени для обычного урока, – сказал ЮйЭ. – Скоро должен прийти ваш отец.

Пауль сел.

– Однако я распорядился приготовить для вас книгофильмы с записью нескольких уроков и книгоскоп – во время перелета на Арракис у вас будет время для занятий.

– О...

Пауль начал одеваться. Мысль о скорой встрече с отцом взволновала его: они очень мало виделись с тех пор, как пришел приказ Императора принять власть на Арракисе.

ЮйЭ прошел к Г-образному столу, размышляя: как были наполнены эти его последние месяцы. Какая потеря! Какая ужасная потеря!..

И он напомнил себе: «Я не должен колебаться. То, что я делаю, – я делаю для того, чтобы эти звери – Харконнены – не мучили больше мою Уанну».

Пауль, застегивая куртку, тоже сел за стол.

– Что я буду изучать по пути на Арракис?

– Ах-х-хх... наземные формы жизни Арракиса. Планета, так сказать, раскрыла свои объятия некоторым земным животным. Непонятно, каким образом. По прибытии мне непременно надо будет разыскать Эколога планеты – некоего доктора Кинеса – и предложить ему свою помощь в исследованиях.

И ЮйЭ подумал: «Что я говорю? Я лицемерю даже перед самим собой».

– Там будет что-нибудь о фрименах? – спросил Пауль.

О *фрименах*? Юйэ побарабанил пальцами по столу, заметил, что Пауль удивленно смотрит на этот нервозный жест, убрал руку.

– Тогда, может, у вас есть что-нибудь о населении Арракиса в целом? – спросил Пауль.

– А? Да, разумеется, – ответил Юйэ. – Оно делится на две основные группы – на *фрименов* и население *грабенов*, *впадин* и *котловин* – там они называются *чашами*. Мне рассказывали, однако, что бывают смешанные браки. Женщины низинных деревень и поселков предпочитают *фрименских* мужей, а их мужчины охотнее женятся на *фрименках*. У них есть поговорка: «Из города – лоск, из Пустыни – мудрость».

– У вас есть снимки *фрименов*?

– Я посмотрю, что удастся найти. Но, безусловно, самая интересная их черта – глаза. Совершенно синие, без капли белизны.

– Мутация?

– Нет. Это связано с перенасыщением крови меланжей.

– Чтобы жить на краю Пустыни, *фримены* должны быть храбрыми людьми.

– Да, это общепризнано, – согласился Юйэ. – Они слагают баллады о своих ножах. Их женщины так же свирепы, как и мужчины. Даже дети *фрименов* суровы, жестоки и опасны. Вам, как я полагаю, не позволят общаться с ними...

Пауль смотрел на Юйэ; за несколькими скупыми словами о *фрименах* скрывалась огромная сила этих людей, и мысль о ней захватила его: «Вот бы суметь сделать таких людей союзниками!»

– А черви? – спросил Пауль.

– Что?..

– Я хочу больше узнать о песчаных червях.

– Ах-х-хх, разумеется. У меня есть книгофильм, где заснят один из них – небольшой экземпляр, всего сто десять метров в длину и двадцать два в диаметре. Съёмки производились в северных широтах. По сведениям, полученным от заслуживающих доверия очевидцев, наблюдались черви, достигавшие в длину более четырехсот метров, и есть все основания предполагать, что существуют и более крупные.

Пауль взглянул на разложенную на столе карту северных широт Арракиса, сделанную в конической проекции:

– Пустынный пояс и южные приполярные районы обозначены тут как необитаемые и непригодные для жизни. Это из-за червей?

– И из-за ураганов.

– Но любое место можно сделать пригодным для жизни.

– Если это осуществимо экономически, – поправил Юйэ. – На Арракисе много опасностей, устранение которых обошлось бы чересчур дорого... – Юйэ пригладил свои вислые усы. – Н-ну, ваш отец скоро должен быть здесь. Однако прежде чем уйти, хочу кое-что подарить вам. Я нашел это, когда паковал свои вещи. – Он положил на стол небольшой предмет – черный, продолговатый, не больше фаланги большого пальца Пауля.

Пауль посмотрел на предмет. Юйэ отметил, что мальчик не взял его в руки, и подумал: «Как он осторожен!»

– Это очень старая, по-настоящему древняя Экуменическая Библия, специально для космических путешествий. Это не книгофильм, а настоящая книга, напечатанная на волоконной ткани. Она снабжена лупой и электростатическим замком-листочком. – Он поднял книгу, продемонстрировав их. – Заряд удерживает книгу в закрытом положении, противодействуя пружинке в обложке. Если нажать на корешок – вот так, – выбранные страницы отталкивают друг друга одноименным зарядом, и книга открывается.

– Она такая маленькая...

– Но в ней тысяча восемьсот страниц. Снова нажимаем корешок – вот так, – и... заряд переворачивает страницы одну за другой, по мере того как вы читаете. Только никогда не прикасайтесь к самим страницам пальцами. Ткань слишком тонкая. – Он закрыл книжечку, протянул ее Паулю: – Попробуйте.

Глядя, как Пауль изучает книгу, Юйэ подумал: «Я пытаюсь успокоить свою совесть: дарю ему прибежище в религии перед тем, как предать. Так я могу сказать себе, что он ушел туда, куда мне путь закрыт».

– Ее, наверное, сделали еще до появления книгофильмов, – сказал Пауль.

– Да, она очень старая. Пусть она будет нашим секретом, хорошо? Ваши родители могут счесть, что вам еще рано получать такие ценные вещи.

И Юйэ подумал: «И вне всякого сомнения, его мать заинтересовалась бы моими мотивами».

– Но... – Пауль закрыл книгу, подержал ее в руке. – Если она такая ценная...

– Доставьте удовольствие старику, – сказал Юйэ. – Мне ее подарили, когда я был совсем юным. – И он подумал: «Я должен завладеть его воображением – и пробудить в нем страсти». – Откройте книгу на четыреста шестьдесят седьмой Калиме, где говорится: «Из вод положено начало всякой жизни». На обложке есть небольшая бороздка от ногтя – она отмечает это место.

Пауль ощупал корешок, нашел две отметки, одна из которых была меньше. Он нажал меньшую, книга развернулась в его ладони, и лупа скользнула на свое место.

– Прочтите вслух, – попросил Юйэ.

Пауль облизнул губы и начал:

– «Глухой не может слышать – задумайтесь над этим. Не так ли и все мы, возможно, в чем-то глухи? Каких чувств недостает нам, чтобы увидеть и услышать окружающий нас иной мир? Что из того, что окружает нас, мы не можем...»

– Прекратите! – крикнул вдруг Юйэ.

Пауль оборвал чтение, удивленно взглянув на него.

Юйэ закрыл глаза, пытаясь сдержать внутреннюю дрожь. «Какой каприз провидения заставил книгу открыться на любимом отрывке моей Уанны?» – Он поднял веки и встретил пристальный взгляд Пауля.

– Извините, – сказал Юйэ. – Это было... любимое место... моей... покойной жены. Я хотел, чтобы вы прочли другой отрывок, а этот... Он приносит мучительные воспоминания.

– Тут две бороздки, – сказал Пауль.

Ну конечно же, Уанна отметила свой отрывок. Его пальцы чувствительнее моих, вот он и нашел ее метку. Случайность, не более.

– Вас, полагаю, должна заинтересовать эта книга, – сказал Юйэ. – В ней содержится много достоверных исторических сведений и вместе с тем – хорошая этическая философия.

Пауль взглянул на крохотную книгу в своей ладони. Такая маленькая! Но в ней есть какая-то тайна... что-то произошло, когда он читал. Он почувствовал, как нечто затронуло его... ужасное предназначение.

– Ваш отец будет здесь с минуты на минуту, – сказал Юйэ. – Спрячьте книгу и почитайте на досуге.

Пауль тронул корешок, как показывал Юйэ. Книга захлопнулась, и он опустил ее в карман. В то мгновение, когда Юйэ крикнул на него, Пауль испугался, что тот может потребовать вернуть книгу.

– Я благодарю вас за подарок, доктор Юйэ, – проговорил Пауль официальным тоном. – Это будет наш секрет. Если же вы хотели бы получить какой-нибудь подарок от меня – прошу вас, не стесняйтесь, скажите.

– Мне... ничего не нужно, – сказал Юйэ.

«Зачем я стою здесь, терзая себя? И терзаю этого бедного мальчика... хотя он этого еще не знает. О-о-о! Проклятие этим харконненским чудовищам! Почему, ну почему они избрали для своих мерзостей именно меня?!»

Как подойти нам к изучению отца Муад'Диб? Человеком исключительной теплоты и поразительной холодности был герцог Лето Атрейдес. Но все же многое открывает пути к пониманию его – верная любовь к леди Джессике; надежды, которые возлагал он на своего сына; преданность, с какой служили ему его люди. Представив себе все это, вы увидите его – человека, пойманного Судьбой в ловушку, одинокую фигуру, человека, чей свет померк в лучах славы его сына. Однако должно спросить: что есть сын, как не продолжение отца?

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

Пауль смотрел, как отец входит в тренировочный зал, как охранники занимают посты снаружи; один из них закрыл дверь. Как всегда при встречах с отцом, Пауль ощутил исходящее от него чувство присутствия – это был человек, который весь здесь и сейчас.

Герцог был высок и смугл. Суровые черты его лица смягчались только теплой глубиной серых глаз. На нем был черный повседневный мундир с красным геральдическим ястребом на груди. Посеребренный поясной щит со следами долгого и частого пользования перехватывал его тонкую талию.

– Усердно занимаешься, сын? – спросил герцог.

Он подошел к столу, бросил взгляд на разложенные бумаги, скользнул глазами по залу. Он чувствовал себя очень усталым и ощущал настоящую боль от необходимости скрывать свою слабость. «Надо будет использовать всякую возможность для отдыха во время полета к Арракису, – подумал он. – На Арракисе отдыхать уже не придется».

– Не слишком усердно, – признался Пауль. – Все это верно... – Он пожал плечами.

– Да, понимаю. Но так или иначе, а завтра мы улетаем. Я полагаю, приятно будет наконец устроиться на новом месте, в новом доме, оставить всю эту суету позади...

Пауль кивнул. Внезапно он вспомнил слова Преподобной Матери: «...твоего отца не спасет ничто».

– Отец, – спросил Пауль, – Арракис в самом деле так опасен, как все говорят?

Герцог заставил себя небрежно махнуть рукой, присел на угол стола, улыбнулся. В его сознании выстроился весь разговор – так случалось ему говорить со своими людьми перед боем, когда он желал рассеять их сомнения и подбодрить. Но разговор этот умер, не успев воплотиться в слова, изгнанный одной-единственной мыслью: «Это – мой сын».

– Да, там будет опасно, – признал он.

– Хават сказал, что у нас есть определенные виды на фрименов, – сказал Пауль и спросил себя: «Почему я не рассказываю ему о том, что говорила старуха? Какую печать наложила она на мой язык?»

Герцог заметил угнетенное состояние сына и сказал:

– Хават, как обычно, выделяет главную возможность. Но она далеко не единственная. Я, скажем, думаю о КООАМ – «Комбайн Оннет Обер Адвансер Меркантайлс» – Картеле неготиантов. Отдав нам Арракис, Его Величество вынужден тем самым отдать нам и голос в Директорате КООАМ... а это уже кое-что. Хотя и не так много...

– КООАМ контролирует Пряность, – сказал Пауль.

– И Арракис – источник Пряности – это наша дорога в КООАМ, – кивнул герцог. – Однако КООАМ – это не только меланжа.

– Предупреждала ли тебя Преподобная Мать? – выпалил вдруг Пауль. Он стиснул кулаки, почувствовав, как сильно вспотели у него ладони. Слишком большого усилия потребовал у него этот вопрос.

– Хават мне уже сказал, что она пыталась запугать тебя поджидающими на Арракисе опасностями, – сказал герцог. – Не позволяй женским страхам затуманивать твой разум. Никакая женщина не хочет, чтобы ее близкие подвергались опасности. За всеми этими предостережениями видна рука твоей матери. Так что принимай их как знак ее любви к нам.

– А она знает о фрименах?

– Да. И о многом другом.

– О чем?

И герцог подумал: «Правда может оказаться куда хуже, чем он опасается. Конечно, и опасная, суровая правда полезна для того, кто умеет ею воспользоваться. И вот этому – умению обращаться с опасными фактами – мой сын не обучен. Этот пробел необходимо как можно скорее заполнить – хотя мальчик еще так юн...»

– А вот о чем. Мало что из товаров не связано так или иначе с КООАМ, – сказал герцог. – Дерево и лесоматериалы, ослы, лошади, коровы, навоз, акулы, китовые шкуры – самые прозаические и самые экзотические предметы... даже наш бедный рис пунди с Каладана. Все, что может перевезти Гильдия: произведения искусства с Эказа, машины с Ричезы и Икса. Но все это – ничто рядом с меланжеей. За щепоть Пряности можно купить дом на Тупайле. Пряность нельзя синтезировать – ее можно только добыть на Арракисе. Она поистине уникальна и обладает мощнейшими гериатрическими свойствами.

– Теперь мы ее контролируем?

– Ну, в какой-то степени... Но важно помнить о всех тех Домах, которые зависят от прибылей КООАМ. И о том, что огромная часть этих прибылей зависит от одного-единственного товара – от Пряности. Представь, что случится, если по какой-то причине добыча Пряности уменьшится?

– В такой ситуации тот, кому удалось создать запасы меланжеей, получит сверхприбыль, – отозвался Пауль, – а все прочие останутся в дураках.

Герцог позволил себе секунду мрачного удовлетворения: глядя на сына, он думал, каким проницательным было это замечание, какой великолепный интеллект подсказал его... Он кивнул:

– Да. А Харконнены накапливали запасы многие годы.

– Значит, они хотят подорвать добычу Пряности и обвинить в этом тебя.

– Они хотят подорвать влияние Дома Атрейдес, – сказал герцог. – Вспомни о Домах Ландсраада, которые смотрят на меня в какой-то степени как на лидера и неофициального выразителя их интересов. А теперь представь, что будет, если их доходы вдруг резко упадут и виноват в этом окажусь я? В конце концов, своя рубашка ближе к телу! Как говорится, к черту Великую Конвенцию – нельзя же позволять разорять себя! – Жесткая улыбка искривила губы герцога. – Что бы со мной ни сделали тогда, они предпочтут этого не заметить...

– Даже если бы против нас применили атомное оружие?

– Что ты, к чему такие ужасы? Никакого открытого нарушения Конвенции не будет. Но почти все остальное, кроме этого, возможно... даже распыление радиоактивных веществ или, скажем, отравление почвы.

– Тогда зачем мы идем на это?

– Пауль! – Герцог неодобрительно посмотрел на сына. – Знать, где ловушка, – это первый шаг к тому, чтобы избежать ее. Это похоже на поединок, на дуэль, только масштабы другие. Выпад внутри выпада, а тот – внутри третьего, один финт в другом... и так, кажется, до бесконечности. Нам надо распутать этот проклятый клубок. Итак, зная, что Харконнены запасают меланжеей, зададим следующий вопрос: кто еще это делает? Ответив на него, получим список наших врагов.

– И кто же это?

– Некоторые Великие Дома, известные своим недружественным к нам отношением, а также некоторые из тех, кого мы считали друзьями или по крайней мере союзниками. Впрочем, сейчас это не важно, потому что у нас есть еще один, и гораздо более могущественный, враг: наш любимый Падишах-Император!

Пауль попытался сглотнуть вмиг пересохшим горлом:

– А ты не мог бы созвать сессию Ландсраада и разоблачить...

– Показать врагу, что мы знаем, чья рука занесла нож? Нет, Пауль. Сейчас мы по крайней мере видим нож. Кто знает, откуда нам ждать удара тогда? Если мы выложим все перед Ландсраадом сейчас, это лишь внесет смятение. Император будет все отрицать, и кто посмеет ему противоречить? Все, что мы могли бы выиграть, – это небольшая отсрочка, а в случае неудачи нас ждет всеобщий хаос. И откуда пришел бы следующий удар?

– Все Дома могли бы запастись Пряностью.

– У врагов слишком большая фора.

– Император... – протянул Пауль. – Это значит – сардаукары.

– И, без всякого сомнения, переодетые в форму Харконненов, – кивнул герцог. – Но все равно это будут те же солдаты-фанатики.

– Но как смогут фримены помочь нам против сардаукаров?

– Хават рассказывал тебе о Салусе Секундус?

– Императорской планете-каторге? Нет.

– Что, если это нечто большее, нежели просто тюремная планета? Есть один вопрос о корпусах сардаукаров, который при тебе ни разу не задавали. А именно: откуда они вообще берутся?

– С планеты-каторги?

– Почему бы и нет?

– Но Император регулярно, в виде особой подати, проводит рекрутские наборы...

– Вот в это-то нас и заставляют поверить: что сардаукары – просто набранные Императором рекруты, которых великолепно готовят с юного возраста. Иногда поговаривают о неких инструкторах, доводящих новобранцев до нужного уровня, но баланс сил в нашей цивилизации остается тем же: с одной стороны – войска Великих Домов Ландсраада, с другой – сардаукары и рекруты-новобранцы. Новобранцы, Пауль. А сардаукары остаются сардаукарами.

– Но, по слухам, Салуса Секундус не планета, а настоящий ад!

– Несомненно. Но скажи: если бы ты хотел воспитать стойких, сильных, свирепых солдат, в какую среду ты бы их поместил?

– Но как добиться верности от таких людей?

– Для этого есть проверенные способы: игра на их чувстве собственного превосходства, мистика тайного братства, дух разделенного страдания... Все это не так уж трудно сделать. И так делалось на многих мирах, в разные эпохи.

Пауль кивнул, не сводя глаз с отца. Он чувствовал, что сейчас услышит нечто очень важное.

– Взгляни на Арракис, – негромко сказал герцог. – За пределами городов и гарнизонных поселков он не менее ужасен, чем Салуса Секундус.

Глаза Пауля широко раскрылись.

– Фримены!

– Великолепный потенциал для создания столь же сильного и смертоносного войска, как и Корпус Сардаукаров. Понадобится немыслимое терпение, чтобы втайне привлечь и подготовить их, и немыслимые средства, чтобы должным образом вооружить. Но фримены – там... и там – Пряность. Понимаешь теперь, почему мы идем на Арракис – даже зная, что там – ловушка?

– А Харконнены разве не знают о фрименах?

– Харконнены издевались над ними, охотились на них для развлечения, ни разу не пробовали хотя бы сосчитать их. Политика Харконненов – тратить на население лишь столько, сколько нужно, чтобы оно не вымерло.

Вышитый металлом герб на груди герцога сверкнул от резкого движения.

– Теперь ты понимаешь?

– Мы уже ведем переговоры с фрименами, – утвердительно сказал Пауль.

– Да. Я направил к ним миссию во главе с Дунканом Айдахо, – ответил герцог. – Дункан – человек гордый и, пожалуй, жестокий, зато он любит правду. Я надеюсь, фримены будут от него в восторге. Если нам повезет, они будут судить и о нас по нему. По Дункану Достойному. А порядочности ему не занимать...

– Дункан Достойный, – проговорил Пауль, – и Гурни Доблестный.

– Ты их хорошо назвал, – кивнул герцог.

И Пауль подумал: Гурни – один из тех, кого имела в виду Преподобная, когда говорила о столпах, поддерживающих мир: «...и доблесть храбрых».

– Гурни сказал, что сегодня ты хорошо сражался, – сказал герцог.

– Да? А мне он говорил совсем другое.

Герцог громко рассмеялся:

– Могу себе представить, как... скупой хвалил тебя Гурни в лицо. Но он говорит, что ты уже по-настоящему чувствуешь разницу между лезвием клинка и его острием.

– Гурни говорит: чтобы убить острием, особого мастерства не нужно, а вот убить лезвием – подлинное искусство.

– Гурни – романтик, – проворчал герцог. Слова об убийствах из уст сына расстроили его. – Что до меня, то мне хотелось бы, чтобы тебе вообще не пришлось убивать... но уж если возникнет необходимость, делай это, как сумеешь, не важно, острием клинка или его лезвием. – Он скользнул глазами по потолочному окну, по которому барабанил дождь.

Проследив за взглядом отца, Пауль подумал, что, наверное, на Арракисе ему уже никогда не увидеть воды с неба, – и эта мысль о небе заставила его вспомнить и о пространстве за его пределами.

– Правда ли, что корабли Гильдии – самое большое из всего, построенного людьми? – поинтересовался Пауль.

Герцог перевел взгляд на сына.

– В самом деле, это же твой первый межпланетный перелет. Да, больше этих кораблей нет ничего. Мы пойдем на хайлайнере, потому что путешествие предстоит долгое. Хайлайнер – самый огромный из кораблей. Все наши фрегаты и транспортники свободно уместятся в одном уголке его трюма – мы будем лишь небольшой частью груза.

– А нам нельзя будет покидать наши корабли на хайлайнере?

– Это – часть той цены, которую мы платим за гарантируемую Гильдией безопасность. Рядом с нашими там могли бы стоять корабли Харконненов, и нам нечего было бы опасаться. Харконнены не станут рисковать своими транспортно-грузовыми привилегиями.

– Тогда я попробую увидеть какого-нибудь гильдиера хотя бы через наши видеоэкраны.

– Не увидишь. Даже агенты Гильдии никогда не видели ни одного настоящего гильдиера. Гильдия бережет свою таинственность так же строго, как и свою монополию. Пауль, не стоит делать ничего, что могло бы хоть в малой степени повредить нашим транспортным привилегиям.

– А ты не думаешь, что они, возможно, прячутся потому, что мутировали и теперь не похожи... на человека?

– Кто знает? – пожал плечами герцог. – Нам, во всяком случае, вряд ли удастся разгадать эту тайну. Да и у нас есть более неотложные проблемы. В частности – ты.

– Я?

– Твоя мать хотела, чтобы именно я сказал тебе... Видишь ли, сын, возможно, у тебя имеются способности ментата.

Пауль смотрел на отца, какое-то время не в состоянии открыть рот. Наконец он выговорил:

– Способности ментата?.. У меня?.. Но я же...

– Хават тоже так считает. Это правда.

– Н-но... я думал, что подготовка ментата должна начинаться с раннего детства, причем ему самому нельзя говорить об этом, так как это могло бы помешать раннему... – Он замолчал на полуслове; внезапно многие обстоятельства его жизни сложились в единую картину. – Понятно, – сказал он.

– Приходит день, – вздохнул герцог, – когда потенциальный ментат должен узнать, что с ним делают. И с этого момента «с ним» делать больше ничего нельзя. Он должен сам решить, продолжать ли обучение или отказаться от него. Некоторые могут продолжать, другие же – нет, поскольку не способны. И только сам потенциальный ментат может точно знать о себе это.

Пауль потерял подбородок. Все его специальные занятия с Хаватом и матерью – мнемоника, концентрирование сознания, мышечный контроль и развитие остроты чувств, изучение языков и оттенков голоса – все это он увидел по-новому.

– Когда-нибудь ты станешь герцогом, сын, – сказал отец. – А герцог-ментат действительно был бы грозой врагов. Итак, можешь ли ты решить сейчас... или тебе нужно подумать?

Пауль не колебался:

– Я буду продолжать занятия.

– Настоящей грозой... – пробормотал герцог, и Пауль увидел на лице отца улыбку гордости. Эта улыбка поразила Пауля: узкое лицо герцога вдруг показалось ему черепом. Пауль опустил веки, чувствуя, как ужасное предназначение вновь пробуждается в глубине его сознания: может быть, ужасное предназначение и состоит в том, чтобы стать ментатом...

Но когда он сосредоточился на этой мысли, его новое зрение отвергло ее.

Именно применительно к леди Джессике и планете Арракис система насаждения легенд, распространяемых Бене Гессерит с помощью Миссионерии Протектива, раскрыла все свои возможности и достигла наибольшего успеха. Разумность политики внедрения в обитаемой вселенной системы пророчеств, служащих к охране Бене Гессерит, признавалась давно. Однако же никогда ранее не сочетались столь ut extremis⁵ личность и предшествующая миссионерская подготовка. Пророческие легенды укоренились на Арракисе, став неотъемлемой частью местных верований и ритуалов (включая представление о Преподобной Матери, ритуалы Канто и Респонду и большую часть Паноплиа Пророчества, относящихся к Шари-а). И теперь общепризнано, что скрытые способности леди Джессики долгое время очень сильно недооценивались.

(Принцесса Ирулан, «Арракинский кризис: анализ». Только для внутреннего пользования – средняя степень секретности. Номер досье по каталогам Б.Г.: AP-81088587)

Леди Джессика стояла посреди заполнивших почти весь парадный зал Арракинского дворца ящиков, коробок, чемоданов и контейнеров, частью уже распакованных. Они были сложены в углах, высились громадными горами в центре зала, и Джессика слышала, как карго-офицеры и грузчики Гильдии складывают у парадного входа очередную партию багажа Атрей-десов.

Джессика стояла в центре зала. Медленно подняв взгляд к потолку и снова обратив внимание на стены, она разглядывала полускрытые тенями резные потрескавшиеся панели, глубо-

⁵ до предела, полностью (лат.).

кие оконные ниши. Анахронизм стиля живо напомнил ей Залу Сестер в школе Бене Гессерит. Но в школе этот анахронизм создавал ощущение теплоты и уюта. Здесь же все было словно холодный камень...

Архитектор, подумала она, извлек все это из далекого прошлого: стены с мощными контрфорсами, тяжелые темные драпировки... Высокий сводчатый потолок двусветного зала поддерживали огромные балки – Джессика была уверена, что их доставили на Арракис изда- лека и наверняка за чудовищную цену. Ни на одной планете системы Канопуса не было дере- вьев, из которых можно было бы сделать такие балки, разве только это была имитация дерева.

Впрочем, дерево определенно казалось настоящим.

Это был типичный правительственный дворец времен Старой Империи. Тогда стоимость строительства роли не играла. Его построили задолго до прихода Харконненов и задолго до возведения их столицы, мегаполиса Карфаг, безвкусного и бесстыдного города километрах в двухстах к северо-востоку, по ту сторону Холмов. Лето, безусловно, поступил мудро, избрав своей столицей Арракин. Само название города производило благоприятное впечатление, от него веяло богатыми традициями. Кроме того, Арракин меньше, его легче очистить от харкон- ненских агентов и легче защищать...

Снова послышался грохот разгружаемых ящиков, и Джессика вздохнула.

Справа, совсем рядом с ней, стоял прислоненный к коробке портрет старого герцога – отца Лето. Свисающая с рамы бечевка казалась оборванным аксельбантом. Возле портрета лежала голова черного быка, укрепленная на полированной доске. Голова казалась темным островом в море мятой бумаги. Доску не поставили, а положили на пол, и блестящий бычий нос тянулся к потолку, словно под гулкими сводами зала вот-вот прозвучит рев могучего зверя, вызывающий противника на бой.

Интересно, подумалось Джессике, что заставило ее распаковать в первую очередь именно эти две вещи – голову и картину. В какой-то степени в этом был некий символ. С того самого дня, как люди герцога взяли ее из школы, она не чувствовала себя такой испуганной и неуве- ренной в себе.

Голова и картина.

Они усилили ее смятение – по спине пробежала внезапная дрожь... Джессика взглянула на узкие окна-амбразуры под потолком. Солнце только недавно перевалило за полдень, но небо в этих широтах казалось темным и холодным – намного темнее теплого голубого неба Каладана. На Джессику вдруг нахлынула тоска по дому. *Ты так далеко отсюда, Каладан!..*

– Вот и приехали! – Это был голос герцога Лето.

Джессика увидела, как он входит в зал из сводчатого коридора, ведущего в Обеденный зал. Его черный повседневный мундир с красным гербовым ястребом на груди запылился.

– Я боялся, что ты заблудишься в этом кошмарном месте, – улыбнулся он.

– Да, это очень неприветливый дом, – ответила Джессика. Его высокая фигура, его смуг- лое лицо вызвали в ней мысли об оливковых рощах и о золотом солнце, играющем в голубой воде. Серые глаза были мягкого оттенка древесного дыма, но острые, ломаные черты прида- вали лицу нечто хищное.

Она внезапно испугалась его, и страх этот сдавил ей грудь. С тех пор, как он решил- ся исполнить приказ Императора, он стал таким резким, неистовым, диким!..

– И весь город такой неприветливый, – сказала она.

– Да, грязный, пыльный гарнизонный городишко, – согласился герцог. – Но мы тут все изменим.

Он оглядел зал.

– Впрочем, это все – официальные помещения. Я только что осмотрел семейные апар- таменты в южном крыле – они куда приятнее. – Он шагнул к ней, коснулся ее руки, любясь ее величавым видом.

И в который раз спросил себя: кем были ее неизвестные предки? Может быть, они принадлежали к одному из Отступнических Домов? К опальной ветви императорского рода? Она выглядела более царственно, чем женщины императорской крови.

Под его взглядом она полуотвернулась, и теперь ее лицо было в профиль к нему. И он понял, что в Джессике не было какой-то определенной черты, делавшей ее прекрасной. Лицо – овал под шлемом бронзовых волос; широко поставленные глаза – зеленые и ясные, как утреннее небо Каладана. Нос маленький, а рот – крупный и благородный. Фигура ее была хорошей, но не яркой: высокая, со сглаженными худобой формами.

Он припомнил, что воспитанницы Школы называли ее «кожа да кости» – во всяком случае, так сообщили его агенты, посланные купить женщину своему герцогу. Но это определение оказалось слишком примитивным. Джессика вернула роду Атрейдесов королевскую красоту. Он был рад, что Пауль похож на нее.

– А где Пауль? – спросил он.

– Где-то здесь, в доме. У него урок с Юйэ.

– Ну, тогда это в южном крыле, – кивнул герцог. – Я, кажется, слышал голос Юйэ, но мне было недосуг. – Он взглянул на нее и, поколебавшись, добавил: – Собственно, я зашел сюда, только чтобы повесить в Обеденном зале ключ от замка Каладан.

Она затаила дыхание и едва сумела подавить желание взять его за руку. Повесить ключ – значило придать их вселению сюда окончательный характер. Было не время и не место расслабляться...

– Когда мы входили, я видела над домом наш флаг.

Герцог взглянул на портрет:

– Где ты собираешься его повесить?

– Здесь, наверное.

– Нет. – Это слово прозвучало категорично и окончательно, и Джессика поняла, что если она и добьется своего, то лишь хитростью. Споры же были бесполезны. Но попытаться следовало – даже если такая попытка лишь напомнила ей, что его она обманывать не может.

– Милорд, – сказала она, – если только...

– Все равно – нет. Я позорно потакаю тебе почти во всем – но не в этом. Я только что был в Обеденном зале, где...

– Милорд, я прошу...

– Приходится выбирать между твоим пищеварением и моим родовым достоинством, дорогая. Портрет будет висеть в Обеденном зале.

Она вздохнула:

– Да, милорд.

– Впрочем, ты можешь обедать в своих комнатах, как когда-то. Но на официальных приемах, пожалуйста, занимай свое место в Обеденном зале.

– Благодарю, милорд.

– И будь любезна, не держись так холодно и официально со мной! Скажи спасибо, что я на тебе не женился. Тогда сидеть со мной за одним столом было бы твоей обязанностью. Несколько раз в день.

Они кивнула, стараясь, чтобы по ее лицу нельзя было ничего прочесть.

– Хават уже смонтировал и наладил большой ядоискатель над обеденным столом, – заметил он. – Переносной установили в твоих покоях.

– Вы предвидели эти... разногласия, – утвердительно сказала она.

– Я думал и о том, чтобы тебе было удобно, дорогая. Да, еще я нанял слуг. Они местные, но Хават их проверил – все как один фримены. До тех пор, пока не освободятся наши люди, сойдет.

– Может ли хоть кто-нибудь на этой планете считаться действительно надежным и неопасным?

– Всякий, кто ненавидит Харконненов. Возможно, ты даже захочешь впоследствии оставить на службе главную домоправительницу, Шэдаут Мэйпс.

– Шэдаут, – повторила Джессика. – Это фрименский титул?

– Мне сказали, это значит «Черпающий из кладезя» – этот термин имеет здесь какие-то важные нюансы. Она может показаться тебе непохожей на прислугу, но Хават высоко ее оценил, основываясь на рапорте Дункана. Они убеждены, что она хочет служить – причем служить тебе.

– Мне?

– Фримены прознали, что ты из Бене Гессерит, – объяснил он. – Здесь о вас, о Б.Г., ходят кое-какие легенды.

«Миссионария Протектива, – подумала Джессика. – Поистине нет планеты, ускользнувшей от них».

– Означает ли это, что миссия Дункана увенчалась успехом? – спросила она. – Фримены будут нашими союзниками?

– Пока ничего определенного. Дункан считает, что они хотят сперва понаблюдать за нами. Правда, они обещали прекратить набеги на наши окраинные поселения на время перемирия. Это гораздо больший успех, чем может показаться на первый взгляд. По словам Хавата, фримены всегда были головной болью Харконненов, а размеры наносимого ими ущерба тщательнейшим образом скрывались. Харконнену меньше всего хотелось сообщать Императору, что вся его армия не в состоянии справиться с местными бродягами.

– Фрименка-домоправительница, – задумчиво проговорила Джессика. – У нее, конечно, совершенно синие глаза...

– Пусть тебя не обманывает их внешность, – сказал герцог. – В них много внутренней силы и здоровой жизненности. Я думаю, они именно то, что нам нужно.

– Это опасная игра.

– Давай не будем к этому возвращаться.

Джессика заставила себя улыбнуться.

– В любом случае мы уже вовлечены в эту игру – в этом-то по крайней мере сомнений нет.

Она быстро проделала приемы восстановления спокойствия – два глубоких вдоха, произнесенная формула – и сказала:

– Я буду распределять комнаты. У вас есть какие-нибудь особые пожелания?

– Ты должна научить меня когда-нибудь, как это делается, – заметил он. – Как ты отбрасываешь тревоги и возвращаешься к повседневным делам. Надо полагать, Бене-Гессеритские хитрости?

– Женские, – ответила она.

Он улыбнулся.

– Так вот, что касается комнат: во-первых, мне нужен большой кабинет рядом со спальней. Бумажной работы здесь будет гораздо больше, чем на Каладане. Разумеется, помещение для охраны рядом. И это, пожалуй, все. О безопасности дома не беспокойся. Суфировы парни проверили каждую щель.

– В этом я не сомневаюсь.

Он глянул на наручный хронометр.

– И проследи, чтобы все наши часы установили по арракинскому времени. Я уже велел технику заняться этим...

Он отвел прядь волос у нее со лба.

– А теперь мне надо вернуться на посадочное поле. Второй челнок, с отрядами резерва, сядет с минуты на минуту.

– Разве Хават не может их встретить, милорд? У вас такой усталый вид...

– Бедняга Суфир занят еще больше меня. Ты же знаешь, планета просто кишит харконненскими интригами. Кроме того, я должен попытаться уговорить нескольких опытных искателей Пряности не покидать Арракис. Ты знаешь – при смене правителя планеты у них есть право выбора, а этого планетолога, которого Император и Ландсраад назначили Арбитром Смены, невозможно подкупить. И он разрешил им выбирать. Около восьмисот квалифицированных меланж-машинистов и рабочих собираются вылететь на челноке с грузом Пряности, а на орбите висит корабль Гильдии...

– Милорд... – Она запнулась, не решаясь продолжать.

– Да?

«Его не отговорить от попытки сделать эту планету безопасной для нас, – думала Джессика. – И я не могу применить к нему приемы Бене Гессерит!»

– В какое время вы желаете обедать? – спросила она.

«Она не это хотела сказать, – понял он. – Ах, Джессика моя! Если б можно было оказаться подальше от этого ужасного места – вдвоем, без необходимости думать о безопасности, без всех этих забот и тревог!...»

– Поем в офицерской столовой на космодроме. – Он махнул рукой. – Вернусь поздно. И... да, я пришлю за Паулем машину с охраной. Я хочу, чтобы он присутствовал на совещании по вопросам нашей стратегии.

Он кашлянул, словно собираясь сказать что-то еще, потом, не произнеся ни слова, круто развернулся и уверенными шагами вышел в вестибюль, откуда все еще доносились звуки разгрузки. Слышно было, как он говорит в обычной надменно-командной манере (он всегда так обращался к слугам, когда спешил):

– Леди Джессика в Большом зале. Иди к ней, немедленно.

Хлопнула наружная дверь.

Джессика повернулась к портрету отца Лето. Тот был написан знаменитым Альбе в зрелые годы Старого Герцога и изображал его в костюме матадора с ярко-красным плащом на левой руке. Его лицо казалось довольно молодым – едва ли старше, чем Лето сейчас, и те же были у него ястребиные черты, те же серые пристальные глаза. Глядя на картину, она жала кулаки.

– Будь ты проклят! Проклят! Проклят! – прошептала она.

– Что прикажете, высокородная госпожа? – Голос был женский, высокий и тягучий.

Джессика резко повернулась. Перед ней стояла угловатая седая женщина в свободном бесформенном платье уныло-бурого цвета. Она была такой же морщинистой и высохшей, как и все в толпе, встречавшей их утром на космодроме. Все жители планеты, кого я видела, подумала Джессика, были на вид какие-то иссохшие и истощенные. Лето, правда, сказал, что они очень сильные и жизнестойкие. И, конечно, у всех были эти необычные глаза – темно-синие глубокие провалы без капли белизны. Загадочные, таинственные глаза. Джессика заставила себя отвести взгляд.

Женщина неуклюже поклонилась – такой кивок могло бы отвесить боевое копьё:

– Меня зовут Шэдаут Мэйпс, высокородная. Я жду ваших распоряжений.

– Можете называть меня «миледи», – сказала Джессика. – Я не высокородная. Я состою в конкубинате с герцогом Лето – я его официальная наложница.

Снова последовал тот же странный кивок, и женщина с какой-то двусмысленностью спросила:

– Значит, есть еще и жена?

– Нет и никогда не было. Я – единственная... спутница герцога и мать его наследника.

Говоря это, Джессика внутренне усмехнулась над гордыней, прозвучавшей в ее словах. Как там у блаженного Августина?.. «Разум приказывает телу, и тело подчиняется. Разум при-

казывает себе – и встречает сопротивление...» Да – и в последнее время это сопротивление растет. Придется мне потихоньку отступать...

С улицы донесся странный протяжный крик. И снова: «Су-су-суук! Су-су-суук! Икккут-эй!..» – и вновь: «Су-су-суук!..»

– Что это такое? – спросила Джессика. – Я уже слышала такой крик несколько раз, когда мы ехали по городу...

– Это всего лишь водонос, миледи. Торговец водой. Но вам не придется самой иметь дело с ними. Дворцовый резервуар рассчитан на пятьдесят тысяч литров и всегда полон... – Женщина взглянула на свое платье. – Видите, миледи, я даже могу не носить здесь дистикомб! – Она хихикнула. – И все еще жива! Живой человек без дистикомба!..

Джессика промолчала. Она колебалась, не зная, о чем можно спросить эту фрименку. Ей нужна какая-то информация, чтобы управлять женщиной... но еще важнее было навести порядок в новом доме. И ей было не по себе от мысли, что главным мерилom богатства здесь была вода.

– Мой муж говорил мне о вашем титуле – Шэдаут, – сказала Джессика. – Я знаю это слово. Оно очень древнее...

– Значит, вы знаете древние языки? – спросила Мэйпс и странно напряглась в ожидании ответа.

– Языки – первое, чему учат в школах Бене Гессерит, – ответила Джессика. – Я знаю бхотани джиб, чакобса, все охотничьи языки...

Мэйпс кивнула:

– Точно так, как сказано в легенде.

«Почему я участвую в этом мошенничестве? – спросила себя Джессика. – Но пути Бене Гессерит извилисты и запутанны, и кто восстанет против их силы?..»

– Мне ведомы Темные Знания и стезя Великой Матери, – промолвила Джессика. В поведении и внешности Мэйпс она прочла много сказавшие ей знаки, уже более очевидные. – Мисецес преяя, – провозгласила Джессика на чакобса. – Андрал т'ре перал Трада цик бусаккри мисецес перакри...

Мэйпс на шаг отступила от нее, словно готовая бежать.

– Мне многое ведомо, – продолжала Джессика. – Так, я знаю, что у тебя были дети, что ты потеряла тех, кого любила, что ты вынуждена была скрываться и бежать в страхе, что, наконец, ты совершала насилие – и готова совершать его вновь, и совершишь еще; я многое знаю!

– Я не хотела обидеть вас, миледи, – тихо сказала Мэйпс.

– Ты говоришь о легендах – и жаждешь ответов, – сказала Джессика, – но берегись этих ответов! Так, знаю я, что ты пришла сюда, приготовившись к насилию, с оружием на груди. Так?

– Госпожа моя, я...

– Возможно, тебе и удалось бы забрать кровь жизни моей, – тем же тоном сказала Джессика, – хотя шансы на это и невелики. Но, сотворив сие, ты разрушила бы больше, чем способна представить в самых страшных своих кошмарах. Есть нечто худшее, чем смерть, – ты знаешь это, – даже и для целого народа.

– Госпожа! – взмолилась Мэйпс. Казалось, она упадет сейчас перед Джессикой на колени. – Госпожа, это оружие было послано вам в дар – если будет свидетельство, что вы – это Она, Та, кого мы ждем...

– Или же как орудие убийства – если окажется, что это не так, – утвердительно сказала Джессика. Она сидела в той обманчивой внешней расслабленности, которая делала обученных Бене Гессерит столь опасными противниками в бою.

Сейчас станет ясно, что она решила.

Мэйпс медленно сунула руку за ворот своего платья и извлекла оттуда темные ножны, из которых торчала черная рукоять с глубокими вырезами для пальцев. Она взяла ножны одной

рукой, рукоять – другой, обнажила молочно-белый клинок и повернула его острием вверх. Казалось, клинок светится внутренним светом. Он был слегка изогнутым, обоюдоострым, как кинжал, сантиметров двадцати длиной.

– Знаете ли вы, что это такое, миледи? – спросила Мэйпс.

Джессика поняла, что это может быть лишь одна вещь – легендарный арракийский крис, который никогда не покидал планету и был известен лишь по самым фантастическим слухам и рассказам.

– Это крис, – сказала она.

– Не говорите об этом так просто, – сказала Мэйпс. – Известно ли вам его значение?

Похоже, вопрос с двойным дном, пронеслось в голове Джессики. Вот зачем гордая фрименка пошла ко мне в услужение: чтобы задать его. Мой ответ вызовет нападение или... что? Она хочет, чтобы я сказала о значении ножа. Она назвалась Шэдаут – на чакобса. Нож на чакобса будет «податель смерти»... *Она теряет терпение, я должна отвечать. Задержка так же опасна, как и неправильный ответ...*

– Это – Податель...

– Эйи-и-ии! – воскликнула Мэйпс. Крик одновременно горя, восторга и преклонения. Она так дрожала, что лезвие ножа бросало по комнате белые блики.

Джессика ждала, призвав на помощь все свое самообладание. Она хотела сказать, что нож – это «податель смерти», и добавить затем древнее слово на чакобса, но теперь все чувства, все ее сверхразвитое внимание к мельчайшим движениям тела – все останавливало ее.

Ключевым было слово... Податель.

Податель? Податель...

Но Мэйпс все еще держала нож так, словно готова была пустить его в ход.

– Ты полагала, – промолвила Джессика, – что я, посвященная в тайны Великой Матери, не узнаю Подателя?

Мэйпс опустила нож.

– Миледи... госпожа моя, когда так долго живешь с пророчеством, момент его исполнения становится потрясением.

Джессика подумала об этом пророчестве. Даже кости сестер Бене Гессерит, принадлежавших к Миссионарии Протектива, которые занесли сюда семена Шари-а и Паноплиа Профетикус, давно истлели, но цель их достигнута: необходимые легенды пустили корни в сознании этих людей в предвидении дня, когда они смогут послужить Бене Гессерит.

И вот этот день настал.

Мэйпс вернула крис в ножны и тихо сказала:

– Госпожа, это нефиксированный клинок. Храни его всегда возле себя. Неделя вдали от тела – и он начнет разлагаться. Он твой, этот зуб Шаи-Хулуда, твой... до твоей смерти.

Джессика протянула руку и рискнула пойти ва-банк:

– Мэйпс, ты убрала в ножны клинок, не вкусивший крови!

Вздрогнув, Мэйпс уронила клинок в руку Джессики и, рывком распахнув на груди свое бурое одеяние, воскликнула:

– Возьми воду моей жизни!

Джессика вытянула клинок из ножен. Как он сверкает!.. Она повернула его острием к Мэйпс и увидела, что той овладел страх больший, чем страх смерти.

«Острие отравлено?» – подумала Джессика. Она подняла нож, провела им над левой грудью Мэйпс небольшую царапинку. Порез сразу и обильно набух кровью, но красная струйка остановилась почти сразу.

«Сверхбыстрая коагуляция, – отметила Джессика. – Видимо, влагосберегающая мутация...»

Она вложила клинок в ножны, приказала:

– Застегнись, Мэйпс.

Мэйпс подчинилась, дрожа. Ее лишённые белого цвета – сплошь синева – глаза не мигая смотрели на Джессику.

– Ты – наша, – бормотала она, – ты – Она...

Со стороны вестибюля снова донесся грохот разгружаемых ящиков. Мэйпс быстро подхватила вложенный в ножны крис и спрятала его в одеянии Джессики.

– Кто увидит этот нож, тот должен быть очищен или убит! – прошептала она. – Ты знаешь это, госпожа!

Теперь знаю, – подумала Джессика.

Грузчики и их начальники ушли, не заглянув в большой зал.

Мэйпс овладела наконец собой и сказала:

– Тот, кто увидел крис и не был очищен, не должен живым покинуть Арракис. Никогда не забывай этого, госпожа. – Мэйпс глубоко вздохнула. – Теперь же дело должно идти своим путем. Ускорить события невозможно... – Она взглянула на штабеля ящиков и груды вещей вокруг. – Пока у нас найдется довольно работы и здесь.

Джессика колебалась. Дело должно идти своим путем? Но это же специфическое выражение из ритуальных формул Миссионарии Протектива, и означает оно «Приход Преподобной Матери, которая освободит вас».

«Но я же не Преподобная Мать! – Но тут Джессику поразило то, что вытекало из фразы Мэйпс. – Преподобная Мать! Они привили здесь эту легенду! Значит, Арракис – в самом деле страшное место!...»

А Мэйпс как ни в чем не бывало спросила:

– С чего прикажете начать, миледи?

Джессика инстинктивно поняла, что должна ответить так же спокойно, словно между ними не произошло ничего:

– Вот этот портрет Старого Герцога надо повесить в Обеденном зале. А голова быка должна быть повешена на противоположной от него стене.

Мэйпс подошла к бычьей голове.

– Какой же, должно быть, это был большой зверь – при такой-то голове, – сказала она и наклонилась поближе. – Только, наверное, сначала мне придется почистить ее, миледи.

– Не надо.

– Но тут на рогах грязь, прямо комками.

– Это не грязь, Мэйпс. Это кровь отца нашего герцога. Рога покрыты прозрачным фиксатором через несколько часов после того, как этот зверь убил Старого Герцога.

Мэйпс выпрямилась.

– Ах, вот как...

– Это просто кровь, – пояснила Джессика. – Да еще и старая кровь. Возьми кого-нибудь себе в помощь: эти ужасные вещи довольно тяжелы.

– Вы полагаете, кровь может меня беспокоить? – еле заметно усмехнулась Мэйпс. – Я из Пустыни, и крови видела предостаточно.

– Да... могу поверить, – пробормотала Джессика.

– Притом часть этой крови была моей собственной, – продолжила Мэйпс. – И ее было куда больше, чем выпустили вы из этой маленькой царапинки!

– Ты бы хотела, чтобы я резанула поглубже?

– Ах, нет! К чему расточать зря воду тела? Всё вы сделали правильно.

И Джессика, уловив ее интонацию, отметила глубокое значение слов «вода тела». Снова огромное значение воды на Арракисе вызвало в ней чувство подавленности.

– На какие именно стены повесить каждое из этих украшений, миледи? – спросила Мэйпс.

Какая она педантичная, эта Мэйпс, подумала Джессика и махнула рукой:

– На твоё усмотрение, Мэйпс. Особого значения это не имеет.

– Как скажете, миледи. – Мэйпс нагнулась и принялась снимать с бычьей головы остатки обертки и бечевку. – Убил, значит, старого-то герцога, малыш? – почти пропела она, обращаясь к голове.

– Позвать тебе на помощь грузчика? – спросила Джессика.

– Я справлюсь сама, миледи.

Да, она справится. Этого у нее не отнимешь: *стремление справиться с чем угодно...*

Крис в ножнах охлаждал кожу на груди, и Джессика представила себе длинную цепь планов Бене Гессерит, выковавшей здесь еще одно звено. Благодаря этим планам ей удалось пережить сейчас смертельный кризис. «Ускорить события нельзя», – сказала Мэйпс. Но уже сама поспешность, с какой они устремились в это место, наполняла Джессику дурными предчувствиями. И ни подготовка Миссионарии Протектива, ни дотошная проверка, которой Хават подверг это логово, не могли рассеять эти предчувствия.

– Когда повесишь их, начинай распаковывать ящики, – сказала Джессика. – У одного из грузчиков в вестибюле есть все ключи, и он знает, куда что нести. Возьми у него ключи и опись вещей. Если будут какие-нибудь вопросы – я в южном крыле.

– Слушаюсь, миледи.

Джессика повернулась к выходу, но тревога не покидала ее: хотя Хават считал дом безопасным, что-то здесь было не так, она чувствовала это.

Вдруг она поняла, что ей необходимо увидеть сына – прямо сейчас. Она направилась к арочному проему коридора, соединявшего Большой зал с Обеденным и с жилыми покоями. Она шла все быстрее и быстрее и наконец – почти побежала.

За ее спиной Мэйпс, оторвавшись от очистки бычьей головы от клочков упаковки, взглянула хозяйке вслед и пробормотала:

– Она действительно Та. Бедняжка.

«Юйэ! Юйэ! Юйэ! – звучит рефрен. – Миллиона смертей мало для Юйэ!»

(Принцесса Ирулан, «История Муад’Диб для детей»)

Дверь была приоткрыта, и Джессика вошла в комнату с желтыми стенами. Слева стоял небольшой диван черной кожи и два пустых книжных шкафа, висела пыльная фляга с водой. Справа, по обе стороны второй двери, – еще два пустых шкафа и привезенный с Каладана стол с тремя креслами. А напротив, у окна, спиной к ней стоял доктор Юйэ и не отрываясь смотрел на что-то снаружи.

Джессика тихо сделала еще один шаг.

Она заметила, что одежда Юйэ измята, на локте – меловое пятно, словно он где-то прислонился к штукатурке. Со спины он выглядел бестелесной тонкой фигуркой в карикатурно больших черных одеждах. Казалось, это – составленная из палочек марионетка, которую в любой момент может потянуть за ниточки невидимый кукловод. Живой выглядела лишь массивная квадратная голова с длинными черными волосами, схваченными над самым плечом серебряным кольцом Суккской Школы, – голова еле заметно поворачивалась, следуя за каким-то движением на улице.

Она снова оглядела комнату. Никаких следов присутствия сына, но дверь справа вела в маленькую спальню, облюбованную Паулем.

– Добрый день, доктор Юйэ, – кивнула ему Джессика. – А где Пауль?

Он качнул головой так, словно обращался к кому-то за окном, и, не оборачиваясь, отсутствующе произнес:

– Ваш сын устал, Джессика. Я отослал его в ту комнату, чтобы он отдохнул...

Вдруг он замер и резко обернулся – длинные усы при этом шлепнули его по губам.

– Простите, миледи! Мысли мои были далеко... я... как я мог позволить себе фамильярность!..

Она улыбнулась, успокаивающе протянув к нему правую руку, причем на мгновение испугалась, что доктор упадет перед ней на колени.

– Веллингтон, прошу вас...

– Но обращаться к вам подобным образом... я...

– Мы знаем друг друга уже больше шести лет, – сказала Джессика. – Достаточно долгий срок, чтобы отбросить чрезмерные формальности между нами – по крайней мере в неофициальной обстановке.

Юйэ отважился на слабую улыбку.

«Кажется, это сработало, – подумал он. – Теперь она отнесет все замеченные ею странности в моем поведении на счет смущения. И, зная ответ, не станет доискиваться иных причин».

– Боюсь, я слишком рассеян, – сказал он. – Всякий раз, когда я ощущаю сочувствие к вам, я думаю о вас, простите... как просто о... Джессике.

– Сочувствие ко мне? Почему?

Юйэ пожал плечами. Он уже давно понял, что Джессика не наделена даром Правдовидения в той же мере, как его Уанна. Тем не менее он всегда, когда это было возможно, старался говорить ей правду. Так было безопаснее всего.

– Вы уже видели это место, ми... Джессика. – Он споткнулся на имени, но затем продолжил: – Такое пустынное, голое после Каладана. А люди здесь! Эти горожанки, мимо которых мы проезжали, – как они кричали под своими покрывалами! Как смотрели на нас!..

Она сложила руки на груди, обхватила себя за плечи и ощутила крик – клинок, выточенный, если верить рассказам, из зуба песчаного червя.

– Просто мы кажемся им странными – иные люди, иные обычаи. Они же знали только Харконненов. – Джессика взглянула поверх его плеча в окно. – На что вы смотрели?

Он повернулся к окну:

– На людей.

Джессика встала рядом, посмотрела туда, куда глядел Юйэ, на участок перед домом. Там росли в ряд два десятка пальм. Земля между ними была голая, чисто выметенная. Силовое поле отгораживало их от улицы, по которой двигались люди в широких одеждах. Джессика заметила в воздухе между нею и этими людьми слабое мерцание поля, окружавшего дом, и все вглядывалась в толпу, пытаясь понять, что же в ней могло так захватить внимание Юйэ.

Наконец она заметила – и прижала ладонь к щеке. Как эти люди смотрели на пальмы! Она увидела зависть, какую-то ненависть... и даже надежду. Все они смотрели на пальмы с одним и тем же выражением лица.

– Знаете, о чем они думают? – спросил Юйэ.

– А вы умеете читать мысли?

– *Эти* мысли... Их не надо читать. Они глядят на пальмы и думают: «Это сто человек». Вот что они думают.

Джессика недоумевающе подняла брови:

– Почему?

– Это финиковые пальмы, – объяснил он. – Одной финиковой пальме требуется сорок литров воды в день. Человеку – *здесь* – достаточно восьми. Таким образом, каждая пальма соответствует жизням пяти людей. Здесь двадцать пальм – то есть сотня людей.

– Но кое-кто из них смотрит на пальмы с надеждой.

– Они надеются всего лишь на то, что упадет несколько фиников. Только теперь не сезон.

– Мы слишком несправедливы к этой планете, – сказала Джессика. – Здесь, конечно, есть опасность, но есть и надежда. Пряность в самом деле может обогатить нас. А имея достаточно богатую казну, мы сможем превратить этот мир во что пожелаем...

И она мысленно засмеялась над собой: «Кого я пытаюсь убедить?» Смех вырвался наружу и прозвучал ломко, безрадостно.

– Но безопасность не купишь, – добавила она.

Юйэ отвернулся, чтобы она не видела его лицо. «Если бы я только смог ненавидеть, а не любить этих людей!» – подумал он. Джессика во многом напоминала его Уанну. Но сама эта мысль несла с собой суровое напоминание, укрепляя его на тяжком пути к цели. Кто может знать все пути харконненской жестокости? Уанна могла быть еще жива. Он должен удостовериться сам.

– Не тревожьтесь за нас, Веллингтон, – мягко сказала Джессика. – Это наша проблема, не ваша.

«Она думает, что я тревожусь о ней! – Он смигнул слезу. – И она, конечно, права. Но я должен предстать перед этим черным бароном, исполнив порученное мне дело, и использовать единственный мой шанс, чтобы нанести удар тогда, когда он будет менее всего готов к этому, когда он будет слабее всего, – в момент его торжества!»

Юйэ вздохнул.

– Я не побеспокою Пауля, если взгляну на него? – спросила Джессика.

– Нисколько. Я дал ему успокаивающее.

– Хорошо ли он переносит перемены?

– Да, если не считать небольшого переутомления. Он возбужден, но кто в его возрасте не был бы возбужден в подобных обстоятельствах?.. – Юйэ подошел к двери, открыл ее. – Он здесь.

Джессика последовала за ним, взгляделась в полутьму.

Пауль лежал на узкой кровати, держа одну руку под легким покрывалом, а другую закинув за голову. Жалюзи на окне рядом с кроватью сплели узор теней на лице и покрывале.

Джессика всматривалась в лицо сына, овал которого так походил на ее собственный. Но волосы были отцовские – жесткие, черные, взъерошенные. Длинные ресницы скрывали светло-серые глаза. Джессика улыбнулась, чувствуя, как отступают страхи. Ее почему-то не отпускала мысль о наследственных признаках в чертах сына – ее глаза и абрис, но сквозь них, словно вырастающая из детства зрелость, проступали резкие черты отца.

Она подумала, что облик мальчика – изысканный дистиллят множества случайных сочетаний, бесконечной череды наугад тасуемых образов, соединенных в единую цепь. Ей захотелось встать на колени возле кровати и обнять сына, но сдерживало присутствие Юйэ. Она отступила назад и тихо закрыла дверь.

Юйэ отошел к окну, не в силах смотреть, как Джессика любит сына. «Почему Уанна не подарила мне детей? – в который раз с тоской спросил он себя. – Я как врач знаю, что физических препятствий к тому не было. Связано ли это с Бене Гессерит? Возможно, ей велели хранить себя для какой-то иной цели? Но какой? Она, несомненно, любила меня...»

Впервые ему пришло в голову, что он сам мог быть частью замысла, куда более сложного и запутанного, чем он мог бы представить.

Джессика встала подле него, задумчиво сказала:

– Какая восхитительная безмятежность у сна ребенка...

Он механически ответил:

– Если бы только взрослые умели так расслабляться.

– Да.

– Где потеряли мы это?.. – пробормотал он.

Она взглянула на него, уловив что-то странное в его интонации, но мысли ее по-прежнему были прикованы к Паулю: она думала о новой суровости, которая должна прибавиться здесь к его обучению, о том, как изменится теперь его жизнь – и как сильно будет отличаться от той жизни, которую они планировали для него...

– Да, мы действительно потеряли что-то, – проговорила она.

Она взглянула направо, на склон, поросший дрожащими на ветру серо-зелеными кустами с пыльными листьями и ветвями, похожими на когтистые лапы. Мрачно-темное небо нависало над самым склоном, как огромная клякса. Молочно-белый свет арракийского солнца придавал пейзажу серебристый оттенок – свет этот напоминал блеск криса, спрятанного сейчас у нее на груди.

– Какое темное небо, – сказала она.

– Отчасти это объясняется очень низкой влажностью, – пояснил Юйэ.

– Вода! – раздраженно сказала Джессика. – Куда ни посмотри, все здесь напоминает о недостатке воды!

– Это и есть тайна Арракиса, – отозвался он.

– То, почему тут так мало воды?.. Почвы сложены из вулканических пород. Можно назвать дюжину различных причин. Есть лед в полярных шапках. В Пустыне, насколько мне известно, бурить нельзя – бури и песчаные приливы уничтожат оборудование прежде, чем оно будет установлено и запущено, если, конечно, черви не доберутся до него еще раньше. И ни разу им не попадались признаки воды... Но тайна – настоящая тайна, Веллингтон! – это колодцы, пробуренные во впадинах и чашах. Вы читали о них?

– Да. Сначала – тоненькая струйка, потом – ничего, – ответил он.

– Но, Веллингтон, в этом-то и есть тайна! Вода была там! Потом она иссякала, и больше ее никогда не было. Но затем рядом бурят новую скважину, и происходит то же самое: сначала – струйка, потом – ничего. Неужели никто не заинтересовался этим?

– В самом деле, странно, – согласился Юйэ. – Вы подозреваете участие биологического фактора? Но разве он не проявился бы в пробах грунта?

– Проявился бы? Как? Инородное растительное... или животное вещество? Кто распознал бы его? – Она снова повернулась к обрыву. – Вода не останавливается – *что-то* останавливает ее. Так мне кажется...

– Возможно, – кивнул Юйэ. – Харконнены закрыли множество источников информации об Арракисе. Быть может, у них были на то причины.

– Какие? – спросила она. – И вот еще что: атмосферная влага. Да, ее немного, но она есть. Она дает большую часть добываемой воды, которую собирают ветровыми ловушками и осадителями. Откуда эта влага в атмосфере?

– Полярные шапки, возможно?..

– Холодный воздух не примет много влаги. За харконненской завесой здесь скрыто многое, требующее тщательного расследования, и не все из этого напрямую связано с Пряностью.

– Мы действительно опутаны харконненской завесой, – проговорил Юйэ. – Возможно, мы даже... – Он оборвал себя, заметив напряжение, возникшее в ее взгляде, обращенном на него. – Что-нибудь не так?

– То, как вы сказали «харконненской»... – ответила она. – Даже герцог не произносит это имя с такой ненавистью. Я не знала, что у вас есть личные причины так ненавидеть их, Веллингтон.

«Великая Мать! – пронеслось у него в сознании. – Я таки вызвал ее подозрения! Теперь мне пригодятся все уловки, каким меня учила моя Уанна. Остается единственный путь – сказать ей правду, насколько это возможно...»

– Вы не знаете, что моя жена, моя Уанна... – Он свел плечи, не в силах продолжать из-за комка в горле. Наконец сумел выдавить: – Они... – Нет, он не мог говорить. Его охватила

паника, он зажмурил глаза, испытывая боль в груди и почти ничего больше не чувствуя и не видя, пока его плеча не коснулась рука.

– Простите меня, – сказала Джессика. – Я не хотела тревожить старую рану...

«Эти скоты!» – подумала она. – Его жена была Бене Гессерит, по нему это отчетливо видно. И очевидно, что Харконнены убили ее. Вот еще одна несчастная жертва, привязанная к Атрей-десам в шереме ненависти...»

– Простите, – сказал Юйэ, – я не могу говорить об этом. – Он открыл глаза, разрешая печали охватить себя. Печаль по крайней мере была подлинной.

– Веллингтон, мне, право, жаль – простите, что мы привезли вас в это ужасное место, – сказала она.

– Я приехал сюда по доброй воле, – отозвался он. И это тоже была правда.

– Но вся эта планета – харконненская ловушка. Вы же должны это понимать.

– Нужно нечто большее, чем простая ловушка, чтобы поймать герцога Лето. – И это тоже было правдой...

– Наверное, мне следовало бы быть более уверенной в нем, – вздохнула Джессика. – Он прекрасный тактик.

– Мы вырваны с корнем из нашей почвы, – проговорил он. – Вот почему нам так тяжело.

– А как легко убить вырванное с корнем растение, – сказала Джессика. – Особенно когда оно пересажено на враждебную почву.

– Вы уверены, что почва враждебна нам?

– Когда здесь узнали, сколько людей добавляет герцог к местному населению, вспыхнули водяные бунты, – сказала она. – И они прекратились, только когда люди узнали, что мы устанавливаем новые ветровые ловушки и конденсаторы, чтобы покрыть расход воды на содержание наших людей.

– Но здесь воды достаточно для поддержания жизни лишь определенного количества людей, – возразил он. – И люди знают, что, когда на планете с ее ограниченными запасами воды появляются лишние рты, цены на воду растут и самые бедные вымирают. Но герцог решил эту проблему. Поэтому из водяных бунтов отнюдь не следует, что люди все время будут настроены к нему враждебно.

– А охрана, – сказала она, – повсюду охрана. И силовые поля. Куда ни взглянешь, повсюду мерцают силовые щиты. На Каладане мы жили не так...

– Погодите немного – дайте этой планете шанс, – сказал он.

Джессика продолжала смотреть в окно.

– Я чувствую здесь запах смерти, – наконец проговорила она. – Хават прислал сюда батальон своих агентов задолго до квартирьеров. Стражники снаружи – его люди. Грузчики – его люди. Из казны безо всяких объяснений изымаются громадные суммы. Их размеры могут означать только одно: взятки на самом высшем уровне. – Она покачала головой. – Куда бы ни пришел Суфир Хават, следом появляются обман и смерть...

– Вы возводите напраслину на беднягу.

– Напраслину? Я же его хвалю. Смерть и обман – это все, на что мы еще можем надеяться. Просто я не заблуждаюсь относительно методов Суфира.

– Вам стоило бы... отвлечься каким-нибудь делом, – покачал головой Юйэ. – Не оставляйте себе времени для таких тягостных...

– Дело! А я что делаю почти все время, Веллингтон? Я – секретарь герцога, и это такое дело, что каждый день я узнаю о все новых опасностях... даже он сам не подозревает, что я знаю о них. – Она сжала губы и, помолчав, добавила: – Иногда я спрашиваю себя, какую роль в том, что он выбрал меня, сыграла моя подготовка как Бене Гессерит.

– Что вы имеете в виду? – Он поразился ее циничному тону, горечи, которую она никогда не выказывала раньше.

– Не думаете ли вы, Веллингтон, – промолвила Джессика, – что куда безопаснее иметь секретаршу, привязанную любовью к своему патрону?..

– Вряд ли это достойная мысль, Джессика.

Упрек вырвался у него сам собой и потому прозвучал очень естественно. Невозможно было усомниться в том, как относится герцог к своей наложнице. Достаточно увидеть, как он взглядом следует за ней...

Она вздохнула:

– Вы правы. Это в самом деле недостойно.

Она стояла, обхватив себя за плечи и прижав к телу крис в ножнах, думая о том незавершенном деле, символом которого он был.

– Скоро здесь прольется кровь. Много крови, – сказала она. – Харконнены не успокоятся, пока не погибнут сами или не уничтожат герцога. Барон не может забыть, что Лето – кузэн Императора, пусть и отдаленный, – а титул Харконненов куплен на миллиарды КООАМ. Но главное – это яд, отравляющий глубины его сознания: память о том, что когда-то, после Корринской битвы, Атрейdes изгнал Харконнена за трусость.

– Старинная вражда, – пробормотал Юйэ. На мгновение он ощутил разъедающее прикосновение ненависти. Старинная вражда поймала его в свои сети, убила его Уанну или – что еще хуже – оставила ее в руках харконненских мучителей, и пытки будут продолжаться, пока ее муж не заплатит запрошенную палачами цену. Старинная вражда поймала его, и эти люди – часть этого отвратительного дела. Какая злая ирония в том, что такая смертоносная мерзость расцвела именно здесь, на Арракисе, единственном во Вселенной источнике меланжи, продлевающей жизнь и дарующей здоровье!..

– О чем вы думаете? – спросила она.

– Я думаю о том, что сейчас декаграмм Пряности стоит шестьсот двадцать тысяч соляриев – и это не на черном рынке, а вполне официально. На такие деньги можно купить многое.

– Жадность коснулась даже вас, Веллингтон?

– Это не жадность.

– А что?

Он пожал плечами:

– Тщетность.

Взглянув на Джессику, он после небольшой паузы спросил:

– Вы помните, какой был вкус у Пряности, когда вы попробовали ее в первый раз?

– Она напоминала корицу.

– Но вкус ни разу не повторялся, – заметил Юйэ. – Она как жизнь – каждый раз предстает в новом обличье. Некоторые полагают, что меланжа вызывает так называемую реакцию ассоциированного вкуса. Иначе говоря, организм воспринимает ее как полезное вещество и, соответственно, интерпретирует ее вкус как приятный, – это эйфорическое восприятие. И, подобно жизни, Пряность никогда не удастся синтезировать, создать ее точный искусственный аналог...

– Я думаю, что нам, возможно, было бы мудрее стать отступниками, уйдя за пределы досягаемости Империи, – сказала Джессика.

Он понял, что она его не слушала, и подумал: в самом деле, почему она не склонила герцога к этому? Она могла бы заставить его сделать практически все, что угодно...

Он быстро проговорил – быстро, потому что менял предмет разговора и проблем с правдой не должно было возникнуть:

– Не считайте за дерзость... Джессика. Можно задать вам личный вопрос?

Она оперлась о подоконник, почувствовав необъяснимый укол беспокойства.

– Ну разумеется. Вы же... мой друг.

– Почему вы не заставили герцога жениться на вас?

Она резко обернулась, вскинула голову, пристально взглянула ему в глаза.

– Не заставила его жениться на мне? Но...

– Мне не следовало задавать этот вопрос, – сказал он.

– Нет, почему же? – Она пожала плечами. – На то есть достаточно веская политическая причина – до тех пор, пока мой герцог остается неженатым, у некоторых Великих Домов сохраняется надежда на породнение с ним. И... – она вздохнула, – и, кроме того, принуждение людей, подчинение их своей воле приводит к циничному отношению к человечеству в целом. А такое отношение разлагает все, чего касается. Если бы я склонила его к этому... это было бы не его поступком.

– Эти слова могла бы сказать и моя Уанна, – пробормотал он. И это тоже было правдой. Он приложил руку ко рту, судорожно слотнул. Никогда он не был так близок к признанию, к разоблачению своей тайной роли.

Джессика заговорила снова, разрушив мгновение, когда признание готово было сорваться:

– И кроме того, Веллингтон, в герцoge словно бы два человека. Одного из них я очень люблю. Он обаятельный, остроумный, заботливый... нежный – словом, в нем есть все, чего только может пожелать женщина. Но другой человек... холодный, черствый, требовательный и эгоистичный – суровый и жесткий, даже жестокий, как зимний ветер. Это – человек, сформированный его отцом. – Ее лицо исказилось. – Если бы только этот старик умер, когда родился Лето!..

В наступившем молчании слышно было, как шевелит занавески струя воздуха от вентилятора.

Наконец она глубоко вздохнула и сказала:

– Лето прав – здесь комнаты уютнее, чем в других частях дома. – Она повернулась, окидывая комнату взглядом. – А теперь извините меня, Веллингтон. Я хотела бы еще раз обойти это крыло перед тем, как распределять помещения.

Он кивнул:

– Разумеется.

И подумал: «Если бы был хоть какой-нибудь способ избежать того, что я должен сделать!»

Джессика опустила руки, пересекла комнату и на мгновение остановилась в нерешительности на пороге, – а потом все-таки вышла, ничего не спросив.

«В течение всего разговора он что-то скрывал, что-то утаивал, – думала она. – Несомненно, он боится расстроить меня. Он славный человек. – И снова заколебалась, почти уже повернула обратно, чтобы вызнаться, что же скрывает Юйэ. – Но это только пристыдило и испугало бы его – да, он испугался бы, что я так легко читаю в его душе. Мне следует больше доверять своим друзьям».

Многие отмечали быстроту, с которой Муад'Диб усвоил уроки Арракиса и познал его неизбежности. Мы, Бене Гессерит, разумеется, знаем, в чем основы этой быстроты. Другим же можем сказать, что Муад'Диб быстро учился потому, что прежде всего его научили тому, как надо учиться. Но самым первым уроком стало усвоение веры в то, что он может учиться, и это – основа всего. Просто поразительно, как много людей не верят в то, что могут учиться и научиться, и насколько больше людей считают, что учиться очень трудно. Муад'Диб же знал, что каждый опыт несет свой урок.

(Принцесса Ирулан, «Человечность Муад'Диб»))

Пауль лежал в постели и притворялся спящим. Спрятать в руке таблетку доктора Юйэ, сделав вид, что глотаешь ее, было проще простого. Пауль подавил смех: даже мать поверила, что он спит! Он хотел было вскочить и попросить у нее разрешения осмотреть дом, но понял,

что она этого не одобрила бы. Слишком все сумбурно, слишком еще неулаженно. Нет. Лучше притвориться...

«Если я тихонько уйду без спроса, то о непослушании речи нет: ведь и запрета не было. Кроме того, я же никуда не выйду из дома, а в доме безопасно».

Он слышал, как мать в соседней комнате беседует с Юйэ. Слова доносились невнятно – что-то о Пряности... о Харконненах... Голоса раздавались то громче, то тише и наконец смолкли.

Пауль принялся разглядывать резное изголовье кровати – на самом деле это был замаскированный пульт управления оборудованием комнаты. Резьба изображала рыбу, застывшую в прыжке над крутыми завитками волн. Он уже знал, что если нажать на ее глаз – единственный видимый глаз рыбы, – то загорятся плавающие лампы. Одну из волн можно было поворачивать, регулируя вентиляцию. Другая управляла температурой.

Пауль беззвучно сел в постели. Слева от кровати у стены стоял высокий книжный шкаф. Его можно было отодвинуть от стены, открыть потайной кабинет с боковыми ящиками. Ручка двери в холл была выполнена в виде штурвала орнитоптера.

Комната выглядела так, словно была специально предназначена соблазнить и завлечь его. Комната и вся планета.

Он подумал о книгофильме, который показал ему Юйэ: «Арракис. Его Императорского Величества Ботаническая Испытательная станция». Старый книгофильм, сделанный еще до открытия Пряности. Названия проносились в сознании Пауля, каждое – с изображением, запечатленным в памяти мнемонической пульсацией: сагуаро⁶, ослиный куст, финиковая пальма, песчаная вербена, вечерняя примула, бочоночный кактус, фимиамовый куст, дымное дерево, креозотовый кустарник... лисица-фенек, пустынный ястреб, кенгуровая мышь или арракисский тушканчик...

Названия и изображения, многие из которых пришли из далекого земного прошлого человечества, но и множество таких, каких не найти во всей Вселенной, только здесь, на планете Арракис.

Так много нового, о чем надо узнать поподробнее! Например, Пряность.

И песчаные черви.

В соседней комнате закрылась дверь. Это ушла мать – Пауль слышал ее легкие шаги через холл. Доктор Юйэ, конечно, найдет себе что-нибудь почитать и останется в комнате.

Самое время отправиться на разведку.

Пауль соскользнул с кровати и направился к хитроумному книжному шкафу с тайником. Услышав за спиной какой-то звук, он обернулся. Резное изголовье отошло вниз точно у того места, где он только что лежал. Пауль замер, и неподвижность спасла ему жизнь.

Из-за отошедшей панели выскользнул крохотный охотник-искатель, машинка не более пяти сантиметров длиной. Пауль сразу узнал ее – распространенное оружие асасинов, с раннего детства хорошо знакомое любому ребенку из Правящих Домов. Металлическая игла управлялась скрывавшимся где-то поблизости убийцей. Она отыскивала живое движущееся тело, вонзалась в него и, прорезая себе путь вдоль нервных путей, добиралась до ближайшего жизненно важного органа...

Искатель приподнялся и, зависнув в воздухе, хищно поворачивался вправо-влево, словно вынюхивая добычу.

В памяти Пауля всплыли характеристики охотника-искателя, в том числе и недостатки этого устройства: сжатое силовое поле подвески сильно искажало изображение в миниатюрном телеглазе искателя. Значит, в полутьме спальни оператор не сможет разглядеть свою жертву и будет вынужден ориентироваться на движение – на любое движение, надеясь, что цель выдаст

⁶ саговый драконий корень (исп., вымысл.).

себя. Щит-пояс лежит на кровати... Луч лазера мог бы сбить такую машинку, но лучеметы были слишком дороги и чудовищно капризны; кроме того, лазерный луч, соприкоснувшись с силовым полем, мог вызвать взрыв. Поэтому Атрейдесы предпочитали полагаться на личные щиты и свои ум и ловкость.

Сейчас Пауль заставил себя замереть в почти мертвой неподвижности – он понимал, что может полагаться только на себя. На ум и ловкость.

Охотник-искатель поднялся еще на полметра и, словно струясь в полосках слабого света, пробивавшегося сквозь жалюзи, поисковым зигзагом пошел от стены к стене через комнату, деля ее на уменьшающиеся квадраты.

«Надо попытаться схватить эту штуку, – решил Пауль. – Из-за поля подвески она снизу как будто скользкая – так что надо хватать ее покрепче».

Машинка опустилась полуметром ниже, повернула влево, покружила над кроватью. Слышно было ее слабое гудение.

Интересно, кто им управляет? Он ведь должен быть совсем рядом. Можно было бы позвать доктора Юйэ, но эта штука убьет его, едва он откроет дверь...

Дверь в холл за спиной Пауля скрипнула, кто-то постучал и открыл ее.

Охотник-искатель метнулся мимо Пауля – на движение.

Правая рука юноши взметнулась и схватила смертоносную игрушку. Та гудела, дергалась и изгибалась, но он изо всех сил сжимал кулак. Затем Пауль с размаху ударил штуковину клювом о металлическую дверную панель. Носовой телеглаз с хрустом разбился, и искатель бесильно замер в его руке.

Но Пауль не выпускал его – на всякий случай.

Пауль поднял взгляд и встретился с широко открытыми, сплошь синими глазами Шэдаут Мэйпс.

– Ваш отец послал за вами, – сказала она. – В холле вас ждет охрана.

Пауль кивнул, удивленно разглядывая незнакомую женщину в мешковатом буром платье. Та же смотрела теперь на предмет в его руке.

– Я слышала о таких штуках, – сказала она. – Она бы меня убила, да?

Ему пришлось глотнуть, прежде чем он смог говорить:

– Ее... целью был я.

– Но она летела в меня.

– Потому что вы двигались. (*Любопытно, кто она такая?*)

– Значит, вы спасли мне жизнь.

– Я спас нас обоих.

– Вы могли бы спастись и если бы позволили ей убить меня.

– Кто вы? – спросил он.

– Шэдаут Мэйпс, домоправительница.

– Как вы узнали, где меня искать?

– Ваша мать мне сказала. Я встретила ее на лестнице, ведущей в колдовскую комнату, – это тут рядом по коридору. – Она махнула рукой куда-то направо. – Там ждут люди вашего отца.

«Люди Хавата, – подумал Пауль. – Надо найти оператора этой штуки».

– Пойдите к ним, – распорядился он. – Скажите им, что я поймал в доме охотник-искатель и что они должны обыскать дом и найти оператора. Пусть немедленно блокируют все выходы из дома и ближайшие подходы. Они знают, что делать. Оператор наверняка не из наших людей.

И тут же подумал: «Может быть, это она?»

Но он знал, что нет. Когда женщина вошла, искателем кто-то еще управлял.

– Прежде чем выполнить вашу просьбу... человек, – проговорила она, – я хочу, чтобы между мною и... тобой все было ясно. Вы возложили на меня Долг воды, хотя я и не уверена, что хотела бы нести такое бремя. Но мы, фримены, платим свои долги – и белые, и черные долги. И нам известно, что среди ваших людей есть предатель. Кто он, мы не знаем, но в том, что предатель есть, – уверены. Может быть, это его рука направляла этот летающий нож...

Пауль воспринял все это в молчании. Предатель. И прежде чем он успел сказать что-нибудь, странная женщина повернулась и почти выбежала из комнаты.

Он хотел было вернуть ее, но понял, что она оскорбилась бы – было в ее манерах что-то такое... Она сказала ему все, что знала, и пошла выполнять его просьбу. Сейчас дом наводнят люди Хавата.

Мысль его переключилась на другие странности этой странной беседы. *Колдовская комната*. Он посмотрел туда, куда показывала Мэйпс. *Мы, фримены...* Значит, это была фрименка. Он на мгновение отвлекся от размышлений, чтобы с помощью мнемонического приема запомнить лицо: сморщенное, как чернослив, темно-коричневое обветренное лицо; глаза – синее на синем. К этому образу он прикрепил бирку: Шэдаут Мэйпс.

Все еще сжимая в руке разбитый охотник-искатель, Пауль вернулся в свою комнату, левой рукой поднял с кровати щит, надел его и выбежал в коридор, налево, на бегу застегивая пряжку.

Она сказала, что мать где-то здесь... тут должна быть лестница в колдовскую комнату.

Что поддерживало леди Джессика во времена испытаний? Задумайтесь над притчей Бене Гессерит, и тогда вы, возможно, поймете: «Любая дорога, пройденная до конца, приводит в никуда. Чтобы убедиться, что гора – это гора, незачем взбираться высоко. Хватит и небольшого подъема, ибо с вершины гора не видна».

(Принцесса Ирулан, «Муад’Диб. Семейные комментарии»)

В конце южного крыла Джессика обнаружила металлическую винтовую лестницу, поднимающуюся к овальной двери. Оглянувшись на коридор, она опять повернулась к двери. Странно: овал – необычная форма для двери в доме.

В окнах под лестницей Джессика видела огромное белое солнце Арракиса, катящееся к вечеру. Длинные тени пронзили коридор. Она внимательно оглядела лестницу: в ярком боковом свете были отчетливо видны комочки высохшей земли, приставшие к металлическим ступеням.

Джессика положила руку на перила и двинулась вверх. Перила холодили ладонь. Поднявшись, она увидела, что у двери нет ручки – на ее месте было только небольшое углубление.

Вряд ли это дакти-замок, подумала она, ведь дакти-замок делается под форму ладони и папиллярные линии одного только владельца. Тем не менее углубление походило на дакти-замок. А как ее учили в школе Б.Г., любой дакти-замок можно открыть.

Джессика оглянулась, удостоверилась, что за ней никто не следит, приложила ладонь к углублению в двери, обернулась и увидела скользящую к лестнице Мэйпс.

– В большой зал пришли какие-то люди и говорят, что герцог прислал их за молодым господином, Паулем, – сообщила Мэйпс. – Они показали герцогскую печать, и охрана их узнала.

Она взглянула на дверь и снова на Джессику.

А она осторожна, эта Мэйпс. Хороший знак.

– Пауль в пятой комнате отсюда по коридору, в маленькой спальне, – показала Джессика. – Если тебе не удастся разбудить его сразу, позови доктора Юйэ – он в соседней комнате. Возможно, придется сделать стимулирующую инъекцию.

Мэйпс снова бросила странный взгляд на овальную дверь, и Джессике показалось, что на лице домоправительницы промелькнуло отвращение. Однако прежде чем Джессика успела спросить, что скрывается за этой дверью, Мэйпс уже удалялась по коридору.

Хават проверил это место. Так что здесь не может быть чего-либо особенно опасного.

Она толкнула дверь. Та подалась внутрь, открыв ее взору крохотное помещение с такой же овальной дверью в противоположной стене – только со штурвальной кремальерой вместо ручки.

Воздушный шлюз! – удивилась Джессика. Она заметила валяющуюся на полу шлюзовой камеры подпорку для двери. На подпорке красовался личный значок Хавата.

Дверь оставили открытой. Подперли, а потом кто-то, скорее всего случайно, выбил подпорку, не сообразив, что дверь закроется на дакти-замок.

Джессика шагнула через высокий порог.

Зачем бы в доме шлюз? – спросила она себя. Ей внезапно пришла в голову мысль о каких-то экзотических существах, нуждающихся в особом микроклимате.

Особый микроклимат! На Арракисе, где в орошении нуждались даже самые засухоустойчивые инопланетные растения, это могло иметь особый смысл.

Дверь за ее спиной начала закрываться, но Джессика удержала ее и надежно подперла. Затем вернулась к внутренней двери и увидела над штурвалом вытравленную на металле почти незаметную надпись. Надпись была сделана на галакте:

«О Человек! Здесь находится прекрасная часть Творения Божия; так смотри и учись любить совершенство Твоего Всевышнего Друга».

Джессика нажала на колесо – штурвал повернулся влево, и дверь открылась. Легкий ветерок коснулся ее щеки, пошевелил волосы. Воздух был явно другой – какой-то более густой, ароматный. Она распахнула дверь и увидела густую зелень, пронзенную золотым солнечным светом.

«Желтое солнце? – удивилась она. Потом поняла: – Ну да, конечно, цветное стекло-фильтр!»

Когда она перешагнула порог, дверь за ее спиной затворилась.

– Оранжерея влаголюбивых растений, уголок влажной планеты, – прошептала она.

Повсюду стояли растения в кадках и коротко подстриженные деревья. Она узнала мимозу, цветущую айву, сондаги, зеленоцветную пленисценту, бело-зеленые полосатые акарсо... розы...

Даже розы!

Она склонилась над огромным розовым цветком, вдохнула его аромат. И только тут осознала, что с того момента, как дверь открылась, она слышит какой-то ритмический шум.

Джессика раздвинула густую листву и увидела центральную часть оранжереи. Там из металлической чаши бил небольшой фонтан, образуя как бы прозрачный купол. Привлекший ее звук был дробным стуком воды о чашу.

Джессика быстро проделала короткий ритуал очищения чувств и начала методично обследовать комнату, обходя ее по периметру. Комната была размером метров десять на десять. По расположению ее над концом коридора и по некоторым небольшим отличиям в ее конструкции Джессика догадалась, что комнату пристроили над крышей этого крыла здания спустя очень много времени после завершения самого дворца.

Она остановилась на южном конце комнаты перед широким окном желтого стекла и оглянулась. Практически все пространство комнаты занимали экзотические влаголюбивые растения. Среди растений что-то зашелестело; Джессика настороженно застыла, но это был всего лишь примитивный сервок с часовым механизмом, оснащенный поливочным шлангом. Рычаг со шлангом поднялась, из раструба вырвалась россыпь мелких брызг – она ощутила

влагу на лице. Шланг убрался, и Джессика увидела, что поливала машинка: папоротниковое дерево.

В этой комнате всюду была вода – и это на планете, где вода была драгоценнейшим соком жизни. Воду в этой оранжерее расходовали так демонстративно, что это уязвило Джессику до глубины души.

Она взглянула на солнце – желтое через окно-фильтр. Солнце низко висело над иззубренным горизонтом, над скалами, образовавшими длинную горную цепь, которую здесь называли Барьерной Стеной.

Светофильтры. Чтобы превратить белое солнце в более мягкое, знакомое. Кто мог устроить здесь такое место? Лето? Вполне в его духе преподнести мне такой сюрприз, но у него не было времени. И он слишком занят своими делами...

Она припомнила один доклад, в котором, помимо прочего, упоминалось, что многие арракинские дома имели герметически закрывающиеся окна и двери – чтобы сохранить, собрать и использовать вторично влагу внутреннего воздуха. Лето говорил, что во дворце такие меры не принимались умышленно – чтобы продемонстрировать богатство и могущество, окна и двери предохраняли лишь от проникновения внутрь пыли.

Но эта комната выражала то же самое куда сильнее, чем простое отсутствие герметичных внешних дверей. Она прикинула, что эта комната отдыха расходовала столько воды, сколько хватило бы для поддержания жизни тысячи жителей Арракиса, – а может, и больше.

Джессика прошла вдоль всего панорамного окна, по-прежнему рассматривая комнату, и только тогда заметила металлическую пластину, укрепленную рядом с фонтаном примерно на высоте обычного стола. На ней лежали белый блокнот и стило, полускрытые нависающим веерообразным листом. Она подошла, отметив, что на металле стоит сегодняшняя печать Хавата, и прочла записку на верхнем листе:

Леди Джессике.

Пусть эта комната доставит вам такое же удовольствие, какое она доставляла мне. Позвольте ей напомнить вам урок, который преподали нам наши общие учителя: близость желаемого вводит в искушение и склоняет к излишествам. На этом пути лежит опасность. С наилучшими пожеланиями.

Марго, леди Фенринг.

Джессика кивнула, вспомнив, что Лето называл бывшего полномочного представителя Императора на Арракисе графом Фенрингом. Однако скрытое в записке сообщение требовало немедленного внимания, особенно учитывая, что писавшая записку явно тоже принадлежала к Бене Гессерит.

Мимоходом кольнула горькая мысль: «Граф женился на своей леди – она ему жена, не наложница...»

Эта мысль промелькнула у Джессики, когда она уже склонилась над столом, пытаясь найти спрятанное послание. Оно наверняка где-то здесь: в записке была кодовая фраза, с которой всякая сестра Бене Гессерит, не связанная особым приказом своей Школы, должна была обратиться к другой, чтобы предупредить о какой-то угрозе: «На этом пути лежит опасность».

Джессика ощупала блокнот сзади, пытаясь найти выдавленные точки кода. Ничего. Ее ищущие пальцы пробежали по краю блокнота. Ничего. Она положила блокнот на прежнее место. Ее не покидало чувство, что послание необходимо отыскать безотлагательно.

Возможно, что-нибудь в том, как положен блокнот?

Но Хават, осматривавший комнату, несомненно, передвигал блокнот. Джессика взглянула на нависающий над блокнотом лист. Лист! Она провела пальцем по нижней поверхности

листа. Так и есть! Пальцы нащупали еле заметные кодовые точки. Джессика без труда, всего раз проведя по точкам, прочла и расшифровала послание:

«Ваш сын и герцог Лето находятся в опасности. Одна из спален рассчитана на то, чтобы завлечь вашего сына. Х. спрятали в ней смертоносные ловушки, но так, чтобы все они могли быть сравнительно легко обнаружены – кроме одной, которая может ускользнуть от вашего внимания».

Джессика подавила побуждение немедленно броситься в спальню сына: сначала следовало дочитать послание. Ее пальцы заспешили по точкам.

«Точная природа угрозы мне неизвестна, но это что-то связанное с кроватью. Угроза же вашему герцогу исходит от изменника из доверенных лиц или приближенных. Х. обещал отдать Вас своему фавориту в качестве награды. Насколько мне известно, эта оранжерея безопасна. Простите, что не могу сообщить больше. Мои источники информации скромны, потому что мой граф не служит Х. Писала в спешке. *М.Ф.*»

Джессика оттолкнула лист и уже собиралась помчаться к Паулю, но тут дверь шлюза распахнулась. В оранжерею ворвался Пауль, сжимающий что-то в правой руке. Он захлопнул за собой дверь, огляделся, увидел мать, подошел, отбрасывая с пути листву, увидел фонтан и сунул кулак с зажатым в нем предметом под падающую воду.

– Пауль! – Она схватила его за плечи, тревожно глядя на его руку. – Что это такое?

Он ответил – небрежно, но она уловила в его голосе напряжение:

– Охотник-искатель. Поймал его в комнате и разбил ему нос, но хочу быть уверенным. От воды его наверняка закоротит.

– Окуни его! – скомандовала она.

Вскоре она сказала:

– Руку можешь вынуть, а эту штуку оставь в воде.

Пауль вытащил руку, стряхнул капли воды, не отрывая взгляда от металлической штуковины в чаше фонтана. Джессика отломила черенок пальмового листа, ткнула им в смертоносное жало.

Охотник был мертв.

Она уронила черенок в воду, посмотрела на сына. Его глаза обегали комнату с тем особым вниманием, которое было так хорошо знакомо Джессике – Путь Бене Гессерит.

– Это место, по-моему, что-то скрывает, – сказал он.

– У меня есть основания считать его безопасным, – возразила Джессика.

– Мою комнату тоже считали безопасной. Хават говорил...

– Это же был охотник-искатель, – напомнила она. – Значит, кто-то управлял им – кто-то в доме. У дистанционного управления этим оружием ограниченный радиус действия. И его могли спрятать здесь уже после осмотра Хавата...

Но, сказав это, она подумала о послании на листе: «...от изменника из доверенных лиц или приближенных».

Но это не Хават. О, конечно, не Хават.

– Люди Хавата сейчас прочесывают дом, – сообщил Пауль. – Этот искатель чуть не убил старуху, которая пришла меня разбудить.

– Ее зовут Шэдаут Мэйпс, – сказала Джессика. – Твой отец вызвал тебя, чтобы...

– Это подождет, – отмахнулся Пауль. – Так почему ты считаешь эту комнату безопасной?

Джессика указала на записку и пересказала ее содержание. Пауль немного расслабился.

Но сама Джессика оставалась внутренне напряженной. Милостивая Мать! Охотник-искатель!.. Ей пришлось привлечь всю свою подготовку, чтобы не поддаться приступу истерической дрожи.

Пауль сказал как бы между прочим, констатируя факт:

– Конечно, это Харконнены. Нам придется их уничтожить.

В этот момент в дверь постучали – условный стук кого-то из людей Хавата.

– Войдите, – разрешил Пауль.

Дверь распахнулась, и в помещение, склонившись, вошел высокий офицер в мундире Атрейдесов и с эмблемой службы Хавата на фуражке.

– Вы здесь, господин, – с облегчением сказал он. – Домоправительница так и сказала, что вы, наверное, здесь...

Он огляделся и продолжил:

– В подвале мы нашли глухой закуток и поймали прятавшегося там человека. У него был пульт управления искателем.

– Я желаю принять участие в его допросе, – заявила Джессика.

– Простите, миледи. Взять его не удалось, он мертв. Наша ошибка...

– И ничего, по чему его можно было бы опознать? – спросила она.

– Пока мы не нашли ничего, миледи.

– Он арракиец? – спросил Пауль.

Джессика одобительно кивнула: правильный вопрос.

– Похож на арракийца, во всяком случае, – ответил охранник. – Судя по всему, его запрятали там больше месяца назад и оставили дожидаться нашего прибытия. Вчера мы проверяли подвал, но камень и раствор там, где он проник в подвал, были не тронуты. Готов ручаться своей репутацией.

– Никто не сомневается, что вы проверяли дом тщательно, – успокоила его Джессика.

– Я сомневаюсь, миледи. Надо было проверить все там акустическим зондом.

– Надо полагать, сейчас вы именно это и делаете, – сказал Пауль.

– Да, господин.

– Сообщите отцу, что мы задерживаемся.

– Будет исполнено немедленно, господин. – Он взглянул на Джессику. – Согласно приказу Хавата в подобных ситуациях молодого господина следует препроводить в безопасное место и надежно охранять. – Его глаза снова обежали оранжерею. – Тут достаточно безопасно?

– У меня есть основания считать это место безопасным, – ответила Джессика. – И Хават, и я ее проверили.

– Тогда я выставлю охрану рядом с этим помещением – пока мы не проверим еще раз весь дом.

Он поклонился Джессике, отдал честь Паулю, вышел и закрыл за собой дверь.

Пауль прервал внезапно нависшее молчание:

– Может, стоит позже нам самим проверить дом? Ты можешь заметить то, что другим никогда не увидеть.

– Я не проверила еще только это крыло, – отозвалась она. – Оставила его напоследок, потому что...

– Потому что Хават лично его осматривал, – закончил Пауль.

Джессика метнула в него вопросительный взгляд:

– Ты подозреваешь Хавата?

– Нет, но он уже немолод... и он переутомился. Можно было бы снять с него часть нагрузки.

– Это только обидело бы его и повредило его работе, – возразила Джессика. – К тому же теперь, когда Хават узнал о случившемся, в это крыло и муха не пролетит. Он будет чувствовать себя виноватым, и...

– Но мы должны принять и свои собственные меры, – сказал Пауль.

– Хават верой и правдой служил трем поколениям Атрейдесов, – ответила Джессика. – Он достоин всего уважения и доверия, которыми мы можем заплатить ему... и еще много большего.

– Когда отец недоволен каким-нибудь твоим поступком, – хмыкнул Пауль, – он говорит «Бене Гессерит!» таким тоном, словно это ругательство.

– И что же во мне не нравится твоему отцу?

– Ну, в частности, ему не нравится, когда ты с ним споришь.

– Ты – не твой отец, Пауль.

И Пауль подумал: «Это сильно беспокоит ее, но я должен рассказать ей, что говорила эта Мэйпс относительно предателя среди нас».

– Что ты скрываешь, Пауль? – спросила Джессика. – Это совсем на тебя не похоже.

Он пожал плечами и подробно пересказал свой разговор с Мэйпс.

А Джессика подумала о послании на листе и, неожиданно решившись, показала лист Паулю и прочитала зашифрованное сообщение.

– Надо немедленно сообщить отцу, – сказал Пауль. – Я пошлю ему шифрограмму.

– Нет, – возразила Джессика. – Придется подождать, пока ты не останешься с ним наедине. Чем меньше людей будет об этом знать, тем лучше.

– Ты хочешь сказать, что мы никому не можем доверять?

– Дело не совсем в этом, – объяснила она. – Возможно, так и было задумано, чтобы послание попало к нам. Те, кто оставил его для нас, могли верить, что все это правда; но что, если единственной целью всего этого было получение нами этого сообщения?..

Лицо Пауля оставалось таким же мрачным.

– Чтобы ослабить нас, посеяв в наших рядах недоверие и подозрение...

– Поэтому ты должен наедине и с величайшей осторожностью рассказать отцу об этой возможности, – кивнула Джессика.

– Понимаю.

Она повернулась к высокому окну-светофильтру и смотрела теперь туда, где на юго-западе садилось солнце Арракиса – желтый из-за стекла шар над изломанной линией скал.

Пауль повернулся вместе с матерью.

– Я тоже не думаю, что это Хават. Может, Юйэ?

– Он не из особо приближенных или особо доверенных лиц, – возразила Джессика. – Кроме того, я могу поручиться, что он ненавидит Харконненов не меньше, чем мы. Если не больше.

Пауль глядел на скалы, думая: «И это никак не может быть Гурни... или Дункан. Кто-то рангом ниже?.. Нет, невозможно. Они все происходят из семей, которые были нам верны в течение поколений – и по веским основаниям».

Джессика потеряла лоб, ощутив навалившуюся усталость. Сколько же тут опасностей!.. Она рассматривала ландшафт, желтый от цветного стекла. За герцогской землей раскинулись складские территории – позади высокой ограды виднелись бункеры, где хранилась меланжа, вокруг – сторожевые вышки-треножки, похожие на испуганных пауков. Отсюда можно было увидеть по меньшей мере двадцать таких складских дворов, протянувшихся до самых скал Барьерной Стены.

Окрашенное светофильтром солнце медленно утонуло за горизонтом. Сразу же выпали звезды. Одна яркая звезда висела так низко над горизонтом, что ее свет как бы дрожал – она мерцала в четком, размеренном ритме: тик-тик-тик – тик-тик-тик – тик...

Она почувствовала, как Пауль пошевелился в темноте рядом с ней.

Но Джессика сосредоточилась на этой яркой одинокой звезде, осознав вдруг, что та висит слишком низко – что свет ее исходит из точки, расположенной ниже кромки скал.

Кто-то подавал сигналы!

Она попыталась прочесть сообщение, но код был совершенно незнакомым.

На равнине под скалами зажигались новые огни – желтые точки на темно-синем, почти черном фоне. И один огонек – левее и чуть в стороне от скопления – вдруг стал ярче и замигал в ответ первому: тик-тик – тик – тик-тик-тик-тик... очень быстро.

И погас.

Тотчас погасла и фальшивая звезда в скалах.

Это были сигналы... и они наполнили ее дурными предчувствиями.

Зачем потребовались огни? – спросила она себя. Почему они не могли воспользоваться обычными коммуникаторами?

Ответ был очевиден: коммуникационная сеть наверняка прослушивалась сейчас агентами герцога Лето. Следовательно, использование световых сигналов могло означать только то, что сигналили его враги – харконненские агенты.

Раздался стук в дверь, и они услышали голос человека Хавата:

– Все в порядке, господин... миледи. Мы готовы немедленно проводить молодого господина к его отцу.

Говорят, что герцог Лето, закрыв глаза на опасности Арракиса, безрассудно вошел прямо в западню. Не будет ли более основательным предположение, что, долго живя в условиях крайней опасности, он недооценил изменение ее интенсивности? Или, быть может, он намеренно пожертвовал собой, чтобы сын его мог найти лучшую жизнь? Все данные ясно свидетельствуют, что герцог был человеком, которого нелегко обмануть.

(Принцесса Ирулан, «Муад'Диб. Семейные комментарии»)

Герцог Лето стоял, опираясь о парапет диспетчерско-контрольной башни космодрома, расположенного на окраине Арракина. Над южным горизонтом сплюснутой в овал серебряной монетой висела Первая луна. Под ней, сияя словно глазурь, сквозь пыльную дымку проступали зубчатые скалы Барьерной Стены. Слева от герцога во мгле светились огни Арракина – желтые... белые... синие.

Он думал об уведомлениях, разосланных за его подписью во все населенные пункты планеты: «Наш великий Падишах-Император поручил мне вступить во владение этой планетой и положить конец всем спорам».

Ритуалистическая формальность этой процедуры вызвала у него прилив чувства одиночества. *Кого обманула эта глупая видимость законности? Уж конечно, не фрименов. И не Младшие Дома, контролирующие внутреннюю торговлю Арракиса... почти все до одного остающиеся харконненскими тварями.*

Они пытались убить моего сына!

Он с трудом справился с нахлынувшей яростью.

Герцог увидел огни машины, ползущей из Арракина к посадочному полю. Он надеялся, что это – транспортер охраны, везущий Пауля. Задержка раздражала, хоть он и понимал, что она объяснялась мерами предосторожности, принятыми службой Хавата.

Они пытались убить моего сына!

Он потряс головой, отгоняя гнев, и оглянулся на посадочное поле, где по периметру монолитными часовыми стояли пять его фрегатов. Словно древний кромлех.

Лучше задержка из осторожности, чем...

Лейтенант, которого Хават послал за Паулем, был хорошим офицером, напомнил он себе. Полностью предан, заслуживает повышения.

Наш Великий Падишах-Император...

Если бы только жители этого прогнившего гарнизонного городка могли прочесть, что написал Император в приватной записке своему «благородному герцогу» – например, вот это презрительное упоминание мужчин и женщин в дистикомбах: «...но чего еще можно ждать от

варваров, мечтающих лишь о том, чтобы жить вне упорядоченной надежности системы Фафреллах?»

В этот момент герцог чувствовал, что его собственная заветная мечта заключается в том, чтобы покончить со всеми сословными различиями и никогда больше не вспоминать об отвратительном порядке. Он взглянул вверх – сквозь пыль – на немигающие звезды и подумал: *Вокруг одной из них кружит Каладан... но я никогда больше не увижу свой дом.* Тоска по Каладану внезапно сдавила грудь. Ему показалось, что она пришла не из глубин его души, а протянула к нему руку с Каладаном. Пока он не мог заставить себя называть эту выжженную пустыню, Арракис, своим домом – и думал, что вряд ли когда-нибудь сможет.

Я должен скрывать свои чувства. Ради мальчика. Если ему суждено иметь дом, то им может стать только Арракис. Я могу думать о нем как об аде, в который попал уже при жизни, но он должен найти здесь то, что будет его воодушевлять. Что-то же здесь должно быть!

Волна жалости к себе – сразу же с презрением отброшенная – нахлынула на него, и почему-то вспомнились две строки из стихотворения, которое любил и часто читал Гурни Халлек:

Легкие мои вдыхают ветер Времени,
Пролетевший сквозь падающий песок...

Да, уж чего-чего, а песка здесь Гурни найдет даже больше, чем надо... Земли за теми блестящими под лунной скалами были сплошной пустыней – бесплодный камень, дюны, вихрящаяся пыль – не нанесенная по-настоящему на карты Дикая Пустыня, сухая и мертвая, с разбросанными вдоль ее края (а может быть, встречающимися и внутри) поселениями фрименов. И если у рода Атрейдесов и есть сейчас хоть какая-то надежда – то она во фрименах...

Если только Харконнены не сумели опутать даже фрименов своими ядовитыми интригами.

Они пытались убить моего сына!

Металлический скрежет сотряс башню, завибрировал парпет, на который опирался герцог. Загородив обзор, упала броневая заслонка.

Садится челнок, подумал герцог. Пора идти вниз и приниматься за работу.

Он повернулся к лестнице у себя за спиной и направился в зал ожидания, стараясь сохранить спокойствие и подготовить нужное выражение лица к встрече прибывающих.

Они пытались убить моего сына!

Когда перед ним оказался зал с желтым куполообразным потолком, люди уже входили, вливаясь довольно энергичным потоком. На плечах они несли свои сумки и перебрасывались громкими шутками, словно студенты, возвращающиеся с каникул.

– Эй! Чуешь, что у тебя под копытами? Гравитация, парень!

– Сколько здесь «же»? Что-то вроде тяжеловато.

– По справочнику – девять десятых «же».

Большую комнату наполнил шум веселой перебранки.

– Ты вниз-то посмотрел, когда мы приземлялись? Вот ведь дыра! И где же обещанные сокровища?

– Харконнены все с собой забрали!

– А мне бы сейчас только горячий душ и мягкую постель!

– Ну, выдал! Душ! А не хочешь поскрести задницу песочком?

– Эй! Заткнитесь! Герцог!

Герцог шагнул с лестницы в разом затихшую комнату.

Чуть в стороне от толпы прохаживался Гурни Халлек. Через плечо у него была перекинута сумка, а другой рукой он сжимал шейку девятиструнного балисета. У него были очень длинные пальцы, способные к тончайшим движениям, и эти пальцы частенько извлекали из балисета такую изящную музыку...

Герцог смотрел на Халлека, любуясь этой уродливой человеческой глыбой с глазами, похожими на осколки стекла, в которых светилось инстинктивное, почти первобытное понимание. Вот человек, который жил вне системы Фафрелах, но выполнял все ее предписания. Как там Пауль назвал его?.. «Гурни Доблестный».

Тонкие светлые волосы Халлека были уложены так, чтобы прикрыть растущую лысину. Лиловый шрам на его подбородке, нанесенный ударом хлыста из чернильной лозы, шевелился слегка, словно сам по себе. Весь вид Халлека говорил о больших, непринужденно проявляемых возможностях. Он подошел к герцогу, поклонился.

– Добро пожаловать, Гурни, – сказал Лето.

– Приветствую вас, милорд. – Гурни махнул балисетом в сторону собравшихся офицеров. – Это последние. Я предпочел бы прибыть сюда с первой волной, но...

– Не волнуйся, на твою долю еще осталось некоторое количество Харконненов, – усмехнулся герцог. – Отойдем, Гурни, – нам надо побеседовать.

– К вашим услугам, милорд.

Они прошли к нише, где стоял автомат, отпускающий за монету порцию воды, а люди в большой комнате беспокойно зашевелились, но больше не шумели. Халлек бросил сумку в угол, но балисет из рук не выпускал.

– Сколько людей ты можешь выделить Хавату? – спросил герцог.

– У Суфира затруднения, сир?

– Он потерял только двоих, но его передовые агенты отлично провели разведку харконненских сил на планете. Если мы будем действовать быстро, достигнем некоторого уровня безопасности, получим необходимую нам передышку и свободу маневра. Ему нужно столько солдат, сколько ты можешь выделить без ущерба для дела – тех, кто не прочь немного поработать ножом.

– Я могу дать ему три сотни отборных людей, – сказал Халлек. – Куда их направить?

– К главным воротам. Агент Хавата ждет их там.

– Я должен заняться этим немедленно, сир?

– Подожди. Есть еще одно дело. Комендант космодрома под каким-нибудь предлогом задержит здесь челнок до рассвета. Хайлайнер Гильдии, доставивший нас, скоро отбывает, и этот челнок прицепят к грузовому кораблю, который доставит на лайнер груз Пряности.

– Нашей Пряности, милорд?

– Нашей. Но челнок должен забрать с собой и часть дюнмастеров – искателей Пряности, работавших при прежнем режиме. У них есть право уволиться при смене лена, и Арбитр Смены им это разрешил. Это ценные люди, Гурни, их около восьмисот. До того как челнок уйдет, ты должен убедить хотя бы некоторых поступить на службу к нам.

– Сколь сильным должно быть убеждение, сир?

– Мне нужно их добровольное сотрудничество, Гурни. У этих людей есть столь необходимые нам опыт и мастерство. То, что они хотят уехать, свидетельствует лишь, что они – не часть харконненской машины. Хават считает, что среди них могут быть внедренные агенты, но он в каждой тени видит асасинов.

– В свое время Суфир обнаружил некоторые весьма деятельные тени, милорд.

– А некоторые – не обнаружил. Но мне кажется, что для заблаговременного внедрения «ждущих агентов» в эту уезжающую толпу Харконненам потребовалось бы проявить слишком большое для них воображение.

– Возможно, сир. Где эти люди?

– В зале ожидания нижнего яруса. Полагаю, тебе стоит сыграть им мелодию-другую – чтобы размягчить их, а потом можешь включать давление. Можешь предложить квалифицированным высокие посты. Предложи двадцатипроцентное повышение зарплаты.

– И не больше, сир? Я знаю, что Харконнены платят в соответствии с общепринятыми тарифами. И людям с набитыми карманами и с желанием прокатиться... как хотите, сир, но двадцать процентов едва ли покажутся достаточно заманчивыми, чтобы остаться.

Лето нетерпеливо отмахнулся:

– Значит, в особых случаях действуй по собственному усмотрению. Только помни, что казна не бездонна. Держись за двадцать процентов, пока сможешь. Нам особенно нужны меланж-машинисты, меланжеры, предсказатели погоды и все, у кого есть опыт работы в открытой пустыне, – люди дюн.

– Понятно, сир. «С насилием придут они: лицом своим будут они пить, как восточный ветер; и возьмут пленников в песках...»

– Очень трогательная цитата, – сказал герцог. – Передай пока командование над своей шайкой какому-нибудь лейтенанту. Скажи ему, чтобы он дал им краткое наставление по водной дисциплине, а потом уложил спать в казармах, примыкающих к посадочному полю. Персонал космодрома покажет им, куда идти. И не забудь отправить людей к Хавату.

– Три сотни, сир. – Халлек поднял свою сумку. – Куда вам доложить, когда я со всем закончу?

– Найдешь меня в зале совещаний на заседании штаба. Я хочу согласовать новый порядок рассредоточения по планете: первыми выходят части, оснащенные бронетехникой.

Халлек, уже поворачиваясь уходить, остановился и взглянул в глаза Лето:

– Вы ждете *настолько* серьезных неприятностей, сир? Я думал, здесь есть Арбитр Смены.

– Будут и открытые сражения, и тайные интриги, – сказал герцог. – Крови прольется достаточно, прежде чем мы разберемся со всем этим.

– «И вода, которую возьмешь ты из реки, превратится в кровь на сухой земле», – процитировал Халлек.

Герцог вздохнул:

– Поторопись, Гурни.

– Слушаюсь, милорд. – Шрам искривился от усмешки. – «Вот, как дикий осел в пустыне, иду я к своей работе».

Гурни развернулся, вышел на середину зала, отдал распоряжения и заторопился сквозь толпу.

Лето негромко хмыкнул ему вслед. Халлек не уставал изумлять его – голова, набитая песнями, цитатами, цветистыми фразами... и сердце асассина, когда дело касалось Харконненов.

Потом Лето неторопливо направился к лифту, возвращая салюты небрежным взмахом руки. Среди толпы он узнал человека из Корпуса Пропанды, остановился, чтобы распорядиться довести до людей, которые привезли на планету своих женщин, что женщины благополучно прибыли и находятся в безопасности и их можно найти там-то и там-то. Остальным же будет интересно узнать, что среди местного населения женщин, кажется, больше, чем мужчин.

Герцог похлопал пропагандиста по руке выше локтя – это служило сигналом, что это сообщение срочное, первоочередное и должно быть передано немедленно. Потом он двинулся дальше, кивая людям, улыбаясь; обменялся шутками с младшим офицером.

Командующий всегда должен выглядеть уверенно, подумал он. Вера всех подчиненных возложена на твои плечи, и даже если ты в критическом положении, все равно никогда нельзя показывать этого.

Он облегченно вздохнул, когда лифт проглотил его и он смог повернуться, и перед ним были лишь безразличные ко всему двери.

Они пытались убить моего сына!

На камне, венчающем арку над выходом с арракинского космодрома, имеется грубо высеченная надпись, словно сделанная каким-то допотопным инструментом, – Муад’Диб, должно быть, повторял ее много раз. Он увидел ее в ту первую ночь на Арракисе, когда его доставили на герцогский командный пункт – на первое совещание штаба в полном составе, созванное его отцом. Эта надпись была мольбой к тем, кто покидает Арракис, но смысл ее с мрачной силой запал в душу мальчика, только что избежавшего близких объятий смерти. Надпись гласила: «О вы, те, кто знает, как страдаем мы здесь, не забудьте нас в ваших молитвах».

(Из учебника «Жизнь Муад’Диб» принцессы Ирулан)

– Вся теория ведения войны – это рассчитанный риск, – сказал герцог, – но когда приходится рисковать своей собственной семьей, элемент расчета растворяется в... других вещах.

Он понимал, что недостаточно сдерживает свой гнев, и, чтобы успокоиться, повернулся, широкими шагами прошелся вдоль всего длинного стола, туда и обратно.

Герцог и Пауль остались одни в комнате совещаний космопорта. В этой большой гулкой комнате не было ничего, кроме длинного стола, старомодных трехногих стульев, стенда для карт и проектора. Пауль сидел за столом рядом со стендом. Он рассказал отцу о происшествии с охотником-искателем и о том, что возможно предательство.

Герцог остановился напротив Пауля, ударил кулаком по столу:

– Хават утверждал, что дом безопасен!!!

Пауль нерешительно сказал:

– Я тоже сначала рассердился. И считал Хавата виновным. Но нападение было совершено из-за пределов дома. Оно было простым, ловким и прямым. И достигло бы успеха, если бы не тренинг, полученный мной от тебя и от многих других – и от Хавата в том числе.

– Ты его оправдываешь? – требовательно спросил герцог.

– Да.

– Он постарел. Вот в чем дело. Ему пора...

– У него огромный опыт, – возразил Пауль. – Скажи, сколько ошибок Хавата ты можешь припомнить?

– Это я должен был бы защищать его, – сказал герцог. – А не ты.

Пауль улыбнулся.

Лето сел во главе стола и накрыл своей рукой руку сына:

– За последнее время ты стал... взрослым, сын. – Герцог убрал руку. – И это меня радует. – Герцог скопировал улыбку сына. – Хават будет казниться. Он будет гневаться на себя намного сильнее, чем могли бы мы с тобой вместе!

Пауль смотрел на потемневшие окна, частично загороженные стендом, вглядывался в ночную тьму. Огни комнаты отражались в ограждении балкона. Он заметил движение и разглядел фигуру охранника в мундире Атрейдесов. Потом Пауль посмотрел на белую стену за спиной отца, потом вниз – на блестящую поверхность стола – и заметил, что его собственные руки сжаты в кулаки.

Дверь в дальнем конце комнаты, лицом к которой сидел герцог, с шумом распахнулась. Вошел Хават, выглядевший старше и суровее, чем когда-либо прежде. Он прошел мимо всего стола и встал «смирно» напротив Лето.

– Милорд, – произнес он, глядя в какую-то точку поверх головы герцога, – я только что узнал о своем провале. Поэтому я прошу вас об отста...

– Садись и прекрати эти глупости, – отмахнулся герцог и указал на стул напротив Пауля. – Твоя ошибка была в том, что ты переоценил Харконненов. Их простые головы додумались до простого трюка. А мы на простые трюки не рассчитывали. И мой сын приложил большие старания, доказывая мне, что справился с этой опасностью лишь благодаря твоей подготовке.

И тут о твоём провале речи быть не может! – Герцог хлопнул рукой по спинке пустого стула. – Садись, говорю тебе!

Хават опустился на сиденье:

– Но...

– Об этом я больше ничего не желаю слышать, – опять прервал его герцог. – Этот инцидент – уже прошлое. У нас имеются более насущные дела. Где все остальные?

– Я попросил их подождать снаружи, пока я...

– Позови их.

Хават взглянул Лето в глаза:

– Сир, я...

– Я знаю, кто мои настоящие друзья, Суфир, – сказал герцог. – Позови людей.

Хават проглотил комок в горле:

– Сейчас, милорд. – Он повернулся на стуле и крикнул в открытую дверь: – Гурни, пригласи их!

Первыми вошли мрачно-серьезные офицеры штаба, за ними следовали более молодые адъютанты и специалисты, у которых на лицах прямо-таки светилась готовность к действию.

По комнате пронёсся шум отодвигаемых стульев. Все расселись, над столом повеяло слабым запахом рашага.

– Для желающих имеется кофе, – сказал герцог.

Он оглядел своих людей: это хорошая команда. В такой войне, учитывая обстоятельства, дела могли бы идти куда хуже.

Лето дождался, пока из соседней комнаты принесут кофе, отметил усталость на некоторых лицах.

Наконец он надел на себя маску спокойной деловитости, встал и призвал людей к вниманию, несильно стукнув костяшками пальцев по столу.

– Видите, господа, – сказал он, – наша цивилизация столь глубоко усвоила привычку постоянных посягательств, захватов и нападений, что даже простой приказ Императора мы не можем выполнить без того, чтобы вдруг не обнаружились старые штучки.

Вокруг стола прошелестели сухие смешки, и Пауль понял, что отец сказал именно то, что нужно, и именно таким тоном, как нужно было, чтобы поднять настроение за столом. Даже оттенок усталости в его голосе был единственно верным.

– Для начала, полагаю, неплохо было бы послушать, что Суфир может добавить к своему докладу о фрименах, – сказал герцог. – Итак, Суфир?..

Хават поднял голову:

– Я мог бы добавить к общему докладу кое-какие экономические данные, сир, но сейчас хочу сказать, что фримены все больше и больше представляются мне нашими потенциальными союзниками. Именно такими союзниками, в каких мы нуждаемся. Сейчас они выжидают – хотят посмотреть, можно ли нам доверять, но ведут себя при этом, по-моему, честно. Они прислали нам дары – дистикомбы их собственного производства... карты нескольких областей пустыни, окружающих бывшие опорные пункты Харконненов... – Хават опустил голову. – Доклады их разведки оказались абсолютно достоверными и значительно помогли нам в переговорах с Арбитром Смены. Они также прислали различные мелкие подарки: украшения для леди Джессики, Пряность, питье, так называемый пряный ликер, сласти, лекарства. Мои люди сейчас проверяют их. Подвохов там, кажется, нет.

– Вам нравятся эти люди, Суфир? – спросил один из офицеров.

Хават чуть помедлил:

– Дункан Айдахо говорит, что ими можно восхищаться.

Пауль взглянул на отца, потом на Хавата и отважился на вопрос:

– Есть ли у нас новые данные об общем количестве фрименов?

Хават посмотрел на Пауля:

– По потреблению пищи и другим признакам Айдахо оценивает численность населения того пещерного комплекса, который он посетил, примерно в десять тысяч человек. Их вождь сказал, что правит сиегчем в две тысячи очагов, или семей. У нас есть основания считать, что таких общин на планете великое множество. Причем, судя по всему, все они преданы какому-то Лиету.

– Это что-то новенькое, – сказал герцог.

– Возможно, я ошибаюсь, сир. Кое-что наводит на мысль, что Лиет – это местное божество.

Еще один из присутствующих откашлялся и спросил:

– Действительно ли они имеют дело с контрабандистами?

– Когда Айдахо был в этом сиегче, отсюда как раз вышел караван контрабандистов с большим грузом Пряности. Они использовали вьючных животных и говорили, что им предстоит восемнадцатидневное путешествие.

– Операции контрабандистов вообще, похоже, интенсифицировались в этот беспокойный период, – сказал герцог. – Это заслуживает тщательного осмысления. Нам не стоит особо беспокоиться относительно фрегатов, промысляющих на нашей планете без лицензии, – такое всегда существовало. Но нельзя оставлять их без нашего наблюдения.

– У вас есть план, сир? – спросил Хават.

Герцог взглянул на Халлека:

– Гурни, я хочу направить тебя главой делегации – если хочешь, посольства – к этим романтическим бизнесменам. Скажи им, что я буду закрывать глаза на их операции до тех пор, пока они будут платить мне герцогскую десятину. Хават подсчитал, что это в четыре раза меньше, чем требовалось им до сих пор на взятки и на содержание вооруженной охраны.

– А что, если это дойдет до Императора? – спросил Халлек. – Он очень ревниво относится к своей доле доходов КООАМ, милорд.

Лето улыбнулся.

– Всю десятину мы будем честно перечислять в банк на имя Шаддама IV – так, чтобы об этом было известно, – и в соответствии с законом не будем включать ее в облагаемый налогом доход. Пусть-ка Харконнены попробуют это оспорить! Этим мы малость порастрясем жирок с тех, кто разбогател при харконненской системе. Взятки больше не будет!

Усмешка искривила лицо Халлека.

– Ах, милорд, прекрасный удар ниже пояса. Хотел бы я видеть барона в тот момент, когда он об этом узнает.

Герцог повернулся к Хавату:

– Суфир, удалось купить те бухгалтерские книги, о которых ты говорил?

– Да, милорд. Как раз сейчас они тщательно изучаются. Правда, я их бегло просмотрел и могу сделать резюме – в первом приближении.

– Прошу.

– Харконнены выкачивали отсюда по десять миллиардов соляриев за каждые триста тридцать стандартных дней!

Вздых изумления пронесся над столом. Даже слегка заскучавшие было молодые адъютанты сели прямее и обменялись удивленными взглядами.

Халлек пробормотал:

– «И поглотят они обилие морей и сокровища, спрятанные в песке».

– Вот видите, друзья, – усмехнулся Лето. – Есть ли тут кто-нибудь настолько наивный, чтобы верить, будто Харконнены тихо упаковались и убрались отсюда – бросив такие богатства! – только из-за того, что так приказал Император?

По тому, как собравшиеся покачивали головами и негромко переговаривались или просто бормотали себе под нос, герцог увидел, что его поняли и согласились с ним.

– Нам следует быть готовыми к их проискам, – сказал Лето и обратился к Хавату: – Сейчас самое время послушать об оборудовании. Сколько они оставили нам комбайнов-подборщиков и вспомогательного оборудования?

– Полный комплект – в соответствии с имперской описью, проверенной Арбитром Смены, милорд, – сказал Хават и сделал знак адъютанту. Тот подал ему папку. Хават раскрыл ее перед собой на столе. – Они только не сочли нужным упомянуть, что работоспособны менее половины краулеров, что только для трети машин есть грузолеты, переносящие их к пескам Пряности, что все, оставленное нам Харконненами, того и гляди развалится. Нам повезет, если будет работать половина оборудования, и еще больше повезет, если половина этой половины не выйдет из строя через полгода.

– Чего-то в этом роде мы и ожидали, – сказал Лето. – Каковы оценочные цифры по основным видам техники?

Хават заглянул в папку:

– Около девятисот тридцати комбайнов можно отправить в пески в ближайшие несколько дней. Примерно шесть тысяч двести пятьдесят орнитоптеров для аэросъемки, разведки и наблюдения за погодой... чуть менее тысячи грузолетов.

– А не дешевле возобновить переговоры с Гильдией о разрешении вывести на орбиту фрегат в качестве метеоспутника? – спросил Халлек.

Герцог взглянул на Хавата:

– Как, Суфир, нет ничего нового по этому поводу?

– Придется искать другие средства, – сказал Хават. – Агент Гильдии не стал вести никаких официальных переговоров. Он просто дал мне понять – как ментат ментату, – что цена находится за пределами наших возможностей и такой и останется, сколь бы эти возможности ни выросли. Прежде чем снова встретиться с ним, нам необходимо выявить причину такой позиции.

Один из адъютантов Халлека повернулся на стуле и воскликнул:

– Это несправедливо!

– Несправедливо? – Герцог взглянул на покрасневшего юношу. – О какой справедливости может идти речь? Мы творим нашу собственную справедливость. Мы будем устанавливать ее здесь, на Арракисе, пока не победим или пока не умрем. Вы жалеете, что связали свою судьбу с нашей?

Офицер посмотрел на герцога, нерешительно сказал:

– Нет, сир. Вы не могли отказаться от величайшего во Вселенной источника доходов... а я не мог не последовать за вами. Простите за сорвавшиеся слова, но... – Он пожал плечами. – Но временами нам всем бывает горько.

– Горечь я понимаю, – сказал герцог. – Но давайте не будем рассуждать о справедливости, пока у нас есть руки и свобода, чтобы их использовать. Может быть, кто-то еще из вас испытывает какую-то горечь? Если так, выговоритесь. Здесь совещание друзей, и каждый может высказать все, что думает.

Халлек пошевелился и сказал:

– Я вот думаю, сир, как обидно, что у нас нет волонтеров из других Великих Домов. Они называют вас «Лето Справедливым» и обещают вечную дружбу – но только до тех пор, пока это ничего им не стоит.

– Просто пока они не знают, кто победит в этом столкновении, – сказал герцог. – Большинство Домов разжирело от слишком спокойной жизни. Они отвыкли рисковать! Их даже нельзя за это ругать, их можно лишь презирать. – Он взглянул на Хавата. – Однако вернемся к

оборудованию. Нельзя ли показать сейчас несколько образцов, чтобы ближе познакомить присутствующих с этими машинами?

Хават кивнул и дал знак адъютанту включить проектор.

Над столом, ближе к тому месту, где сидел герцог, возникла трехмерная солидопроекция. Некоторым у дальнего конца стола пришлось встать, чтобы получше ее рассмотреть.

Пауль, вглядываясь в машину, наклонился вперед.

Сравнив с крошечными человеческими фигурками, окружавшими машину, можно было оценить ее размеры: не меньше ста двадцати метров в длину и примерно сорок метров в ширину. Она напоминала продолговатого жука и передвигалась на независимых друг от друга парах широких гусениц.

– Это комбайн-подборщик, – сказал Хават. – Для этой съемки мы выбрали машину в хорошем состоянии, только что из ремонта. А вот есть один драглайновый агрегат, доставленный сюда первой командой имперских экологов, который все еще работает... хотя я и не понимаю, как это возможно.

– Если это тот, который они называют «Старой Мэри», то это просто музейный экспонат, – сказал один из адъютантов. – Я думаю, Харконнены использовали его для наказания рабочих. Веди себя хорошо, не то отправят на «Старую Мэри».

Вдоль стола прокатились смешки.

Пауль удержался от веселья – ему все больше не давал покоя один вопрос. Указав на проекцию, он спросил:

– Суфир, а бывают ли песчаные черви, способные поглотить его целиком?

Над столом повисла тишина. Герцог про себя чертыхнулся, но потом подумал: нет, они должны смотреть в лицо реалиям здешней жизни.

– В глубине Пустыни есть черви, способные одним глотком справиться со всем этим комбайном, – помедлив, подтвердил Хават. – А ближе к Барьерной Стене, где добывается большая часть Пряности, встречается изрядное количество таких, которые могут сломать его, а потом на досуге сожрать по частям.

– Почему комбайны не оборудованы силовыми щитами? – спросил Пауль.

– Согласно информации Айдахо, – сказал Хават, – силовые щиты в пустыне опасны. Щит на одного человека привлекает всех червей за сотни метров вокруг. По каким-то причинам силовые поля приводят их в дикое бешенство. Нам об этом сообщили фримены, и нет оснований в этом сомневаться. Айдахо не заметил в сиетче даже намеков на необходимое для силовых щитов оборудование.

– Вообще никаких?

– Довольно трудно утаить такие вещи среди нескольких тысяч человек, – отозвался Хават. – У Айдахо был свободный доступ к любому уголку сиетча. Он не видел ни силовых экранов, ни каких-либо признаков их использования.

– Странно, – сказал герцог.

– Харконнены, разумеется, использовали здесь много экранов, – заметил Хават. – У них были ремонтные мастерские во всех гарнизонных городках, и счета их показывают огромные расходы на запчасти для экранного оборудования.

– Могут ли фримены обладать способом нейтрализации экранов? – спросил Пауль.

– Маловероятно, – сказал Хават. – Теоретически это, конечно, возможно – статический заряд с противоположным знаком и размером с добрый округ способен это сделать, но никто здесь не проводил подобных испытаний. Мы бы услышали об этом раньше: контрабандисты имеют тесные контакты с фрименами и достали бы такое устройство, если бы оно у фрименов было. И уж ничто не удержало бы их от того, чтобы вывезти его с планеты.

– Мне не нравится оставлять непроясненным такой важный момент, – сказал Лето. – Суфир, я хочу, чтобы ты уделил первоочередное внимание решению этой проблемы.

– Мы уже работаем над ней, милорд. – Хават откашлялся. – Да, Айдахо заметил одну вещь: он сказал, что не может быть сомнений в отношении фрименов к силовым щитам. Он сказал, что они их главным образом попросту забавляют.

Герцог нахмурился:

– Вернемся к вопросу об оборудовании.

Хават сделал знак адъютанту, занятому с проектором, и солидо-изображение комбайна сменилось проекцией крылатого устройства, окруженного карликовыми фигурками людей.

– Это грузолет, – продолжал объяснять Хават. – По существу, просто большой орнитоптер, чья единственная функция в том, чтобы доставлять машины к богатым Пряностью пескам, а потом спасать их при появлении червей. Появляются-то они всегда. Сбор Пряности состоит в том, чтобы сгребать и хватать столько, сколько сможешь, и уносить ноги.

– Что превосходно согласуется с харконненскими принципами, – сказал герцог.

И реплика его отозвалась за столом резким и слишком громким смехом.

Грузолет сменило изображение орнитоптера.

– Это более обычные орнитоптеры, – сообщил Хават. – Правда, они серьезно модифицированы, что позволило значительно увеличить дальность полета. Особое внимание уделено защите от песка и пыли наиболее важных узлов. При этом только один из тридцати орнитоптеров имеет генераторы силовых экранов – возможно, они сняты для уменьшения веса и увеличения дальности полета.

– Не нравится мне это наплевательское отношение к щитам, – пробормотал герцог и подумал: «Но, может, в этом и состоит секрет Харконненов? Не означает ли это, что мы даже не сможем ускользнуть на экранированных фрегатах, если все обернется против нас?»

Он резко тряхнул головой, отгоняя эти мысли, и сказал:

– Давайте сделаем рабочую оценку. На какой доход мы можем рассчитывать?

Хават перелистнул две страницы в записной книжке.

– Оценив стоимость ремонта и количество действующего оборудования, мы произвели первичную оценку эксплуатационных расходов. Она основана, разумеется, на заниженном значении, с поправкой на износ, принятом для того, чтобы иметь определенный запас. – Он закрыл глаза, входя в ментат-полутранс. – При Харконненах расходы на ремонт и оплату рабочей силы составляли четырнадцать процентов. Нам повезет, если мы сумеем удержать их на первых порах в пределах тридцати процентов. С учетом реинвестиций и затрат на развитие, включая отчисления КООАМ и военные расходы, наша доля сведется к шести-семи процентам, пока мы не заменим изношенное оборудование. Когда же заменим, то, пожалуй, сумеем поднять ее до двенадцати – пятнадцати процентов... – Хават открыл глаза. – Если только милорд не желает перенять харконненские методы.

– Наша цель – устойчивое положение на планете и превращение ее в нашу надежную базу, – сказал герцог. – И мы должны делать значительные отчисления на улучшение жизни населения – особенно фрименов.

– В первую очередь фрименов, – согласился Хават.

– Наша власть на Каладане, – продолжил герцог, – зависела от мощи морских и воздушных сил. Здесь же мы должны заняться тем, что я могу назвать мощью Пустыни, и сделать ставку на нее. Сюда может быть включен и контроль воздушного пространства – но это не обязательно так; позволю себе обратить ваше внимание на отсутствие силовых экранов у орнитоптеров. – Он покачал головой. – Харконнены полагались на постоянный приток квалифицированного персонала извне. Мы же никак не можем положиться на такие кадры, ибо в каждой группе могут быть их агенты.

– Значит, нам придется смириться с намного меньшей прибылью и снижением сбора Пряности, – сказал Хават. – Наш валовой сбор за первые два сезона составит никак не более двух третей от среднего при Харконненах.

– Как раз этого мы и ожидали, – кивнул герцог. – Нам нужно быстро развивать отношения с фрименами. Хотелось бы еще до первой ревизии КООАМ иметь пять полностью укомплектованных фрименских батальонов.

– До ревизии осталось мало времени, сир, – сказал Хават.

– А у нас вообще мало времени, как вам всем хорошо известно. При первой же возможности они появятся здесь с сардаукарами, переодетыми в харконненскую форму. Как ты считаешь, Суфир, сколько они сумеют привезти?

– Судя по всему, четыре-пять батальонов, не более – цены Гильдии на перевозку войск вам известны.

– Значит, пяти батальонов фрименов вместе с нашими собственными силами может оказаться достаточно. Если удастся захватить хотя бы нескольких сардаукаров и выставить их перед Советом Ландсраада – тогда все сильно переменится и вопрос будет стоять уже не о прибылях от Арракиса...

– Мы сделаем все от нас зависящее, сир.

Пауль взглянул на отца, потом на Хавата и внезапно остро почувствовал возраст Хавата, вспомнив, что старик служит уже третьему поколению Атрейдесов. Да, он – уже старик... Это проявлялось в болезненном блеске карих глаз, в потрескавшейся и обожженной коже лица, опаленного ветрами многих миров, в сутулости плеч и в тонких губах с пятнами клюквенного цвета, вызванными потреблением сока сафо.

«Так много зависит от одного-единственного постаревшего человека...» – подумал Пауль.

– Сейчас мы втянуты в войну асассинов, – сказал герцог, – но полного размаха она еще не достигла. Суфир, в каком состоянии здесь харконненская сеть?

– Мы ликвидировали двести пятьдесят девять их ключевых агентов, милорд. Осталось не более трех харконненских гнезд – вероятно, в совокупности около сотни человек.

– А эти уничтоженные нами харконненские твари были богаты? – спросил герцог.

– Большинство из них были неплохо обеспечены – в основном это местные предприниматели.

– Изготовьте – подделайте! – убедительные сертификаты вассальной преданности за подписью каждого из них, – сказал герцог. – Копии отправьте Арбитру Смены. Мы будем стоять на том, что они фактически были изменниками – нарушителями присяги вассалов. Конфискуйте их собственность, заберите все, выселите их семьи, раздень донага. И проследите, чтобы Император получил свои десять процентов. Все должно быть абсолютно законным.

Суфир улыбнулся, обнажив испятнанные красным зубы:

– Ход, достойный вашего деда, милорд. Позор моим седидам, что я сам до него не додумался.

Халлек удивленно сдвинул брови: на лице Пауля читалась неприязнь к происходящему. Остальные улыбались и кивали.

«Так нельзя, – думал Пауль. – Это только заставит всех остальных сражаться упорнее. Потому что от капитуляции не будет никакого толку».

Он знал, что в канли запрещенных приемов практически нет, но этот прием был из тех, что могут уничтожить применившего, даже дав ему победу.

– «И стал я чужаком в чужой земле», – процитировал Халлек.

Пауль пристально посмотрел на него, узнав цитату из Экуменической Библии, и спросил себя: возможно ли, что и Гурни хотел бы покончить со всякими коварными интригами?..

Герцог бросил взгляд в темноту за окнами, потом посмотрел на Халлека:

– Гурни, скольких меланжеров удалось убедить остаться с нами?

– Всего двести восемьдесят шесть человек, сир. Думаю, мы должны взять всех, и, по моему, нам еще повезло. У всех полезные профессии.

– Так мало? – Герцог поджал губы. – Ну ладно, перейдем к...

Шум у двери прервал его. Дункан Айдахо миновал стоявшую там охрану, быстро прошел через весь зал к герцогу и склонился к его уху.

Лето знаком отстранил его и сказал:

– Говори вслух, Дункан. Ты же видишь – это заседание штаба.

Пауль рассматривал Айдахо, отмечая его кошачьи движения и быструю реакцию, благодаря которым так трудно было соперничать с ним в фехтовании.

Темное лицо Айдахо повернулось к Паулю; выражение глубоко посаженных глаз не выдавало эмоций, но Пауль узнал эту маску безмятежности, скрывающую возбуждение.

Айдахо оглядел сидящих за столом, потом сказал:

– Мы разбили отряд харконненских наемников, переодетых фрименами. Сами фримены прислали к нам гонца, чтобы предупредить об этой банде. Напав на нее, мы, однако, обнаружили, что Харконнены подстерегли фрименского курьера на обратном пути и тяжело его ранили. Мы хотели доставить его сюда, к нашим врачам, но в дороге он умер. Я видел, как он был плох, и остановился, чтобы хоть немного помочь. А он вдруг попытался что-то выбросить. – Айдахо взглянул на Лето. – Это был нож, милорд, нож, подобного которому вы никогда не видели.

– Крис? – спросил один из офицеров.

– Несомненно, – сказал Айдахо. – Молочно-белый и словно светящийся внутренним светом.

Он потянулся и извлек из-под мундира ножны с торчащей из них черной ребристой рукояткой.

– Не вынимайте клинок из ножен!

Этот почти крик раздался от открытой двери в дальнем конце комнаты – и голос был таким звучным, пронзительным и взволнованным, что заставил всех обратить взоры на его обладателя.

В дверях стоял высокий человек в просторных одеждах. Путь ему преградили скрещенные мечи охранников. Светло-коричневый балахон полностью скрывал его фигуру, если не считать отверстия для лица в капюшоне. В прорезях черного лицевого покрывала-маски светилась пара абсолютно синих глаз, глаз без единого белого пятнышка.

– Пусть он войдет, – прошептал Айдахо.

– Пропустите его, – велел герцог.

После некоторого колебания охранники опустили мечи.

Человек стремительно вошел в комнату, остановившись напротив герцога.

– Это Стилгар, глава сиетча, в котором я гостил, вождь тех людей, которые предупредили нас о харконненской банде, – сказал Айдахо.

– Добро пожаловать, – сказал Лето. – И почему же нам нельзя вынимать из ножен этот клинок?

Стилгар взглянул на Айдахо и сказал:

– Ты соблюдал среди нас обычаи чистоты и чести. Тебе я мог бы разрешить взглянуть на клинок человека, которому вы помогали... – Стилгар obeжал взглядом остальных присутствующих в помещении. – Но их я не знаю. Не осквернят ли они благородное оружие?

– Я – герцог Лето, – сказал герцог. – Можете ли вы позволить мне увидеть этот клинок?

– Я позволю вам заслужить право извлечь его из ножен, – отчеканил Стилгар и, когда над столом пронесся ропот недовольства, поднял худую, в темных прожилках руку. – Напоминаю, это клинок того, кто помог вам.

В наступившей тишине Пауль изучал этого человека, ощущая исходящую от него ауру власти. Он был вождем – фрименским вождем.

Офицер, сидевший на противоположной от Пауля стороне стола, пробормотал:

– Кто он такой, чтобы учить нас, какими правами мы обладаем на Арракисе?

– Говорят, что герцог Лето Атрейдес правит с общего согласия подданных, – сказал Стилгар. – Так что я должен рассказать вам, в чем тут дело: на тех, кто видел крис, ложится определенная ответственность. – Он бросил мрачный взгляд на Айдахо. – Они становятся нашими. И не смогут покинуть Арракис без нашего согласия.

Халлек и еще несколько человек с гневом на лицах вскочили.

– Один лишь герцог Лето определяет... – начал Халлек.

– Одну минуту, – сказал Лето, и мягкость, прозвучавшая в его голосе, остановила их. Этот момент нельзя упустить, подумал он и обратился к вождю фрименов: – Сэр, я чту и уважаю личное достоинство каждого, кто уважает мое достоинство. Я действительно у вас в долгу. И я всегда плачу свои долги. Если по вашему обычаю этот нож должен остаться здесь в ножнах, значит, так и будет – по моему приказу. И если существует еще какой-нибудь способ почтить человека, погибшего, помогая нам, вам остается только указать его.

Фримен пристально посмотрел на герцога, потом медленно отвел в сторону лицевое покрывало, открыв тонкий нос и полногубый рот, обрамленный черной блестящей бородой, медленно склонился над столом и плюнул на его полированную поверхность.

Сидевшие за столом вскочили было на ноги, но тут прогремел голос Айдахо:

– Стойте!

В наступившей напряженной тишине Айдахо сказал:

– Мы благодарим тебя, Стилгар, за дар влаги твоего тела. Мы принимаем его с тем же чувством, с каким он был принесен. – И Айдахо тоже плюнул на стол.

Специально для герцога он прошептал:

– Вспомните, сколь драгоценна здесь вода, сир. Это был знак уважения.

Лето откинулся на спинку стула, поймал взгляд Пауля, заметил печальную улыбку на лице сына и почувствовал, как медленно спадает напряжение за столом, по мере того как к людям приходит понимание.

Стилгар посмотрел на Айдахо:

– Ты неплохо вписался в мой сиегч, Дункан Айдахо. Есть ли у тебя долг преданности твоему герцогу?

– Он хочет меня завербовать, сир, – пояснил Айдахо.

– Согласится ли он, если ты будешь служить и ему, и мне? – спросил Лето.

– Вы хотите, чтобы я пошел с ним, сир?

– Я хочу, чтобы ты сам принял решение, – сказал Лето и не сумел спрятать волнение в голосе.

Айдахо посмотрел прямо в глаза Стилгара:

– Берешь меня на этих условиях, Стилгар? Учти, тогда мне в случае необходимости придется возвращаться на службу к моему герцогу.

– Ты хорошо сражаешься и сделал все, что сумел, для нашего друга, – проговорил Стилгар и перевел взгляд на Лето. – Пусть будет так: человек Айдахо оставляет у себя этот крис как знак его верности нам. Он, разумеется, должен быть очищен и пройти ритуалы, но это можно сделать. Он будет фрименом и солдатом Атрейдесов. Тому уже есть прецедент: так и Лиет служит двум господам.

– Дункан? – спросил Лето.

– Я понимаю, сир, – кивнул Айдахо.

– Значит, решено, – заключил Лето.

– Твоя вода – наша, Дункан Айдахо, – сказал Стилгар. – Тело нашего друга остается у вашего герцога. Его вода – вода Атрейдесов. Теперь между нами – связь, связь воды.

Лето вздохнул, встретившись взглядом с Хаватом. Старый ментат с довольным выражением лица кивнул.

– Я буду ждать внизу, – сказал Стилгар, – пока Айдахо простится со своими друзьями. Имя нашего погибшего друга было Турок. Помните об этом, когда придет время освободить его дух. Вы – друзья Турока.

Стилгар повернулся уходить.

– Может быть, вы задержитесь, хотя бы ненадолго? – спросил Лето.

Фримен снова повернулся к нему, небрежным жестом возвращая покрывало на место и что-то под ним поправляя. Перед тем как покрывало опустилось, Пауль успел заметить что-то вроде тонкой трубки.

– А разве есть причина для задержки? – спросил Стилгар.

– Хотя бы почета ради, – пожал плечами герцог. – Честь...

– Честь велит мне как можно быстрее оказаться в другом месте, – сказал Стилгар, метнул еще один взгляд на Айдахо, круто развернулся и, широко шагая, вышел.

– Если другие фримены похожи на него, мы с ними неплохо сработаемся, – сказал Лето. – Мы можем быть очень полезны друг другу.

Айдахо проговорил сухим тоном:

– Он прекрасный образчик, сир.

– Ты понимаешь, что должен делать, Дункан?

– Я – ваш посол к фрименам, сир.

– От тебя зависит очень многое, Дункан. Мы должны набрать по меньшей мере пять батальонов этих людей – до того как на нас обрушатся сардаукары.

– Эта цель потребует некоторых усилий, сир. Фримены – весьма независимый народ. – Айдахо поколебался, потом сказал: – И еще одно, сир. Один из наемников, которых мы побили, пытался завладеть этим клинком нашего погибшего фрименского друга. Этот наемник говорит, что Харконнены обещают миллион соляриев всякому, кто доставит им хотя бы один-единственный крис.

Подбородок Лето вздернулся: герцог был удивлен.

– Почему же им так сильно хочется заполучить эти клинки?

– Нож изготавливают из зуба песчаного червя; это знак фримена, сир, и никто другой не может иметь его. С ним синеглазый человек может войти в любой сиетч в этой земле. Они потребовали бы у меня предъявить его, если бы меня не знали. Я на фримена не похож. Но...

– Питер де Врийе, – сказал герцог.

– Человек дьявольского коварства, милорд, – кивнул Хават.

Айдахо спрятал крис под мундир.

– Береги этот нож, – сказал герцог.

– Я понимаю, милорд. – Он похлопал по радиации на своей португее. – Я доложу обо всем при первой возможности. У Суфира есть код моего вызова. Используйте боевой язык.

Дункан отсалютовал, четко повернулся кругом.

Они слышали, как его шаги удаляются по коридору.

Лето и Хават обменялись понимающими взглядами.

– Нам многое предстоит сделать, сир, – сказал Халлек.

– А я не даю тебе приняться за работу, – усмехнулся Лето.

– У меня приготовлено сообщение о передовых базах, – сказал Хават. – Может, в другой раз, сир?

– Оно длинное?

– Я подготовил краткое изложение, так что не очень. Среди фрименов говорят, что в период действия Имперской Пустынной ботанической станции здесь, на Арракисе, было построено свыше двухсот таких баз. Предполагается, что все они были покинуты, но есть показания, что перед тем, как бросить, их законсервировали.

– Там сохранилось действующее оборудование? – спросил герцог.

– Согласно сообщениям, полученным от Дункана, да.

– Где расположены станции? – вмешался Халлек.

– Ответ на этот вопрос, – сказал Хават, – неизменно один и тот же: «Лиет знает».

– Бог знает, – пробормотал Лето.

– Возможно, все не так безнадежно, сир, – сказал Хават. – Вы ведь слышали, как этот Стилгар употребил его имя. Не может ли оно относиться к реальному лицу?

– «Служит двум господам», – вспомнил Халлек. – Звучит как религиозная цитата, пожалуй...

– Тебе виднее. Странно, что ты не знаешь наверняка, – буркнул герцог.

Халлек улыбнулся.

– Ну а Арбитр Смены, – сказал Лето, – Имперский Эколог – Кинес... Не может ли он знать, где находятся эти базы?

– Сир, – предостерег Хават, – Кинес служит Императору.

– И очень далеко от Императора, – сказал Лето. – Мне нужны эти базы. Они, наверное, битком набиты материалами, которые вполне можно было бы использовать для ремонта нашего оборудования.

– Сир! – воскликнул Хават. – Эти базы по закону все еще относятся к феоду Его Величества.

– Климат здесь достаточно свирепый, чтобы уничтожить все, что угодно, – задумчиво сказал герцог. – Мы всегда сможем свалить все на бури... Разыщите этого Кинеса и хотя бы узнайте, существуют ли базы на самом деле.

– Реквизировать их все-таки опасно, – покачал головой Хават. – Дункан уверен, что эти базы или некая связанная с ними идея имеют для фрименов некое глубокое значение. Мы можем оттолкнуть их от себя, если разорим эти базы.

Пауль видел, с каким напряжением офицеры следят за каждым произнесенным словом. Казалось, намерения отца их глубоко расстраивают.

– Послушайся его, отец, – тихо сказал Пауль. – Он прав.

– Сир, – сказал Хават, – на этих базах действительно может содержаться столько материалов, что хватило бы на ремонт всего оставленного нам оборудования, и все-таки они могут оказаться за пределами досягаемости по стратегическим причинам. Опрометчиво было бы предпринимать какие-либо шаги без дополнительных сведений. Империя наделила Кинеса полномочиями Арбитра. Мы не должны этого забывать. И фримены считаются с его мнением.

– Значит, сделайте все мягко, – сказал герцог. – Я всего лишь хочу знать, существуют ли базы, и только.

– Как прикажете, сир. – Хават сел, опустив глаза.

– Тогда все в порядке, – сказал герцог. – Мы знаем, что нам предстоит – работа. Мы к ней готовились. И у нас есть в ней кое-какой опыт. Мы знаем, каким будет вознаграждение. Альтернативы тоже достаточно ясны. У каждого есть свое задание... – Герцог посмотрел на Халлека. – Гурни, в первую очередь займись контрабандистами.

– «Вот, иду к бунтарям, обитающим в безводной земле», – нараспев произнес Халлек.

– Когда-нибудь я поймаю этого парня на отсутствии подходящей цитаты, и он будет похож на голого, – бросил герцог.

Фраза его отозвалась за столом смешками, но Пауль услышал в них нотки неестественности.

Герцог обратился к Хавату:

– Суфир, разверни на этом этаже еще один командный пункт – для разведки и связи. Когда сделаешь, приходи: ты мне понадобишься.

Хават встал и окинул комнату взглядом, словно ища поддержки. Потом направился к выходу, следом потянулись остальные. Офицеры двигались торопливо, скребя пол отодвигаемыми стульями, сталкиваясь, обнаруживая явные признаки смущения.

Дело закончилось всеобщим замешательством, подумал Пауль, глядя в спины. Раньше Совет всегда заканчивался в приподнятой атмосфере. А это собрание словно вытекало медленной струйкой, утомленное собственной неэффективностью, да и завершилось оно спором...

Впервые Пауль позволил себе подумать о реальной возможности неудачи – и вовсе не из страха перед ней и не из-за предостережений, подобных тем, что исходили от старой Преподобной Матери, – его собственная оценка ситуации заставила взглянуть этой возможности в лицо.

«Отец в отчаянии, – подумал он. – Дела складываются для нас очень неудачно».

И Хават... Пауль припомнил, как вел себя на совещании старый ментат – едва уловимые колебания, признаки беспокойства...

Да, Хават чем-то глубоко встревожен.

– Тебе, наверное, лучше всего остаться на ночь здесь, сын, – сказал герцог. – Все равно скоро рассветет. Я сообщу твоей матери. – Он тяжело поднялся. – Почему бы тебе не сдвинуть вместе несколько кресел и не прилечь отдохнуть?

– Я не устал, отец.

– Ну, как хочешь.

Герцог заложил руки за спину и принялся вышагивать взад-вперед вдоль стола.

Как зверь в клетке.

– Ты собираешься обсудить с Хаватом возможность того, что среди наших людей есть предатель? – спросил Пауль.

Герцог остановился напротив сына и сказал, глядя в темноту за окнами:

– Эту возможность мы обсуждали много раз.

– Старуха казалась такой уверенной в этом, – сказал Пауль. – И то послание для матери...

– Меры предосторожности приняты, – сказал герцог. Он оглядел комнату, и в его глазах сверкнула ярость загнанного зверя. – Оставайся здесь. Мне надо обсудить с Суфиром кое-что насчет командных пунктов. – Герцог повернулся и быстро вышел, коротко кивнув у двери охранникам.

Пауль смотрел на то место, где стоял отец. Оно опустело даже раньше, чем герцог вышел из комнаты. И Пауль вспомнил слова старухи: «...твоего отца не спасет ничто».

В тот первый день, когда Муад'Диб с близкими его ехал по улицам Арракина, некоторые из людей, стоявших у дороги, вспомнили легенды и пророчества и отважились прокричать: «Махди!» Но этот их крик был более вопросом, нежели утверждением, ибо тогда существовала лишь надежда, что был он Лисань аль-Гаибом, Гласом из Внешнего Мира, предсказанным много веков назад. Взгляды их были прикованы также и к его матери, ибо все слышали, что была она Бене Гессерит, и потому сочли ее чем-то вроде второго Лисань аль-Гаиба.

(Из учебника «Жизнь Муад'Диб» принцессы Ирулан)

Герцог нашел Суфира Хавата – тот сидел один в угловой комнате. За стеной работали – устанавливали и налаживали аппаратуру связи, но здесь было довольно тихо. Герцог успел окинуть взглядом все помещение, пока Хават поднимался из-за стола, заваленного бумагами. В этом закутке с зелеными стенами, помимо стола, было еще три кресла на силовой подвеске,

со спинок которых поспешно стерли букву «Х», – там виднелись пятна, немного отличные по цвету от всей обивки.

– Эти кресла достались нам в наследство от прежних хозяев, но они вполне безопасны, – сказал Хават. – А где Пауль, сир?

– Я оставил его в комнате совещаний. Я решил, что ему стоит отдохнуть, и избавил от своего присутствия.

Хават кивнул, прошел к двери в соседнюю комнату и прикрыл ее. Шум помех и треск разрядов, доносившиеся оттуда, стихли.

– Суфир, – вздохнул Лето, – я вот думаю об имперских и харконненских запасах Пряности.

– Что вы имеете в виду, милорд?

Герцог поджал губы:

– Склады могут быть разрушены...

Увидев, что Хават собирается возразить, герцог поднял руку:

– Я говорю сейчас не о запасах Императора. Но неприятностям Харконненов он бы тайне порадовался. И как барону протестовать против уничтожения того, что он не может открыто признать своим?

Хават покачал головой:

– У нас мало людей, сир.

– Возьми часть людей Айдахо. И, может быть, кто-то из фрименов захочет отлучиться с планеты. Рейд на Джеди Прим мог бы дать нам тактическое преимущество, Суфир.

– Как прикажете, милорд. – Хават повернулся уходить, и герцог заметил, что старик нервничает. *Возможно, он боится, что я ему не доверяю. Наверняка он знает, что я получил частные сообщения о предательстве. Ну и – лучшие всего немедленно успокоить его страхи.*

– Суфир, – сказал он, – ты один из немногих, кому я полностью могу доверять: поэтому я хочу обсудить с тобой еще один вопрос. Оба мы знаем, какого неусыпного внимания требует опасность проникновения предателей в наши ряды... но у меня есть два новых сообщения.

Хават обернулся, и герцог пересказал ему все, что узнал от Пауля.

Но вместо сосредоточения, возникающего у ментатов во время работы, эти сообщения лишь усилили беспокойство Хавата.

Лето всмотрелся в лицо старика, потом сказал:

– Ты что-то скрываешь, дружище. Мне следовало догадаться еще на совещании штаба, ведь ты там так нервничал. Что это за опасность, о которой нельзя говорить перед всеми?

Испятнанные сафо губы Хавата вытянулись в прямую линию с разбежавшимися от уголков мелкими морщинами. И так, с почти неподвижными губами, он наконец сказал:

– Милорд, я даже не знаю, как к этому подступиться.

– Мы же приняли друг за друга немало шрамов, Суфир, – напомнил герцог. – И уж кто-кто, а ты можешь сказать мне все, что угодно, – и ты это знаешь.

Хават, по-прежнему глядя на герцога, подумал: «Таким я люблю его больше всего. Человеком чести, заслуживающим всей моей преданности и службы. Почему мне приходится причинять ему боль?»

– Итак? – потребовал Лето.

Хават пожал плечами:

– Дело в обрывке сообщения, который мы отобрали у харконненского тайного курьера. Сообщение предназначалось для агента по имени Парди. У нас есть основание полагать, что этот Парди был главой всей здешней харконненской подпольной сети. Это сообщение... это такая вещь, которая может повлечь огромные последствия – или никаких. Дело в том, что его можно истолковать по-разному.

– И что же это за сообщение?

– Обрывок сообщения, милорд. Обрывок микрофильма, снабженного, как обычно, капсулой самоуничтожения. Мы сумели нейтрализовать воздействие кислоты незадолго до полного уничтожения информации – остался лишь фрагмент. Но фрагмент очень существенный.

– Да?

Хават потер губу:

– Он гласит: «...его никогда не заподозрит, и когда удар обрушится на него, довольно будет и того, что нанесет его рука любимого человека». Кассета была опечатана личной печатью барона, и я удостоверился в ее подлинности.

– Твое подозрение очевидно, – сказал герцог, и голос его стал ледяным.

– Я бы лучше отрубил себе руки, чем так расстраивать вас, – сказал Хават. – Милорд, а что, если...

– Леди Джессика, – сказал Лето и почувствовал, как быстро разгорается гнев. – А вы что, не сумели выбить факты из этого Парди?

– К сожалению, когда мы перехватили курьера, Парди уже не было в живых. А курьер, я уверен, просто не знал, что несет.

– Понятно.

Лето покачал головой: «Какая гнусность. Конечно, тут все подстроено – я-то знаю свою женщину».

– Милорд, если...

– Нет! – рявкнул герцог. – Здесь ошибка.

– Мы не можем этого игнорировать, милорд.

– Она со мной шестнадцать лет! Бессчетные возможности были для... Ты сам проверял и школу, и ее самое!

Хават горько проговорил:

– Кое-что ведь от меня уже ускользнуло...

– Это невозможно, я тебе говорю! Харконнены хотят уничтожить род Артрейдесов – имея в виду и Пауля. Один раз они уже попытались. Может ли женщина строить заговоры против собственного сына?

– Возможно, против сына она заговоров не строит. И вчерашняя попытка могла быть ловким обманом.

– Нет, не могла!

– Сир, предполагается, что она не знает, кто ее родители, но что, если знает? Что, если, допустим, она сирота и виновна в этом Атрейдесы?

– Она бы ударила давным-давно. Яд, подсыпанный в мой бокал... удар стилета ночью. У кого было больше возможностей?

– Харконнены хотят уничтожить вас, милорд. Им недостаточно просто убить. В канли имеется ряд тонких различий. Представьте, что это не просто вендетта, а вендетта-шедевр, своего рода произведение искусства?..

Плечи герцога тяжело опустились. Он закрыл глаза, разом почувствовав себя постаревшим и безмерно усталым. «Этого просто не может быть. Она открыла мне свое сердце».

– Есть ли лучший способ уничтожить меня, чем посеять во мне подозрения к женщине, которую я люблю?

– Такую вероятность я рассматривал, – сказал Хават. – Но...

Герцог открыл глаза и посмотрел на Хавата.

«Пусть подозревает. Подозрение – его профессия. Может быть, притворившись, что верю в это, я сделаю врага менее осторожным...»

– Что ты предлагаешь? – прошептал герцог.

– Сейчас – непрерывное наблюдение, милорд. За ней нужно следить постоянно. Я постараюсь, чтобы это было сделано ненавязчиво. Для такой работы лучше всего подошел бы

Айдахо. Мы могли бы, наверное, в течение недели вернуть его. Мы готовили одного молодого человека из отряда Айдахо – он идеально подходит, чтобы направить его к фрименам на замену Айдахо. Прирожденный дипломат.

– Только чтобы это не вредило нашим отношениям с фрименами.

– Разумеется, сир.

– А что насчет Пауля?

– Можно предупредить доктора Юйэ – пусть присмотрит...

Лето уже повернулся к Хавату спиной.

– Оставляю это на твое усмотрение.

– Я буду осторожен, милорд.

«Хоть на это можно рассчитывать», – подумал Лето и сказал:

– Пойду прогуляюсь. Если я тебе понадобится – я не собираюсь выходить за территорию дворца. Охрану можешь...

– Милорд, прежде чем вы уйдете, – у меня есть ролик, который мог бы вас заинтересовать. Это анализ фрименской религии в первом приближении. Помните, вы просили меня доложить об этом.

Герцог остановился и, не оборачиваясь, досадливо спросил:

– А подождать это не может?

– Разумеется, милорд. Вы спрашивали, что они выкрикивали. Это было слово «Махди!»

И обращено оно было к молодому господину. Когда они...

– К Паулю?

– Да, милорд. У них тут есть легенда, пророчество, что к ним придет вождь, сын женщины из Бене Гессерит, который поведет их к подлинной свободе. Легенда следует обычному мессианскому образцу.

– Они думают, что Пауль и есть этот... этот...

– Они только надеются, милорд. – Хават протянул ему капсулу.

Герцог взял ее и засунул в карман:

– Я просмотрю это позже.

– Разумеется, милорд.

– А сейчас мне нужно... подумать.

– Да, милорд.

Герцог глубоко вздохнул и быстро вышел. Он повернул направо по коридору, замедлил шаг и, заложив руки за спину, двинулся вперед, почти не обращая внимания на окружающее. Сменялись коридоры, лестницы, балконы, залы... Встречные салютовали ему и уступали дорогу.

Он вернулся в комнату совещаний: там было темно, и Пауль спал на столе, укрывшись плащом охранника и положив под голову ранец. Герцог тихо пересек комнату и вышел на балкон, с которого открывался вид на посадочное поле. Охранник, дежуривший на балконе, узнал герцога в тусклом отсвете посадочных огней и встал «смирно».

– Все в порядке, – сказал ему герцог и оперся о холодный металл балюстрады.

На пустыню сошла предрассветная тишина. Он взглянул вверх. Прямо над головой звезды сверкали, точно золотые монеты на иссиня-черном бархате. С юга, зависнув над горизонтом, сквозь легкую пыльную дымку на него глядела Вторая луна – глядела недоверчиво и цинично.

Пока герцог смотрел, луна медленно опустилась за край Барьерной Стены, облив гребни скал стеклистым блеском, и во внезапно спустившейся темноте герцогу стало немного зябко. Он вздрогнул.

И почти в то же мгновение его пронзила вспышка гнева.

«Все последнее время Харконнены вредят мне, травят, охотятся за мной. Эти кучи дерьма с палаческими мозгами! Но я отсюда не уйду! – И заключил с оттенком печали: – Я должен править, пуская в ход глаза и когти – как ястреб среди малых птиц».

Он бессознательно провел рукой по эмблеме ястреба на своем мундире.

На востоке в ночном небе проступил призрачный жемчужно-серый веер, расцвел опаловой морской раковиной, затмившей звезды. Началось долгое, звонкое движение зари, поджегшей небо над изломанным горизонтом.

Это была картина такой красоты, которая поглотила его целиком.

Поистине есть вещи, ни с чем не сравнимые.

Он никогда не мог представить себе, что здесь может существовать нечто столь прекрасное, как этот алый горизонт, пурпурные и охряные скалы. За посадочным полем, там, где слабая ночная роса коснулась жизни в торопливых семенах Арракиса, загорелись огромные пятна красных цветов. Через них бежала цепочка фиолетового... точно следы неведомого великана.

– Прекрасное утро, сир, – тихо произнес охранник.

Герцог кивнул.

«Возможно, эту планету можно полюбить. Может быть, она даже станет хорошим домом моему сыну...»

Затем он увидел людей, движущихся среди цветов и словно обметающих их странными инструментами, напоминающими серпы. Это были сборщики росы. Вода здесь столь драгоценна, что необходимо собирать даже росу.

«...Но она может оказаться и ужасным местом», – подумал герцог.

Нет, наверное, более ужасного мгновения в познании мира – ужаснее, нежели миг, когда открываешь, что отец твой – живой человек из плоти и крови.

(Принцесса Ирулан. «Избранные изречения Муад'Диб»))

– Пауль, то, что я делаю сейчас, – тяжело и отвратительно, но я должен сделать это...

Он стоял рядом с портативным ядоискателем, который доставили в комнату совещаний, чтобы они могли позавтракать там. Сенсорные шупы искателя безвольно повисли над столом, напомнив Паулю какое-то только что издохшее огромное насекомое.

Герцог смотрел в окно на посадочное поле и клубы пыли на фоне утреннего неба.

Перед Паулем был фильмоскоп с роликом о религии фрименов. Ролик составлял один из экспертов Хавата, и Пауль почувствовал, что смущен ссылками на себя.

«Махдй!»

«Лисан аль-Гаиб!»

Он закрыл глаза и снова услышал эти крики взволнованных толп. «Так вот на что они надеются, – подумал он. И вспомнил, что говорила Преподобная Мать, – «Квисатц Хадерах». Воспоминания вновь разбудили в нем чувство ужасного предназначения, вызвали ощущение, что ему знаком этот странный мир, ощущение, которого он не мог объяснить.

– Да, отвратительно, – повторил герцог.

– Что ты имеешь в виду?

Лето повернулся, взглянул на сына:

– Дело в том, что Харконнены решили обмануть меня – чтобы я заподозрил твою мать. Они не знают, что я скорее усомнился бы в самом себе.

– Я тебя не понимаю, отец.

Лето опять посмотрел в окно. Белое солнце вошло в свой утренний квадрант. Молочный свет пронизал бурление пыльных облаков, расплескавшихся в слепых ущельях Барьерной Стены.

Медленно, понизив голос, стараясь сдерживать гнев, герцог рассказал Паулю о таинственной записке.

– С тем же основанием ты мог бы заподозрить и меня, – сказал Пауль.

– Надо, чтобы они думали, будто добились своего, – сказал герцог. – Чтобы считали меня таким дураком. Все должно выглядеть достоверно. Даже твоя мать должна быть уверена, что все это – всерьез и по-настоящему.

– Но почему?

– Нельзя, чтобы реакция твоей матери была игрой, притворством. О, она способна на великолепную игру... но слишком многое поставлено на карту. Я надеюсь разоблачить предателя. Должно казаться, что я полностью обманут. Придется причинить ей эту боль, чтобы она не испытала худших страданий.

– Тогда почему ты рассказываешь это мне, отец? А вдруг я что-то нечаянно выдам?

– Они не станут следить в этом деле за тобой, – сказал герцог. – Ты сохранишь секрет. Ты должен. – Герцог отошел к окну и продолжал не оборачиваясь: – Я рассказываю это тебе для того, чтобы – если со мной что-нибудь случится – ты мог рассказать ей правду: что я никогда, ни на одно мгновение не сомневался в ней. Мне хотелось бы, чтобы она это узнала.

В словах отца он почувствовал мысли о смерти и быстро проговорил:

– С тобой ничего не случится, отец. Ты...

– Не надо, сын.

Пауль всматривался в отца, замечая утомление, сквозившее в наклоне головы, в линии плеч, в медлительности движений.

– Ты просто устал, отец.

– Я устал, – согласился герцог. – Я устал душой. Наверное, вырождение Великих Домов в конце концов поразило и меня. А ведь когда-то мы были такими сильными людьми!

Пауль, внезапно испугавшись, горячо возразил:

– Наш Дом не вырождается.

– Не вырождается?

Герцог повернулся лицом к сыну, показав темные круги под жесткими глазами, циничный изгиб губ.

– Мне следовало жениться на твоей матери, сделать ее герцогиней. Но... то, что официально я не женат, дает надежду на союз со мной некоторым Домам, у которых есть незамужние дочери. – Он пожал плечами. – И я...

– Мать мне это объясняла.

– Ничто не дает вождю большей преданности, чем атмосфера бравяды, смелости, куража, – сказал герцог. – Вот я ее и культивирую.

– Ты руководишь хорошо, – запротестовал Пауль. – Ты хорошо правишь. Люди следуют за тобой добровольно и с любовью.

– Мой корпус пропаганды – один из лучших, – горько усмехнулся герцог, отворачиваясь к пустыне. – Здесь, на Арракисе, у нас больше возможностей, чем Империя могла бы себе представить. Но иногда я думаю, что стоило бы предпочесть бегство, стать отступниками. Иногда я хочу, чтобы мы безымянно и бесследно растворились среди людей, став менее уязвимыми перед...

– Отец!

– Да, я устал, – повторил герцог. – Ты знаешь, что мы используем осадок, получающийся при очистке Пряности, в качестве сырья и уже запустили собственную фабрику по производству фильмомент?

– ?..

– Мы не можем допустить дефицита пленки, – объяснил герцог. – Как иначе мы можем наводнить своей информацией деревню и город? Люди должны знать, сколь хорошо я ими правлю. А как они смогут узнать это, если мы им не расскажем?

– Тебе надо все-таки немного отдохнуть, – сказал Пауль.

Герцог стоял совершенно неподвижно – четкий силуэт на фоне солнца.

– У Арракиса есть еще одно преимущество, о котором я чуть не забыл упомянуть. Пряность тут во всем. Мы вдыхаем ее и съедаем вместе с любой пищей. И я полагаю, это дает определенный иммунитет к некоторым из самых распространенных ядов из «Справочника асассина». И необходимость следить за каждой каплей воды ставит все производство пищи – выращивание дрожжей, гидропонику, производство химовита, – короче, все – под самый строгий надзор. Мы не можем, к примеру, избавиться от большей части нашего населения с помощью яда – поэтому и на нас не могут напасть таким способом. Арракис делает нас моральными и нравственными.

Пауль хотел ответить, но герцог жестом прервал его:

– Мне нужен кто-то, кому я мог бы говорить подобные вещи, сын.

Он вздохнул и опять взглянул на иссушенный ландшафт, откуда теперь исчезли даже цветы – растоптанные сборщиками росы, увядшие под утренним солнцем.

– На Каладане мы правили, используя силу моря и воздуха, – сказал герцог. – Здесь мы должны ухватиться за силу Пустыни. Это твое будущее владение, Пауль. Что с тобой станет, если со мной что-то случится? Наш Дом станет не отступническим, а, так сказать, партизанским Домом – преследуемым, бегущим...

Пауль пытался что-то ответить, но так и не нашел что. Никогда еще он не видел отца таким.

– Чтобы сохранить Арракис, – продолжал герцог, – встаешь перед неизбежностью решений, которые могут стоить тебе самоуважения. – Он указал взглядом на зелено-черное знамя Атрейдесов, безвольно повисшее на флагштоке на краю посадочного поля. – Это благородное знамя может стать символом зла.

Пауль сглотнул пересохшим горлом. Слова отца несли печать обреченности. Мальчик почувствовал пустоту в груди.

Герцог извлек из кармана таблетку стимулятора и проглотил, не запивая.

– Сила и страх, – сказал он. – Вот инструменты государственной власти... Я вынужден еще раз подчеркнуть, как важно, чтобы ты полностью овладел методами партизанской войны. Этот ролик... они называют тебя «Махди», «Лисан аль-Гаибом» – в крайнем случае попробуй поставить на это. Это – твой последний шанс.

Пауль смотрел на отца и видел, как распрямляются его плечи – подействовала таблетка, – но слова страха и сомнения не забывались.

– Почему нет эколога? – пробормотал герцог. – Я же сказал Хавату, чтобы он доставил его сюда пораньше.

Однажды мой отец, Падишах-Император, взял меня за руку, и с помощью методов, которым научила меня моя мать, я почувствовала, что он расстроен. Он привел меня в Зал Портретов и подвел к эго-образу герцога Лето Атрейдеса. Я заметила сильное сходство между ними – моим отцом и этим человеком на портрете, – у обоих художавые, тонкие лица с резкими чертами и холодные яркие глаза. «Принцесса-дочь, – сказал тогда мой отец, – хотел бы я, чтобы ты была постарше, когда этот человек выбирал себе жену...» В то время отцу был семьдесят один год, хотя выглядел он не старше, чем человек на портрете, а мне было всего четырнадцать; однако я помню, как решила тогда, что отец мой тайне желает породниться с герцогом и проклинал политическую неизбежность, сделавшую их врагами.

(Принцесса Ирулан, «В доме моего отца»)

Первая встреча с людьми, которых ему приказали предать, потрясла Кинеса. Он гордился собой, считая себя ученым, для которого легенды – не более чем занятные ключи к истокам культуры. Но мальчик так точно соответствовал древнему пророчеству! У него были «вопрошающий взор» и аура «сдержанной искренности».

Конечно, пророчество оставляло некоторый простор толкованиям – должна ли Богиня-Мать привезти Мессию с собой или же дать Ему жизнь уже здесь? Но все-таки тут было, было это странное соответствие между предсказанием и реальными людьми.

Они встретились утром возле административной башни арракинского космодрома. Неподалеку стоял наготове и тихо жужжал, словно большое сонное насекомое, орнитоптер без опознавательных знаков. Рядом дежурил охранник Атрейдесов с обнаженным мечом и включенным щитом – это было заметно по слабому дрожанию воздуха.

Увидев это дрожание, Кинес позволил себе саркастически улыбнуться: тут Арракис поднесет им сюрприз!

Планетолог поднял руку, отсылая свою фрименскую охрану. Потом направился ко входу в здание – темной дыре в облицованном пластиком камне. Это громоздкое сооружение показалось ему таким незащищенным, таким ненадежным в сравнении с пещерой...

Внутри проема возникло какое-то движение. Тогда он остановился, поправляя плащ и дистикомб.

Двери широко распахнулись, открыв путь тяжеловооруженным охранникам – у всех были станнеры с «медленными» стрелками, мечи и силовые щиты. Вслед за ними появился высокий смуглый черноволосый человек, чьи черты напоминали хищную птицу. На нем был плащ-джубба с гербом Атрейдесов на груди, и то, как он носил плащ, выдавало его незнакомство с этой одеждой – джубба обвивалась вокруг его ног, словно липла к дистикомбу, а не развевалась свободно в ритме шагов, как должно.

Рядом с человеком в плаще шел мальчик – такой же черноволосый, но с более круглым овалом лица. Он выглядел моложе своих лет: как вспомнил Кинес, ему было пятнадцать. Однако, несмотря на юный вид, от него веяло повелительной, спокойной уверенностью, словно он видел и знал в окружающем мире нечто такое, чего не могли увидеть другие. И одет он был в плащ того же фасона, что и его отец, но носил его с небрежной легкостью, заставлявшей думать, будто этот мальчик всегда носил такую одежду.

«Махди будет замечать вещи, которые не могут увидеть другие», – гласило пророчество.

Кинес потряс головой, сказав себе: «Эти двое – лишь люди».

Вместе с герцогом и его сыном появился одетый, подобно им, для пустыни, человек, которого Кинес узнал, – Гурни Халлек. Кинес глубоко вздохнул, стараясь унять свое раздражение против Халлека, осмелившегося поучать его, как надо вести себя с герцогом и герцогским наследником.

«Можете обращаться к герцогу «милорд» или «сир». Слово «высокородный» тоже допустимо, хотя это – обращение для более официальных случаев. Сына его можете называть «молодым господином» или «милордом». Герцог – очень снисходительный человек, но не выносит фамильярности».

И, глядя на приближающуюся группу, Кинес подумал: «Они достаточно скоро узнают, кто на Арракисе господин и хозяин. Надо же, приказали этому ментату расспрашивать меня среди ночи! Ждут, чтобы я помог им в проверке разработок Пряности!»

Смысл вопросов Хавата не ускользнул от Кинеса. Им нужны имперские базы. И ясно, что о базах они узнали от Айдахо.

Я велю Стилгару послать этому герцогу голову Айдахо.

Отряд герцога был теперь всего лишь в нескольких шагах от него, и песок скрипел под их пустынными сапогами.

Кинес поклонился:

– Милорд герцог, приветствую вас.

Пока Лето шел к орнитоптеру, он хорошо рассмотрел стоявшего рядом с машиной человека: Кинес был высок, худощав, одет для пустыни – в свободную накидку, дистикомб и низкие сапоги. Капюшон был небрежно отброшен, лицевой клапан отстегнут и висел сбоку, открывая взору песочного цвета волосы и редкую бороду. Глаза под густыми бровями были бездонно синими, их обвели круги въевшейся пыли.

– Вы эколог, – утвердительно сказал герцог.

– Мы здесь предпочитаем старый титул, милорд, – уточнил Кинес. – Планетолог.

– Что же, как вам угодно, – пожал плечами герцог и повернулся к Паулю: – Сын, это Арбитр Смены, судья в спорах, человек, назначенный проследить, чтобы в нашем вступлении во владение этим леном были соблюдены необходимые формальности... – Герцог взглянул на Кинеса. – А это мой сын.

– Приветствую вас, – поклонился Кинес Паулю.

– Вы фримен? – спросил Пауль.

Кинес улыбнулся:

– Меня принимают и в сиемте, и в деревне, молодой господин, но я состою на службе Его Величества, я – Имперский Планетолог.

Пауль кивнул, удивленный аурой силы, исходящей от этого человека. Халлек показал Кинеса Паулю из верхнего окна административной башни: «Вон тот человек, окруженный фрименским эскортом, – тот, что сейчас направляется к орнитоптеру».

Пауль быстро осмотрел Кинеса в бинокль, отметив горделиво сжатые тонкие губы, высокий лоб. Халлек шепнул Паулю:

– Станный тип. Разговаривает очень четко – никаких неопределенностей, каждая фраза словно бритвой отрезана.

И герцог, стоя позади, добавил:

– Типичный ученый.

Теперь же, находясь в нескольких футах от этого человека, Пауль ощутил силу его личности, такую, словно Кинес был рожден повелевать.

– Как я понимаю, за дистикомбы и эти плащи мы должны благодарить вас, – проговорил герцог.

– Надеюсь, они вам впору, милорд, – сказал Кинес. – Они фрименского производства и подобраны максимально близко к размерам, которые сообщил мне вот этот ваш человек – Халлек.

– Меня обеспокоили ваши слова о том, что без этих одежд вы не ручаетесь за нашу безопасность в пустыне, – сказал герцог. – Мы ведь можем взять с собой сколько угодно воды. К тому же мы не собираемся далеко отходить от орнитоптера, и у нас есть прикрытие с воздуха – вот эти машины, которые сейчас прямо над нами. Не может быть, чтобы нам что-то угрожало!

Кинес внимательно посмотрел на него, отметив насыщенную влагой кожу, и холодно заметил:

– Никогда не говорите, что может быть на Арракисе и чего не может. Здесь говорят только о вероятности.

Халлек подобрался:

– К герцогу следует обращаться «милорд» или «сир»!

Лето условным жестом приказал Халлеку умолкнуть и сказал:

– Наши порядки внове здесь, Гурни. Будь снисходительнее.

– Как прикажете, сир.

– Мы перед вами в долгу, доктор Кинес, – промолвил Лето. – И запомним эти костюмы и вашу заботу о нас.

По какому-то внезапному побуждению Пауль вспомнил цитату из Экуменической Библии и тихо произнес:

– «Дар есть благословение дающего».

И слова его неожиданно звучно разнеслись в тишине неподвижного воздуха. Фрименские охранники Кинеса, сидевшие на корточках в тени административной башни, повскакивали, что-то бормоча в явном возбуждении. Один из них воскликнул: «Лисан аль-Гаиб!»

Кинес быстро повернулся и раздраженно махнул охранникам рукой. Те, негромко, но возбужденно переговариваясь, неохотно отошли за угол здания.

– Любопытно, – пробормотал Лето.

Кинес твердо взглянул на герцога и Пауля:

– Большинство жителей Пустыни крайне суеверны. Не стоит обращать на них внимания.

Они не имели в виду ничего дурного.

Но он не мог не вспомнить слова из легенды: «Они будут приветствовать вас Святыми Словами, и дары ваши будут благословенны».

Впечатление о Кинесе – частично основанное на кратком устном сообщении Хавата (осторожном и полном подозрений) – внезапно выкристаллизовалось для Лето: Кинес был фрименом. Кинес прибыл с фрименским эскортом, что могло, конечно, означать всего лишь, что фримены проверяют свое новообретенное право свободно перемещаться в черте города, – но эскорт этот выглядел скорее как почетная охрана. И по манерам Кинес был гордым человеком, привычным к свободе, и речь его и поведение сдерживались лишь его собственными подозрениями. Вопрос Пауля был прямо по существу.

Лето стал воспринимать Кинеса как местного жителя.

– Не пора ли нам отправляться? – спросил Халлек.

Герцог кивнул:

– Я полечу на своем топтере. Кинес может сесть в него рядом со мной – чтобы показывать дорогу. Вы с Паулем сядете сзади.

– Одну минуту, – сказал Кинес. – С вашего позволения, сир, я должен проверить ваши дистикомбы.

Герцог хотел было возразить, но Кинес опередил его:

– Я здесь не меньше забочусь о себе, чем о вас... милорд. Я слишком хорошо знаю, чье горло будет перерезано, случись что-нибудь с вами и вашим сыном, пока вы на моем попечении.

Герцог нахмурился, взвешивая возможности. Вот так ситуация! Отказавшись, я могу его оскорбить. А ценность этого человека для меня, возможно, неизмерима. Но... позволить ему пройти *внутримоей защиты, коснуться меня, когда я так мало о нем знаю?*

Эти мысли пронеслись, перейдя в твердое решение.

– Мы в ваших руках, – спокойно сказал он и шагнул вперед, раскрывая свой плащ и заметив, что Халлек приподнимается на носках, напрягшись как натянутая струна.

– И если вы окажете любезность, – добавил герцог, – я был бы весьма благодарен за разъяснения об этом костюме – вы так хорошо знакомы с ним.

– Разумеется, – отозвался Кинес, нащупывая на плече под плащом герцога герметичные застежки. Проверяя их, он начал: – Костюм многослойный – высокоэффективный фильтр и теплообменная система. – Он поправил застежки. – Слой, примыкающий к коже, пористый. Пот проходит сквозь него, охлаждая тело... идет почти нормальный процесс испарения. Следующие два слоя... – Кинес подтянул подгоночный ремешок на груди, – ...содержат волоконные теплообменники и осадители солей. Соли также используются вновь.

Герцог развел руками:

– В самом деле, очень интересно.

– Вдохните поглубже, – сказал Кинес.

Планетолог рассмотрел застёжки возле подмышек, подтянул одну из них.

– Движения тела, в особенности дыхание, – сказал он, – а также осмотические процессы обеспечивают нагнетающую силу... – Он слегка ослабил ремешок на груди. – Утилизируемая вода переходит в накопительные карманы, из которых ее и извлекают через эту вот трубку, закрепленную в зажиме под шеей.

Герцог опустил голову, чтобы увидеть конец трубки.

– Эффективно и удобно, – хмыкнул он. – Хорошее изобретение.

Кинес опустился на колени, проверяя, как подогнан комбинезон на ногах.

– Моча и экскременты обрабатываются в буртиках на бедрах, – сказал он и поднялся на ноги, проверил воротник и поднял прикрепленный к нему клапан. – В открытой пустыне этим фильтром закрывают лицо, а трубку с этими пробками, обеспечивающими плотную подгонку, вставляют в ноздри. Вдыхают через ротовой фильтр, выдыхают через носовую трубку. С таким фрименским костюмом, конечно, если он в хорошем рабочем состоянии, вы потеряете не более плотка влаги в сутки – даже если окажетесь в Великом Эрге.

– Глоток в сутки! – повторил герцог.

Кинес надавил пальцем на лобную подушечку костюма и добавил:

– Она может немного натирать лоб. Если она вызовет раздражение кожи, пожалуйста, скажите мне. Я мог бы подогнать ее чуть плотнее.

– Благодарю, – сказал герцог. Когда Кинес на шаг отступил, герцог повел плечами в костюме, ощутив, что теперь костюм сидит лучше – плотнее и меньше раздражает.

Кинес повернулся к Паулю:

– Теперь займемся мальчиком...

«Он хороший человек, но ему следует научиться обращаться к нам должным образом», – подумал герцог.

Пока Кинес проверял его костюм, Пауль стоял неподвижно. Он вспомнил ощущения при примерке дистикомба: странно-гладкая, скользящая ткань в мелких морщинах... Разумеется, он прекрасно знал, что никогда раньше не надевал дистикомб. Но каждое движение собственных пальцев, подгоняющих застёжки-липучки под неумелым руководством Гурни, казалось естественным, инстинктивным. Когда он затягивал костюм на груди, чтобы добиться максимальной нагнетающей силы от дыхания, он знал, что делает и почему. Когда стягивал ткань на шее и плотнее прилаживал лобную подушку, он знал, что, если этого не сделать, кожу сотрет до волдырей.

Кинес выпрямился и озадаченно отступил.

– Вы уже носили раньше дистикомб? – спросил он.

– Сегодня я надел его в первый раз.

– Значит, кто-то помог вам его подогнать?

– Нет.

– Голенища ваших пустынных сапог приспущены и закреплены у щиколотки. Кто вас этому научил?

– Мне казалось, что так будет правильно.

– И будьте уверены – это действительно правильно.

Кинес потер щеку, вспоминая слова легенды: «И будет он знать ваши пути, словно он рожден для них».

– Мы теряем время, – сказал герцог и, указав рукой на ожидающий топтер, двинулся к нему. Охранник отдал честь, герцог кивнул в ответ. Поднявшись в топтер, он закрепил свои ремни безопасности, пробежал пальцами по панели управления. Амортизаторы машины поскрипывали, когда его спутники садились.

Кинес тоже закрепил ремни и огляделся. Салон орнитоптера был непривычно комфортабельным, даже слишком роскошным – мягкая серо-зеленая обивка, мерцающие приборы,

чистый увлажненный воздух, наполнивший его грудь, как только дверцы захлопнулись и мягко загудел кондиционер.

«Как удобно», – подумал он.

– Все в порядке, сир, – доложил Халлек.

Лето включил питание крыльев, ощутил их взмахи – раз, другой. Машина оторвалась от земли на десять метров, крылья напряглись, застыли, и кормовые реактивные двигатели, засвистев, толкнули топтер круто вверх.

– Держите к юго-востоку над Барьерной Стеной, – посоветовал Кинес. – Я сказал вашему дюнмастеру, чтобы он направил оборудование туда.

– Хорошо.

Герцог заложил вираж, машины сопровождения повторили маневр, заняли свои места, и группа повернула на юго-восток.

– Конструкция и налаженное производство этих дистикомбов говорят о высоком уровне технологии, – заметил герцог.

– Когда-нибудь, если пожелаете, я покажу вам фабрику в одном из сиегчей, – отозвался Кинес.

– Было бы интересно посмотреть, – кивнул герцог. – Я заметил, что дистикомбы производятся и в некоторых гарнизонных городках.

– Скверная имитация, – ответил Кинес. – Если обитатель Дюны заботится о своей шкуре, он носит фрименский комбинезон.

– И такой костюм позволяет свести расход воды до глотка в день?

– Когда правильно надет – с плотно пригнанной лобной подушкой и хорошей герметизацией, – тогда главный расход воды идет через ладони, – объяснил Кинес. – Если не требуется выполнять руками тонкую работу, можно надеть перчатки костюма, но большинство фрименов в открытой Пустыне предпочитают натирать руки соком листьев креозотового кустарника. Он подавляет потение.

Герцог бросил взгляд вниз, на изломанный ландшафт Барьерной Стены – истерзанные скалы, желто-бурые пятна, прорезанные черными линиями разломов. Будто какой-то исполин сбросил все это с орбиты и оставил так, как упало...

Они пролетели над мелким бассейном, на котором четко выделялись полосы серого песка, пересекавшие бассейн от горловины до противоположной стороны, где пальцы песчаной дельты тянулись вверх по темной скале.

Кинес откинулся в кресле, думая о пропитанных водой телах, одетых в дистикомбы. Поверх плаща у каждого был щит-пояс, а на поясе – кобура станнера с медленными стрелками; маленькие, с монетку, аварийные передатчики-медальоны на шее. И у герцога, и у его сына были ножи на запястьях, и ножны их выглядели изрядно потертыми. Люди эти поразили Кинеса странным сочетанием мягкости и силы. В них чувствовалась какая-то уравновешенность – как были они в этом отличны от Харконненов!

– Когда вы будете докладывать Императору о смене правления, сообщите ли вы, что мы соблюдаем правила? – спросил Лето, на миг переводя взгляд с приборной панели на Кинеса.

– Харконнены ушли, вы пришли, – ответил Кинес.

– И всё как полагается? – спросил Лето.

У Кинеса напряглось лицо.

– Как планетолог и Арбитр Смены, я непосредственно подчиняюсь Империи... милорд. Герцог жестко улыбнулся:

– Но нам обоим известно реальное положение дел.

– Позволю себе напомнить, что Его Величество покровительствует моей работе.

– Да? И в чем же она состоит?

В наступившей тишине Пауль подумал: «Отец слишком жестко давит на этого Кинеса».

Пауль покосился на Халлека, но воин-менестрель старательно вглядывался в унылый ландшафт за колпаком кабины.

Кинес натянуто проговорил:

– Вы, разумеется, имеете в виду мои обязанности как планетолога.

– Разумеется.

– Главным образом это биология и ботаника пустыни... кроме того, немного геологии – бурение и взятие образцов. Возможности целой планеты никогда нельзя исчерпать.

– Пряность вы тоже исследуете?

Кинес чуть вздрогнул, и Пауль отметил каменную линию его скулы.

– Странный вопрос, милорд.

– Не забывайте, Кинес, что теперь это мой лен, а мои методы отличаются от харконненских. Меня не будут заботить ваши исследования Пряности до тех пор, пока вы будете посвящать меня в свои открытия. – Герцог в упор взглянул на планетолога. – Харконнены не поощряли исследований Пряности, не так ли?

Кинес не ответил.

– Здесь вы можете говорить откровенно, не опасаясь за свою жизнь, – сказал герцог.

– Императорский двор действительно далеко, – пробормотал Кинес и подумал: «Чего ждет от меня этот налитый водой пришелец? Неужели он считает меня настолько глупым, что надеется привлечь на свою сторону?»

Герцог рассмеялся, глядя на приборы:

– Как-то вы кисло отвечаете. Я вас понимаю: мы заявили сюда с целой армией дрессированных убийц и ждем, что вы немедленно поймете, насколько мы отличаемся от Харконненов, так?

– Я читал ваши пропагандистские материалы, которыми вы наводнили и сиегичи, и деревни, – сказал Кинес. – «Любите доброго герцога». Ваш пропагандистский корпус...

– Хватит! – рявкнул Халлек. Он подался вперед – его больше не интересовали пейзажи внизу.

Пауль положил ладонь на плечо Халлека.

– Гурни! – укоризненно сказал герцог и оглянулся. – Этот человек долго жил при Харконненах.

Халлек, помедлив мгновение, расслабился:

– Извините, сир.

– Ваш Хават – тонкий человек, – сказал Кинес. – Но цель его достаточно ясна.

– Значит, вы расскажете нам об этих базах? – спросил герцог.

Кинес резко ответил:

– Они принадлежат Его Величеству.

– Но они не используются.

– Их *можно* использовать.

– И Его Величество тоже так считает?

Кинес твердо взглянул на герцога:

– Арракис мог бы стать подлинным раем, если бы его правители поменьше думали о выкачивании Пряности.

«Он не ответил на мой вопрос», – подумал герцог и сказал:

– Как планета может стать раем без денег?

– Что такое деньги, если на них нельзя купить того, что вам нужно? – вопросом на вопрос ответил Кинес.

«Ах вот как!» – подумал герцог, а вслух сказал:

– Мы обсудим это в другой раз. А сейчас, кажется, мы приближаемся к внешнему краю Барьерной Стены. Мне держать тот же курс?

– Тот же, – пробормотал Кинес.

Пауль посмотрел в свое окно. Внизу под ними гористый ландшафт постепенно перешел в унылое плоскогорье, потом в кинжальные выступы шельфа. За шельфом к горизонту тянулись серповидные холмики дюн, изредка перемежаемые более темными пятнами песка. Может быть, скальные обнажения. Яснее увидеть мешал раскаленный, дрожащий воздух у поверхности.

– Есть ли здесь какие-нибудь растения? – спросил Пауль.

– Есть, – ответил Кинес. – В этих широтах в основном водятся мелкие водокрады, как мы их зовем, – буквально охотятся друг на друга ради воды, собирают даже слабые следы росы. Некоторые участки Пустыни прямо-таки кишат жизнью. И вся она приспособилась к этим условиям. Если вы окажетесь в песках, вам придется подражать этой жизни – иначе погибнете.

– Вы имеете в виду – придется красть воду друг у друга? У людей? – спросил Пауль. Идея возмутила его, и голос это выдал.

– Бывает и так, – признал Кинес. – Но я имел в виду другое. Видите ли, климат моей планеты волей-неволей приучает к особому отношению к воде – *требует* такого отношения. Вы все время помните о воде – и не можете позволить себе потерять ничего, в чем есть хоть капля влаги.

И герцог повторил про себя: «...климат моей планеты!..»

– Возьмите на два градуса южнее, милорд, – обратился к нему планетолог. – С запада идет ветер.

Герцог кивнул. Он уже увидел, как с запада накатывается кипящая волна рыжей пыли. Он развернул орнитоптер – сопровождающие машины повторили вираж, их крылья сверкнули оранжевым, отраженным от дюн блеском.

– Думаю, мы обойдем фронт бури, – спокойно сказал Кинес.

– Опасно, должно быть, попасть в такую бурю, – заметил Пауль. – Это правда, что песок, который она несет, режет даже самые прочные металлы?

– На этих высотах речь идет скорее о пыли, а не о песке, – ответил Кинес. – Поэтому понастоящему опасны потеря видимости, турбулентные потоки, забитые воздухозаборники.

– А мы сегодня увидим, как добывают Пряность? – спросил Пауль.

– Возможно, – отозвался Кинес.

Пауль откинулся на спинку кресла. Вопросы были нужны ему, чтобы, используя способности к сверхвосприятию, «отметить» нового знакомого, как учила мать. Теперь он запомнил его – голос, мельчайшие детали лица и жестов. Неестественная складка на рукаве, почти незаметная, выдавала нож в пристегнутых к предплечью ножнах. Кроме того, он заметил странные выпуклости на поясе Кинеса. Пауль слышал, что люди Пустыни подпоясывались кушаком, в котором носили всякие мелкие предметы. Видимо, Кинес тоже носил такой кушак – силовым щитом это быть никак не могло. Ворот одеяния скрепляла бронзовая фибула с выгравированным на ней зверьком – кажется, зайцем. Вторая брошь, поменьше, с тем же изображением, была прикреплена к откинутому на спину капюшону.

Халлек изогнулся в своем кресле (он сидел бок о бок с Паулем) и извлек из заднего отсека балисет. Когда он начал настраивать его, Кинес бросил взгляд назад.

– Что мне сыграть, молодой господин?

– Что хочешь, Гурни. Выбери сам, – ответил Пауль.

Халлек склонился к деке, взял аккорд и негромко запел:

Отцы наши ели манну,
манну в пустыне —
В пылающих землях,
на землях жестоких смерчей.

О Боже, спаси нас,
спаси, пусть гибель нас минет,
Спаси, о, спаси нас
Из этой земли раскаленной,
палящей,
О, выведи, Боже, своих
из этой пустыни детей!..

Кинес искоса посмотрел на герцога:

– Вы действительно берете с собой весьма небольшую охрану, милорд. Но неужели каждый из них столь разносторонне одарен?

– Гурни? – усмехнулся герцог. – Гурни в своем роде уникален. Я предпочитаю, чтобы он всегда был подле меня – у Гурни удивительно зоркий глаз. Мало что ускользает от его внимания.

Планетолог слегка нахмурился.

Халлек, не прерывая мелодию, вставил:

Ибо я подобен сове,
пустынной сове – о!
Айя! да, подобен пустынной сове!

Герцог протянул руку, поднял из гнезда на панели микрофон и щелкнул кнопкой:

– Ведущий – Гемме. Летящий объект на девять часов⁷, сектор Б. Опознать объект.

– Это всего лишь птица, – произнес Кинес и добавил: – У вас прекрасное зрение.

Динамик на пульте затрещал, затем послышался ответ:

– Гемма – Ведущему. Объект рассмотрен при максимальном увеличении и опознан как птица. Это большая птица.

Пауль взглянул в названный отцом участок неба. Действительно, там мелькала крохотная точка. Отец возбужден, подумал он. Все его чувства настороже.

– Вот не думал, что так глубоко в Пустыне встречаются такие большие птицы, – заметил герцог.

– Орел, наверное, – сказал Кинес. – Живые существа могут адаптироваться к любым условиям.

Орнитоптер прошел над голой каменистой равниной. Пауль, глядя вниз с двухкилометровой высоты, ясно разглядел на камне смятую неровностями почвы тень их машины и рядом – тени орнитоптеров сопровождения. Земля казалась совершенно плоской, но скользящие тени разрушали эту иллюзию.

– Удавалось кому-либо выйти из Пустыни? – поинтересовался герцог.

Музыка Халлека смолкла – Гурни прервался в ожидании ответа.

– Не из глубокой, – ответил Кинес. – Было несколько случаев, когда люди выходили из второй зоны Пустыни. Они выжили, потому что шли по районам, где есть скальные отложения – туда черви заходят редко.

Что-то в тембре голоса Кинеса насторожило Пауля. Его внимание и чувства сразу же обострились – годы тренировок не прошли зря.

– А-а, черви... – задумчиво сказал герцог. – Надо будет когда-нибудь обязательно посмотреть на червя.

⁷ то есть на 90° влево.

– Возможно, уже сегодня вам представится такая возможность, – отозвался Кинес. – Где Пряность, там и черви.

– Всегда? – переспросил Халлек.

– Всегда.

– Надо ли это понимать так, что между червями и Пряностью существует какая-то связь? – небрежно спросил герцог.

Кинес повернулся, и Пауль заметил, как сжаты его губы.

– Черви охраняют пески, где есть Пряность, – разъяснил планетолог. – У каждого червя есть своя... территория. Что касается Пряности... кто знает? Те образцы песчаных червей, которые мы исследовали, указывают на возможность весьма сложных химических процессов, протекающих в их организме. Так, в некоторых капиллярах и протоках желез отмечены следы соляной кислоты, а в других частях их тела – и гораздо более сложные кислоты. Я вам дам мою монографию об этом предмете.

– Щиты не спасают? – спросил герцог.

– Щиты! – презрительно бросил Кинес. – Только включите силовой щит там, где водятся черви, и ваша судьба решена. В таких случаях черви не обращают внимания даже на границы своих угодий и стекаются со всех концов, чтобы наброситься на источник силового поля. Никто из пользовавшихся щитом в Пустыне не пережил такую атаку.

– Тогда как же их ловят?

– Приходится бить их током высокого напряжения – причем каждый сегмент их тела в отдельности, – объяснил Кинес. – Это единственный способ. Их можно усыпить станнером, можно слегка оглушить взрывом, даже порвать – но каждый сегмент тела будет жить отдельно. Причем я не знаю, какое взрывчатое вещество – исключая лишь ядерное оружие – может уничтожить червя целиком. Они необычайно живучи.

– Почему вы не попытались истребить всех червей? – поинтересовался Пауль.

– Слишком дорого, – ответил Кинес. – И слишком большая территория...

Пауль снова откинулся на спинку сиденья. Его «чувство правды», восприимчивость к оттенкам голоса говорили, что Кинес в чем-то лжет, что его слова – полуправда. И он сказал себе: *«Если связь между червями и Пряностью все же есть, уничтожить червей – значит уничтожить Пряность!»*

– Скоро отпадет всякая вероятность того, что кому-то придется выбираться из Пустыни самому, – заявил герцог. – Стоит включить вот такой радиомаячок (он тронул медальон у себя на шее), и спасательная группа вылетит немедленно. В ближайшее время все наши работники получают такие же аварийные передатчики. Мы создаем специальную спасательную службу.

– Похвальное намерение, – отметил Кинес.

– Судя по вашему тону, вы не согласны с идеей спасательной службы, – нахмурился герцог.

– Не согласен? Отчего же, я согласен. Вот только пользы от вашей службы будет немного. Создаваемые бурями помехи глушат почти все сигналы. Передатчики просто коротит. Здесь уже пробовали внедрить нечто подобное, знаете ли. Но Арракис круто обращается с техникой. Кроме того, если на вас охотится червь, то вы просто не дождетесь спасателей: чаще всего у вас есть пятнадцать, самое большее двадцать минут.

– Тогда что бы вы посоветовали? – спросил герцог.

– Вы спрашиваете у меня совета?

– Да – как у планетолога.

– И вы ему последуете?

– Коль скоро сочту его разумным.

– Прекрасно, милорд. В таком случае вот мой совет: никогда не путешествуйте в одиночку.

Герцог даже оторвался от панели управления.

– И это все?

– Это все. Никогда не путешествуйте в одиночку, на одной машине.

– А если, допустим, машины разбросало бурей и приходится – в одиночку – идти на вынужденную посадку? – спросил Халлек. – Можно что-то предпринять в этом случае?

– «Что-то» – очень широкое понятие, – пожал плечами Кинес.

– А что бы сделали вы? – спросил Пауль.

Кинес бросил жесткий взгляд на подростка, снова повернулся к герцогу.

– Я, прежде всего, заботился бы о целостности своего дистикомба. Если бы я оказался вне ареала обитания песчаных червей или на скалах, я остался бы вблизи орнитоптера. В противном же случае постарался бы возможно быстрее уйти от него на максимальное расстояние. Тысячи метров обычно достаточно. Затем я бы укрылся под плащом. Червь уничтожит топтер, но, возможно, не заметит меня.

– И что потом? – спросил Халлек.

Кинес пожал плечами:

– Потом? Остаётся ждать, когда червь уйдет.

– Это все? – спросил Пауль.

– Когда червь уйдет, можно попытаться выбраться из пустыни, – ответил Кинес. – И если идти тихо, обходить барабанные пески и приливные провалы – пыльные ямы, можно выйти на ближайший скальный участок. Таких участков довольно много, так что какие-то шансы будут.

– Что такое барабанные пески? – встрял Халлек.

– Участки уплотненного песка, – ответил Кинес. – Самый легкий шаг заставляет их греметь, как барабан. А черви всегда приходят на этот звук, – добавил он.

– А приливный провал? – спросил герцог.

– Углубления в почве пустыни, за столетия заполнившиеся пылью. Иногда они так велики, что в них есть течения и приливы. И любой из этих провалов поглотит всякого, кто неосторожно ступит на его поверхность...

Халлек устроился в кресле поудобнее и снова взялся за балисет. Проиграв вступление, он запел:

Здесь в пустыне охотятся дикие звери,
Поджидая беспечных в смертельных песках.
О, не надо гневить, искушать здесь богов,
властелинов пустыни,
Коль не ищешь ты гибели в этих страшных краях.
О, опасности...

Внезапно он оборвал песню, подался вперед:

– Сир, пыльное облако прямо по курсу.

– Вижу, Гурни.

– Вот туда нам и надо, – кивнул Кинес.

Пауль приподнялся, глядяваясь. Впереди, километрах в тридцати, по поверхности пустыни катилось пыльное облако.

– Это один из ваших меланжевых комбайнов-подборщиков, – пояснил Кинес. – Он спущен на поверхность – а это значит, что он находится на меланжевой россыпи. Облако – это выбрасываемый комбайном отработанный песок, из которого на гридексе и центрифуге выбрана Пряность. Это облако ни с чем не спутаешь.

– Вижу летательный аппарат над облаком, – объявил герцог.

– Я вижу два... три... четыре топтера-наводчика, – ответил Кинес. – Наблюдают за пустыней – высматривают знак червя.

– Знак червя? – переспросил герцог.

– Он выглядит как песчаная волна, движущаяся к краулеру. Конечно, приходится расставлять и сейсмодатчики на поверхности: червь зачастую идет так глубоко, что волна не образуется. – Кинес обвел взглядом небо. – Странно, что не видно грузолета: он должен бы быть где-то поблизости.

– Так черви, по-вашему, появляются всегда? – спросил Халлек.

– Всегда.

Пауль тронул Кинеса за плечо:

– Какую территорию занимает каждый червь?

Кинес свел брови. Этот ребенок продолжал задавать взрослые вопросы.

– Это зависит от размеров червя.

– Ну а все-таки? – спросил герцог.

– Большие контролируют триста – четыреста квадратных километров. Маленькие... – Он замолк: герцог резко включил реактивные тормоза.

Машина дернулась, словно взбрыкнувший скакун. Кормовые двигатели со свистом отключились: короткие крылья раскрылись, вытянулись во всю длину, захватили воздух широким взмахом. Аппарат стал теперь полностью орнитоптером и летел, плавно взмахивая крыльями. Правая рука герцога лежала на рычаге, левой он показывал на восток, за комбайн.

– Это – знак червя?

Кинес перегнулся через его плечо, в смотрелся вдаль.

Пауль и Халлек оказались прижаты друг к другу. Пауль заметил, что сопровождающие орнитоптеры, не сумев повторить неожиданный маневр герцога, залетели вперед и теперь разворачивались. Комбайн был все еще впереди, километрах в трех.

Там, куда показывал герцог, среди тянувшейся к горизонту теневой ряби дюнных полу-месяцев по прямой линии двигалась песчаная волна – продолговатый песчаный холм. Пауль вспомнил, как тревожит водную гладь плывущая под поверхностью рыба.

– Да, червь, – сказал Кинес, – и большой.

Он повернулся, взял с панели микрофон, переключил частоту. Бросив взгляд на карту, закрепленную над головой на роликах для перемотки, планетолог произнес в микрофон:

– Вызываю краулер на Дельта Аякс Девять. След червя. Внимание, краулер на Дельта Аякс Девять – след червя. Подтвердите прием.

Динамик затрещал помехами, затем послышался ответ:

– Кто вызывает Дельта Аякс Девять? Прием.

– Они что-то слишком спокойны, – заметил Гурни.

Кинес сказал в микрофон:

– Вызывает орнитоптер, совершающий неплановый полет, находимся в трех километрах к северо-востоку от вас. Червь идет пересекающим курсом, предположительно перехватит вас через двадцать пять минут.

Теперь из динамика раздался новый голос:

– Говорит командир звена наводчиков-наблюдателей. Подтверждаю сообщение: след червя. Рассчитываю время сближения.

Короткая пауза, затем:

– Максимальное время – двадцать шесть минут. Неплановый, прекрасная оценка времени. Кто у вас на борту? Прием.

Халлек отстегнул привязные ремни и вклинился между Кинесом и герцогом.

– Кинес, это обычная рабочая частота?

– Да. А что?

– Кто нас услышит?
– Только рабочие команды в этом районе. Так рассчитано, чтобы они не мешали друг другу и не устраивали кашу в эфире.

Динамик снова затрещал:

– Здесь Дельта Аякс Девять. Кто получит премию за предупреждение? Прием.

Халлек взглянул на герцога.

Кинес объяснил:

– Тот, кто первый заметит знак червя и оповестит о нем, получает премию – процент от добычи. Поэтому они хотят знать...

– Ну так передайте им, кто первым обнаружил червя, – сказал Халлек.

Кинес поколебался, поднял микрофон:

– Премию получает герцог Лето Атрейдес. Герцог Лето Атрейдес. Прием.

Голос в динамике был спокоен, но искажен особенно сильным треском помех:

– Вас поняли. Благодарим.

– А теперь, – распорядился Халлек, – скажите им, пусть разделят премию между собой. Скажите, что так желает герцог.

Кинес сделал глубокий вздох и заговорил:

– Герцог желает, чтобы вы поделили его премию между собой. Как поняли? Прием.

– Поняли хорошо и благодарим, – ответил динамик.

Герцог сказал, обращаясь к планетологу:

– Да, я забыл упомянуть, что Гурни также талантливый специалист по связям с общественностью.

Кинес бросил на Халлека озадаченный взгляд.

– Таким образом люди увидят, что их герцог заботится об их безопасности, – пояснил Халлек. – И об этом случае будут говорить. А поскольку обмен шел на зональной рабочей частоте, не думаю, что харконненские агенты слышали нас. – Он мельком глянул на сопровождающий топтер. – К тому же мы неплохо защищены. Так что риск был оправдан.

Герцог направил машину к песчаному облаку, извергаемому комбайном.

– Что они предпримут?

– Где-нибудь неподалеку должен находиться грузолет, – ответил Кинес. – Он прилетит и заберет краулер.

– Что, если грузолет попадет в аварию? – спросил Халлек.

– Вы же знаете – часть оборудования гибнет, – ответил Кинес. – Милорд, советую полететь поближе и посмотреть сверху. Вам это должно показаться любопытным.

Герцог свел брови и, быстро работая управлением, удерживал орнитоптер в равновесии в завихрениях воздуха над комбайном.

Пауль посмотрел вниз. Песок все еще летел из пластика-металлического монстра под ними. Комбайн походил на огромного, желто-бурого с голубым жука, раскорячившегося на длинных лапах со множеством широких гусениц. Впереди у жука был хоботок в виде огромной перевернутой воронки, засунутой в песок.

– Богатая россыпь, судя по цвету, – отметил Кинес. – Они будут работать до последней минуты.

Герцог добавил мощности на крылья, увеличил их жесткость, опустился ниже и вошел в планирующий полет по кругу над краулером. Оглядевшись, он увидел, что сопровождающие топтеры заняли позицию выше и также кружат над ними.

Пауль разглядывал вырывающееся из отводных труб облако песка, перевел взгляд на пустыню, откуда неумолимо приближался червь.

– Почему мы не слышали, чтобы они вызвали грузолет? – спросил Халлек.

– Обычно связь с грузолетом идет на другой частоте, – ответил Кинес.

– Следовало бы держать наготове по два грузолета на каждый комбайн, – заметил герцог. – Там, внизу, на этой машине, двадцать шесть человек, не говоря уже о стоимости оборудования.

– У вас для этого недостаточно... – начал Кинес, но тут его прервал голос по радио:

– Эй, на наводчиках! Кто-нибудь из вас видит крыло? Оно не отвечает.

Раздался разноголосый хор – все наблюдатели заговорили впереводку. Их голоса перекрыл гудок. Наблюдатели смолкли, снова заговорил первый голос:

– Отвечайте по порядку номеров! Прием.

– Говорит командир звена наводчиков. В последний раз я видел, как крыло кружит довольно высоко на северо-востоке. Сейчас его не вижу. Прием.

– Наводчик Первый: крыло не вижу. Конец.

– Наводчик Второй: крыло не вижу. Конец.

– Наводчик Третий: крыло не вижу. Конец.

Молчание.

Герцог взглянул вниз:

– У них только четыре топтера-наводчика, да?

– Правильно, – ответил Кинес.

– У нас пять, – продолжил герцог. – И наши машины больше. Каждый из наших топтеров может взять дополнительно по три человека. Их наводчики – по два, полагаю.

Пауль быстро подсчитал:

– Остаются еще трое.

– Так почему у них нет второго грузолета?! – разъяренно спросил герцог.

– У вас для этого недостаточно машин, – ответил Кинес.

– Тем более надо беречь то, что есть!

– Куда мог подеваться грузолет? – сердито спросил Халлек.

– Возможно, они совершили вынужденную посадку за пределами видимости, – ответил Кинес.

Герцог выхватил микрофон, задержал палец над кнопкой:

– Но как они могли выпустить грузолет из виду?

– Они наблюдают прежде всего за землей – высматривают знак червя, – объяснил Кинес.

Герцог щелкнул кнопкой:

– Здесь ваш герцог. Спускаемся, чтобы эвакуировать команду с Дельта Аякс Девять. Наводчикам следовать моим приказам. Наводчики садятся к востоку от краулера, мы – на западной стороне. Конец.

Он переключил передатчик на частоту своей группы, повторил приказ охране и передал микрофон обратно Кинесу. Тот вернулся на рабочую частоту, и динамик закричал:

– ...бункер почти полон! Повторяю, у нас почти полный бункер меланжи! Мы не можем бросить все это вонючему червя! Прием.

– К дьяволу меланжу! – рявкнул герцог. Он снова схватил микрофон и тоном приказа заговорил: – Пряность мы всегда можем собрать заново! Слушайте: места на топтерах хватит всем, кроме троих. Бросайте жребий или решайте как знаете – но мы вас забираем, и это приказ!

Он сунул микрофон Кинесу и пробормотал: «Прощу прощения», – Кинес потряс рукой, герцог ушиб ему палец.

– Сколько осталось времени? – спросил Пауль.

– Девять минут, – ответил Кинес.

– Этот орнитоптер, – сказал герцог, – мощнее остальных. Если взлетать на турбине с крыльями, выпущенными на три четверти, сможем взять еще одного человека.

– Песок тут мягкий, – заметил Кинес.

– Сир, с четырьмя лишними людьми на борту да при старте на реактивной тяге мы рискуем сломать крылья, – сказал Халлек.

– Только не на этой машине, – возразил герцог. Топтер спланировал и сел возле краулера. Крылья изогнулись, и машина, скользнув по песку, встала в двадцати метрах от борта комбайна.

Сейчас комбайн молчал, и отработанный песок больше не летел из отвальных труб. От краулера доносилось лишь негромкое гудение – когда герцог распахнул дверцу, оно стало слышнее.

Тотчас на них обрушился тяжелый, острый, густой запах корицы.

Рядом, по другую сторону краулера, с громким хлопанием крыльев сел один из наводчиков. Герцогский эскорт – машина за машиной – опускался и выстраивался в линию вслед за орнитоптером сеньора.

Пауль, глядя из кабины на комбайн, поразился, какими маленькими кажутся рядом с ним орнитоптеры – комары рядом с огромным жуком-носорогом.

– Гурни, Пауль, выбросьте заднее сиденье, – скомандовал герцог. Он сложил крылья, оставив их выпущенными на три четверти, установил их на правильный угол, проверил управление реактивными двигателями.

– Какого черта они не выходят?

– Надеются, что грузолет все же прилетит, – ответил Кинес. – Несколько минут у них еще есть.

Он смотрел на восток.

Все повернулись туда же. След червя им не был виден, но тем не менее в воздухе висело тяжелое напряжение.

Герцог взял микрофон, включил командную частоту своей группы, распорядился:

– Двоим выкинуть из машин экранные генераторы. Все, сколько есть! Тогда в каждую машину можно взять еще одного... Чтобы никого этой твари не оставить!

Он снова перешел на рабочую частоту, гаркнул:

– Эй, на Дельта Аякс Девять! Все наружу, немедленно! Это приказывает ваш герцог! Быстро – или я сейчас разнесу краулер лучеметом.

В передней части краулера откинулся люк, еще один у кормы, третий – наверху. Оттуда посыпались люди – они соскальзывали по обшивке, карабкались... Последним спустился высокий человек в залатанном рабочем комбинезоне. Он сперва спрыгнул на гусеницу, затем на песок.

Герцог вернул микрофон на пульт, соскочил на ступеньку над крылом, закричал:

– По два человека – в ваши наводчики!

Человек в комбинезоне с заплатами выдернул из толпы своих людей несколько пар, подтолкнул их к орнитоптерам, севшим по противоположную сторону комбайна.

– Еще четверо – сюда! – кричал герцог. – Четверо – в тот топтер! – Он ткнул пальцем в ближайший орнитоптер сопровождения. Солдаты как раз натужно выволакивали из него громоздкий силовой генератор. – И четверо – туда! – Герцог показал на другую машину, которая только что освободилась от своего генератора. – По три человека в каждую из оставшихся машин! Бегом, волки Пустыни!

Высокий человек закончил пересчитывать своих людей и с тремя оставшимися тяжело побежал по песку.

– Я слышу червя. Но не вижу, – сообщил Кинес.

Теперь слышали и остальные – шелестящий, шуршащий, наждачный звук, звук трения песка, далекий – но постепенно усиливающийся, приближающийся.

– Р-работнички... – пробормотал герцог. – Что за разгильдяйство!..

Вокруг слышалось хлопанье крыльев взлетающих орнитоптеров. Оно напомнило герцогу джунгли родной планеты – выходишь на поляну, раздвигая ветви, и огромные птицы-трупоеды поднимаются с мертвого быка.

Меланжеры добежали до их орнитоптера, полезли в кабину за спиной герцога. Халлек помогал – заталкивал их назад.

– Живей, ребята, ползайте! – погонял он. – Живее!

Пауль, затиснутый в угол потными и пыльными рабочими, чувствовал запах испарины страха, запах испуга. Он заметил, что у двоих меланжеров плохо подогнаны шейные уплотнители дистикомбов – и запомнил эту деталь на будущее. Надо, чтобы отец приказал усилить дисциплину в части внимания к дистикомбам. Стоит ослабить внимание к подобным вещам, и люди начинают разбалтываться.

Последний меланжер, задыхаясь, влез в кабину и выговорил:

– Червь! Он уже почти здесь! Взлетайте!

Герцог уселся в свое кресло, нахмурился:

– У нас еще почти три минуты, если исходить из первоначальной оценки времени. Разве не так, Кинес? – Он захлопнул дверцу и проверил, как та закрыта.

– Так, милорд, – почти три минуты, – отозвался Кинес и подумал: «А он хладнокровный, этот герцог!»

– Все в порядке, сир, – доложил Халлек.

Герцог кивнул, проследил, как стартовал последний из орнитоптеров охраны, включил зажигание, еще раз пробежался взглядом по крыльям, приборам. Включил реактивную тягу.

Стартовое ускорение вжало герцога и Кинеса в спинки кресла, навалилось на тех, кто сбился в задней части кабины. Кинес наблюдал, как герцог управляет орнитоптером. А тот вел машину мягко и уверенно. Вот аппарат оторвался от земли, и герцог снова проверил приборную панель, оглянулся налево-направо – на крылья.

– Машина перегружена, сир, – заметил Халлек.

– Но в пределах допустимого, – возразил герцог. – Или ты думаешь, что я стану рисковать ее грузом, Гурни?

Халлек ухмыльнулся:

– Что вы, сир.

Герцог широким поворотом повел машину вверх.

Пауль был притиснут возле окна и видел огромную брошенную машину внизу. Метрах в четырехстах от комбайна след червя исчез, и теперь песок вокруг машины словно бы слегка шевелился.

– Червь сейчас под краулером, – проговорил Кинес. – Сейчас вы увидите то, что видели очень и очень немногие.

Вокруг краулера над песком поднялись легкие облачка пыли. Огромный механизм накренился на правый борт, осел... Чуть правее краулера начала образовываться чудовищная воронка, словно водоворот в песчаном море. Песок в воронке двигался все быстрее. Теперь пыль и песок клубились над участком в несколько сот метров диаметром.

И они увидели *это*!

В песке открылась – нет, из него вынырнула! – огромная дыра. На усеивавших ее изнутри молочно-белых остриях сверкало солнце. Диаметр этого провала, прикинул Пауль, по меньшей мере вдвое превосходил длину комбайна. Машина на его глазах соскользнула в глубину страшной дыры посреди целой лавины песка и пыли. Дыра закрылась – и исчезла.

– Боги, что за чудовище!.. – пробормотал кто-то над ухом Пауля.

– Слопал всю нашу Пряность! – добавил другой меланжер.

– Кому-то придется за это дорого заплатить, – пообещал герцог. – Можете быть уверены.

По ровному звучанию его голоса Пауль почувствовал, как сильно разгневан отец. И он разделял этот гнев. Это было настоящее преступление – столько выброшено на ветер!

В наступившей тишине послышался голос Кинеса.

– Благословен будь Податель и вода Его, – негромко говорил он. – Благословенно явление и прохождение Его. Да будет очищен мир Его деянием. Да хранит он мир сей для людей своих...

– Что это? – спросил герцог.

Но Кинес внезапно замолчал.

Пауль взглянул на сбившихся вокруг меланжеров. Все они испуганно глядели в затылок Кинеса. Кто-то прошептал: «Лиет».

Кинес хмуро обернулся и бросил грозный взгляд на произнесшего это слово. Тот в замешательстве отпрянул.

Другой меланжер вдруг сухо, резко закашлялся. Наконец он сумел выговорить:

– Будь проклято это чертово пекло!..

Высокий арракиец, который последним покинул краулер, сказал успокаивающе:

– Тише, Косс, тише. Ты только сильнее будешь кашлять. – Он протиснулся немного вперед так, что оказался позади герцога. – Вы, конечно, и есть герцог Лето? – спросил он. – Мы вам обязаны жизнью. Признаться, мы уже думали, что нам крышка, – если бы не вы...

– Тихо, приятель, не мешай: герцог ведет машину, – сказал Халлек.

Пауль взглянул на Халлека. Гурни тоже заметил напряженные складки в углах губ отца. Когда герцог бывал в гневе, все старались не привлекать его внимания и ходили на цыпочках.

Лето вывел было топтер из широкого круга, который он описывал над местом гибели комбайна, как вдруг его привлекло новое движение внизу. Червь скрылся в глубине, и теперь неподалеку от исчезнувшего краулера показались две человеческие фигуры. Они словно скользили над поверхностью, и их шаги совершенно не поднимали пыль.

– Это еще кто – там, внизу? – грозно спросил герцог.

– Это?.. Да так... два парня, которые попросили нас подвезти их, – пробормотал высокий меланжер.

– Почему про них не сообщили?

– Н-ну, они решили рискнуть, – объяснил высокий.

– Милорд, – заметил Кинес, – всем этим людям хорошо известно, что пытаться помочь оказавшимся во владениях червей практических бесполезно.

– Тем не менее с базы мы вышлем за ними топтер, – решил герцог.

– Они были прямо там, где вышел червь, – задумчиво проговорил Пауль. – Как же они уцелели?

– Края отверстия проседают, – объяснил Кинес, – и поэтому трудно точно определить расстояния рядом с ним.

– Сир, мы напрасно расходует топливо, – осмелился заметить Халлек.

– Что?.. Ах да, ты прав, Гурни.

Герцог развернул орнитоптер в сторону Барьерной Стены. Остальные машины тоже переставали кружить над сценой катастрофы, пристраиваясь к их орнитоптеру сверху и по сторонам.

Пауль думал о сказанном Кинесом и высоким меланжером. Он чувствовал, что тут была и полуправда, и прямая ложь. Люди там, внизу, шли по песку слишком уверенно – и их шаг явно был рассчитан на то, чтобы он не приманил вновь червя из его песчаных глубин.

«Фримены! – подумал Пауль. – Кто еще может так уверенно чувствовать себя на песке? Кого еще могли оставить вот так – и не беспокоиться за их жизнь, поскольку их жизни ничто не угрожает? Они знают, как выжить и жить здесь! Они могут перехитрить червя!...»

– Что делали фримены на краулере? – напрямик спросил он.

Кинес вздрогнул и обернулся.

Высокий арракиец посмотрел на Пауля широко открытыми глазами – сплошная глубокая синева.

– Кто этот парень? – резко спросил он.

Халлек передвинулся так, чтобы оказаться между Паулем и меланжером, и ответил:

– Это – Пауль Атрейдес, наследник герцога.

– С чего он взял, что на нашей тарахтелке были фримены? – настороженно спросил высокий.

– Они подходят под описание, – объяснил Пауль.

Кинес фыркнул.

– Да разве можно отличить фримена только на вид! – Он посмотрел на меланжера. – Эй, ты! Кто эти двое?

– Да так, дружки одного из наших, – неохотно ответил тот. – Из деревни. Попросились – покажи им да покажи меланжевые пески!

– Как же, фримены... – проворчал Кинес, отворачиваясь. – Какие тут фримены!

Но он слишком хорошо помнил легенду: «...и Лисан аль-Гаиб будет видеть сквозь всякие покровы, и уловки не обманут его».

– Все равно они, наверное, уже покойники, молодой сэр, – сказал арракиец. – Не нужно говорить о них худо.

Но Пауль слышал фальшь в их голосах и уловил угрозу, заставившую Халлека инстинктивно занять позицию для охраны своего юного хозяина. Он сухо бросил:

– Ужасно умереть в таком месте.

Не поворачиваясь, Кинес ответил, словно цитируя:

– Когда Бог желает, чтобы тварь его встретила свою смерть в некоем месте, то так направляет он желания сей твари, что они ведут ее в назначенное место.

Лето тяжело посмотрел на Кинеса.

И Кинес, встретив этот взгляд и так же твердо глядя герцогу в глаза, подумал: «Этот герцог больше беспокоился о людях, нежели о Пряности. Он рисковал своей жизнью – и жизнью своего сына! – чтобы спасти людей. Он спокойно принял гибель краулера, а угроза жизни людей привела его в бешенство. Такому вождю можно быть преданным до фанатизма. Победить его нелегко...»

И против собственной воли, против своих первоначальных выводов, Кинес признался себе: «Мне нравится этот герцог».

Чувство величия преходяще. Оно непостоянно и непоследовательно. Отчасти оно зависит от мифотворческого воображения человечества. Человек, испытывающий величие, должен чувствовать миф, в который вплетена его жизнь. Он должен отражать то, что этот миф проецирует на него. И он должен быть прежде всего ироничным – ибо именно ирония удержит его от веры в собственное величие, она – единственное, что даст ему подвижность внутри себя. Без этого качества даже и случайное величие уничтожит человека.

(Принцесса Ирулан, «Избранные изречения Муад'Диб»))

Плавающие светильники изгнали ранние сумерки из обеденного зала Арракинского дворца. Их желтый свет озарял снизу огромную голову черного быка с окровавленными рогами и темно поблескивающий, писанный маслом портрет Старого Герцога.

Под этими реликвиями на белоснежных скатертях сияло начищенное до неправдоподобного блеска фамильное серебро Атрейдесов. Безукоризненно расставленное, оно образовывало геометрически совершенные островки напротив каждого из тяжелых деревянных кресел;

сверкал хрусталь кубков и бокалов. Центральная люстра в классическом стиле пока не горела. Ее цепь тянулась вверх – туда, где скрывался в тених ядоискатель.

Остановившись в дверях, чтобы оглядеть зал и проверить, как все приготовлено к приему, герцог подумал о том, что значил ядоискатель в их жизни.

«В этом все мы, – думал он. – О нас можно судить по нашему языку – точные и изысканные названия для разных видов предательского убийства. Сегодня, например, кто-то может попытаться применить чаумурки – яд в питье. Или, скажем, чаумас – яд в пище...»

Он покачал головой.

На длинном столе подле каждого прибора стояла плоская хрустальная фляга с водой. Тут столько воды, что бедной арракинской семье хватило бы на год, подумал герцог.

По обе стороны от дверей на уровне пояса были поставлены огромные рукомойники – лотки из желтого фаянса с зеленым узором. Возле каждого рукомойника стоял стол со стопками полотенец. Обычай требовал, объяснил мажордом, чтобы каждый гость при входе церемонно погружал руки в рукомойник, плескал на пол воду – несколько горстей, а затем, вытерев руки полотенцем, бросал бы это полотенце в растущую у входа лужу. А после приема воду выжимали и подавали собравшимся у входа нищим.

«Как это по-харконненски, – подумал герцог, – поистине они не упустили ничего, в чем можно проявить низость деградировавшей души!» Он сделал тяжелый, медленный вдох, чувствуя, как его душит гнев.

– С этой традицией покончено, – пробормотал он.

Тут герцог увидел служанку – одну из тех узловатых, сварливых на вид старух, которых рекомендовал мажордом. Та явно болталась без дела возле дверей, ведущих на кухню. Герцог жестом подозвал ее, она вышла из тени, суетливо побежала к нему вокруг стола. Герцог обратил внимание на темное, словно продубленное, лицо, на ярко-синие глаза без белков.

– Что прикажет господин? – она стояла, потупив глаза и опустив голову.

– Пусть уберут эти рукомойники и полотенца. – Герцог махнул рукой.

– Но... Высокородный... – Теперь старуха подняла голову и изумленно приоткрыла рот.

– Я знаю обычай! – отрезал он. – Пусть рукомойники поставят у входа снаружи. И покуда мы за столом – до конца приема! – всякий нищий может получить стакан воды. Все ясно?

На темном лице отразились досада и даже злость.

Лето вдруг сообразил, что она конечно же собиралась продать воду, выжатую из истоптанных полотенец, заработать несколько медяков на несчастных, которые приходят выпрашивать воду. Может, и это было в обычае?..

Лето нахмурился.

– Я выставлю там охранника, который проследит, чтобы мои приказы исполнялись в точности, – пригрозил он.

Резко повернувшись, герцог быстрыми шагами пошел к Большому залу. Воспоминания гудели в его голове подобно беззубому бормотанию старух. Он вспомнил открытую воду, волны, траву вместо песка под ногами – чудесные годы, промелькнувшие мимо, точно уносимые бурей листья.

Все прошло.

«Старею, – подумал он. – Я ощутил ледяное прикосновение собственной смертности. И в чем?! В жадности какой-то старухи?..»

В Большом зале пестрая толпа собралась у камина, возле леди Джессики. Трещал настоящий открытый огонь, бросая оранжевые отблески на драгоценности, кружева и дорогие ткани. Герцог узнал среди собравшихся фабриканта дистикомбов из Карфага, импортера электронного оборудования, водоторговца, выстроившего свое летнее имение близ полярной шапки, представителя Гильд-Банка (он был чрезмерно худ и держался замкнуто), поставщика запасных частей для меланжедобывающей техники, тонкую, с жестким лицом женщину (говаривали,

ее фирма по сопровождению и обслуживанию инопланетных гостей была лишь прикрытием для контрабандных операций, шпионажа и вымогательства). Большинство женщин здесь принадлежали к тому особенному типу, который странно сочетает недоступность и чувственность.

«Джессика царила бы над толпой, даже если бы не была хозяйкой дома», – подумалось герцогу. На ней не было драгоценных украшений, она подобрала себе одежду теплых цветов – длинное платье почти того же цвета, что и янтарное пламя в камине, коричневая, охряного оттенка лента, подхватившая бронзовые волосы.

Герцог понял, что она оделась так, чтобы поддразнить его, упрекнуть за недавнюю холодность. Ей было прекрасно известно, что она больше всего нравилась ему именно в этих цветах – он воспринимал ее как игру теплых красок.

Чуть в стороне от гостей стоял Дункан Айдахо. Его парадная форма сияла, плоское лицо непроницаемо, черные выющиеся кудри тщательно причесаны. Его отозвали от фрименов, и Хават дал ему секретное поручение: под видом охраны леди Джессики тщательно за нею следить.

Герцог оглядел зал.

В углу, окруженный группой молодых льстецов, пытающихся подладиться к нему – арракинской золотой молодежью, – стоял Пауль. Неподалеку от них – три офицера войск Дома Атрейдес. Герцога беспокоили девушки – наследник был бы для них желанной добычей. Однако Пауль со всеми держался одинаково – замкнуто и подчеркнуто-аристократически.

«Он будет достойно носить титул», – подумал герцог, и неприятный холодок коснулся его, когда он внезапно понял, что это – еще одна мысль о смерти.

Пауль заметил в дверях отца и отвел глаза. Взглянул на группки гостей, руки в перстнях, держащие бокалы (и по возможности незаметные проверки этих бокалов крохотными карманными ядоискателями дистанционного действия). Внезапно Пауль почувствовал неприязнь к этим пустым разговорам, к этим лицам – дешевым маскам, прикрывающим нарывающие, сочащиеся гноем мысли, к голосам, пытающимся спрятать за болтовней оглушительное молчание пустых душ.

«Просто я захандрил отчего-то, – подумал он. – Интересно, что сказал бы об этом Гурни?»

Он знал причину этой хандры. Ему не хотелось присутствовать на этом приеме, но отец был непреклонен: «У тебя есть долг. В частности, ты должен соответствовать своему положению. Ты для этого достаточно взрослый. Ты уже почти мужчина».

Пауль смотрел, как отец вышел из дверей, оглядел зал и направился к окружавшей Джессики группе.

Подойдя, он услышал, как водоторговец спрашивает:

– А правда, что герцог намерен установить контроль за погодой?

Герцог ответил из-за его спины:

– Пока мы не заходили так далеко в своих планах.

Торговец живо обернулся. У него было почти дочерна загоревшее лицо с вкрадчивым выражением.

– О, герцог! – воскликнул он. – Мы вас заждались!

Лето взглянул на Джессику:

– Пришлось кое-что сделать.

Он вновь перевел взгляд на торговца и рассказал, что было сделано по его приказу с умывальниками.

– Насколько это зависит от меня, с этим старым обычаем будет покончено.

– Следует ли понимать это как ваш приказ, милорд? – осведомился водоторговец.

– Оставляя это на ваше... э-э... на вашу совесть, – ответил герцог и повернулся к подходящему к ним Кинесу.

– Как это благородно, как щедро с вашей стороны – отдать воду этим... – защebetала какая-то дама, но на нее шикнули.

Герцог смотрел на Кинеса. Планетолог, отметил он, одет в темно-коричневый мундир старого образца с эполетами Гражданской Службы и золотой каплей – эмблемой его ранга в петлице.

– Герцог критикует наши обычаи? – раздраженно спросил водоторговец.

– Обычай уже изменился, – бросил герцог. Он кивнул Кинесу, заметил морщинку между бровей Джессики, подумал: «Ей не идет нахмуренное лицо. Но это увеличит слухи о наших тренингах...»

– С позволения герцога, – снова обратился к нему торговец, – нельзя ли подробнее узнать об изменениях в обычаях?

Лето уловил внезапно появившиеся в его голосе масляные нотки, заметил напряженное молчание, установившееся вокруг, то, как по всему залу лица стали поворачиваться к ним.

– Не пора ли к столу? – попыталась сменить тему Джессика.

– Но у нашего гостя остались вопросы, – любезно сказал Лето. Он внимательно смотрел на торговца: круглолицый, толстогубый человек с большими глазами. Припомнил доклад Хавата: «...а за этим водоторговцем надо следить. Запомните это имя – Лингар Беут. Харконнены пользовались его услугами, но не могли контролировать его».

– В связанных с водой обычаях так много любопытного, – улыбаясь, сказал Беут. – К примеру, хотелось бы знать, каковы ваши планы относительно устроенной при этом доме влажной оранжереи. Собираетесь ли вы впредь похвалиться ею перед людьми... милорд?

Лето взглянул торговцу в глаза, сдерживая гнев. Но тут было о чем подумать. Бросать ему вызов – в его собственном дворце! – особенно учитывая, что этот Беут подписал контракт о вассалитете, – это требовало смелости. И – чувства своей власти. Да, вода в этом мире – это власть. Предположим, системы водоснабжения здесь заминированы и могут быть в любой момент уничтожены... Вполне возможно, что именно с помощью такого дамоклов меча Беут сдерживал в узде Харконненов.

– У моего господина герцога и у меня особые планы относительно оранжереи, – вмешалась Джессика, улыбаясь Лето. – Мы, разумеется, сохраним ее – но сохраним для народа Арракиса, как опекуны. Ибо мы мечтаем о том, что когда-нибудь климат Арракиса изменится так, что станет возможным повсеместно выращивать такие растения просто под открытым небом.

«Умница! – подумал Лето. – Пусть-ка наш водоторговец поразмыслит над этим!»

– Я хорошо понимаю, насколько вы заинтересованы во всем, что связано с водой и погодным контролем, – сказал он, – но я бы порекомендовал вам более разнообразно размещать свои капиталы. Рано или поздно вода здесь перестанет быть самым дорогим товаром...

И он подумал: «Хавату следует удвоить усилия по внедрению в организацию этого Беута. И мы должны немедленно заняться системами водоснабжения. Меня никто в узде держать не посмеет!..»

Беут кивнул, все еще улыбаясь.

– Достойная мечта, милорд. – Он отступил на несколько шагов.

Лето вдруг увидел глаза Кинеса. Тот не отрываясь глядел в лицо Джессике. Словно пораженный – словно влюбленный... словно верующий в священном трансе...

...А мысли Кинеса были заняты словами пророчества – наконец оно полностью овладело им. Пророчество гласило также: «...И они разделят сокровеннейшую вашу мечту». Кинес, не отводя глаз, прямо спросил Джессику:

– Вы несете нам сокращение пути?

– А, доктор Кинес! – воскликнул водоторговец. – Вы оставили ради нас бродяжничество с шайками ваших фрименов? Как мило с вашей стороны, что вы присоединились к нам!

Кинес окинул Беута странным взглядом, проговорил:

– В Пустыне говорят, что обладание слишком большим количеством воды делает человека опасно неосторожным.

– Мало ли о чем говорят в Пустыне – у них много странных поговорок, – ответил Беут. Но его голос выдал беспокойство.

Джессика подошла к Лето, взяла его под руку – просто чтобы протянуть несколько секунд и успокоиться. Кинес сказал «сокращение пути». На старом языке это выражение прозвучало бы как «Квисатц Хадерах». Окружающие как будто не обратили внимание на странный вопрос планетолога, а сам он уже склонился над чьей-то женой и выслушивал ее кокетливую болтовню.

Квисатц Хадерах, подумала Джессика. Неужели Миссионария Протектива принесла сюда *эту* легенду? В этой мысли скрывалась надежда для Пауля. Он мог бы... мог бы быть этим Квисатц Хадерахом...

Представитель Гильд-Банка меж тем заговорил о чем-то с водоторговцем. Голос Беута перекрыл гудение возобновившихся разговоров:

– Немало людей хотело изменить Арракис!..

Герцог заметил, как Кинес, услышав это, вздрогнул, распрямился и даже отшатнулся от флиртующей дамы.

В неожиданно наступившей тишине охранник, переодетый в ливрею лакея, кашлянул за спиной Лето и объявил:

– Обед подан, милорд.

Герцог вопросительно взглянул на Джессику.

– Согласно здешнему обычаю, хозяева идут к столу позади гостей, – сказала она. – Или мы изменяем и этот обычай, милорд?

– Это, по-моему, неплохой обычай, – холодно ответил герцог. – Пока мы его оставим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.